

**УПРАВЛЯЕМОСТЬ
И ДИСКУРС
ВИРТУАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ
В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИКИ
ПОСТПРАВДЫ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2019**

УДК 32.019.51

ББК 60.561.3

У 66

Рецензенты: В. А. Ачкасова, доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой связей с общественностью в политике и государственном управлении

Е. А. Окладникова, доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Авторы:

Мартьянов Д. С. – Введение, Параграфы 1.1–1.2, 4.1, 7.2, Главы 2 и 8, Заключение.

Быков И. А. – Параграф 1.4, Глава 4.

Лукьянова Г. В. – Параграфы 1.3, 7.2, Главы 5 и 6.

Мартьянова Н. А. – Главы 3 и 8.

Подлеская Н.С. – Параграф 7.1.

Рубцова М.В. – Параграф 3.3.

У 66 Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / Под ред. Д. С. Мартьянова. СПб.: ЭлекСис, 2019. 312 с.

ISBN 978-5-6040317-9-7

Коллективная монография посвящена исследованию политической коммуникации в виртуальных сообществах. Рассматривается широкий круг теоретических вопросов, связанных с критикой концепта постправды, концептуализацией сообщества в условиях индивидуализированного общества, проблемой управляемости сетевой коммуникации. Также в работе представлены данные комплекса эмпирических исследований – сетевого и конверсационного анализа, дискурс-анализа и исследования селективной модерации.

Монография рассчитана на социологов, политологов, коммуникативистов, дискурсологов, специалистов в области управления, интересующихся проблематикой развития современного информационного общества, Интернета, а также проблемами информационной политики и управления коммуникацией в глобальном мире.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31551 «Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды»

ББК 60.561.3

© Коллектив авторов, 2019.

Авторы этой коллективной монографии предприняли попытку исследования того, как дискурс становится фактором управляемости в Интернете в эпоху постправды. Среди синонимов политики постправды в зарубежной науке получили распространение такие формулировки как «постфактуальная политика» и даже «постреальная политика». Последнее словосочетание симптоматично, поскольку в условиях господства электронных медиа, реальность действительно отходит на второй план, уступая место бесконечному потоку информации и эмоций, которые определяют мысли и поведение интернет-пользователей.

Технооптимисты и апологеты делиберативной демократии видели в интернет-пространстве среду, в которой сами участники рационального диалога станут субъектами управления, а адепты киберпанка связывали Интернет с анархическим пространством абсолютной свободы, лишённом управления и правительства. Но фиксация «эпохи постправды» разрушает эти идеалистические модели, вновь актуализируя вопрос о том, кто и как должен управлять коммуникацией.

Не за горами момент, когда управлять большей частью контента в Интернете будет искусственный интеллект. Словно бы завершая полотно, созданное философами-постмодернистами, субъектом управления в цифровом мире может стать симулякр субъекта – алгоритм, которому будет приписываться ответственность за принятие важнейших решений в сфере социальной коммуникации.

Но сегодня мы сталкиваемся с другой проблемой, в которой необходимо фиксировать не столько «смерть субъекта», сколько неочевидную ситуацию с объектами управления. Если рассматривать постправду не как объективную ситуацию с принципиально новым состоянием общественных отношений, а как инструмент маркирования одних политических сил другими, то дискурс постправды фиксирует гораздо более интересный факт – потерю управляемости части общества.

Хотя наиболее резонансные проявления постправды характерны для поляризованного из-за внутривнутриполитического противостояния американского общества, схожие тенденции можно наблюдать и в других странах. Учитывая общемировой контекст и теории, связанные с постправдой, публичной сферой, управляемостью, мы применили их для анализа сетевой коммуникации в России.

Эта монография объединила в себе некоторые теоретические выводы, касающиеся управляемости и дискурса в Интернете, а также комплекс эмпирических исследований, посвященных политической коммуникации в российской сети «ВКонтакте».

Благодарности

Коллектив авторов выражает свою искреннюю признательность сотрудникам СПбГУ Платонову Константину Аркадьевичу и Юдиной Дарье Игоревне, которые помогли нам в анализе данных, а также студентам и выпускникам СПбГУ – Долгих Ульяне Олеговне, Минхузовой Регине Ильдаровне, Пожидаевой Арине Александровне, Раджаповой Надежде Сергеевне, Тукиной Дарье Игоревне, Фроловой Анастасии Александровне, Черетских Валерии Игоревне, Боброву Ивану Владимировичу, Рычковой Ольге Владимировне, Соловьеву Аркадию Юрьевичу, Хайретдиновой Эльмире Рафиковне, Ходаковскому Василию Евгеньевичу, Шерзай Камилле Акаевне, которые помогли в сборе данных для этого исследования.

Глава 1. Феномен постправды и его критика

1.1. Постправда как состояние неуправляемости

Декларирование новой политической реальности как эпохи постправды часто сопровождается драматическим пафосом. И. Калпокас свою монографию о постправде начинает с тезиса о современной эпохе как об окончательной смерти Просвещения. Девальвация «объективной истины» происходит на фоне возвращения к эмоциональной привлекательности, символическим ценностям и субъективным истинам¹. В то же время содержание понятия «постправда» улавливается скорее интуитивно и обычно включает в себя значения, связанные с доминированием непроверенных и сфабрикованных фактов, отсутствием эпистемологического и аксиологического конвенционализма в отношении истины, а также превалированием эмоциональной составляющей над фактологической².

Центральным стержнем дискуссии о постправде обычно является вопрос о новизне этого феномена. Несмотря на относительную концептуальную свежесть «постправда» описывает явления, которые были присущи политическому процессу, как минимум, на протяжении всего демократического периода его развития. Р. Пичиотто отмечает, что «первенство идеологической предвзятости, поляризация веры и обилие политической лексики не новы»³. Подобные характеристики, которые часто приписываются постправде сейчас, с его точки зрения, существовали на протяжении всей истории, а политики в прошлые эпохи не были честнее, чем сегодняшние. Но концепт постправды играет более существенную роль как категория, фиксирующая «глубокую неудовлетворенность статус-кво» и является «признаком глубоких

---

¹ Kalpokas I. (2018) A Political Theory of Post-Truth. Springer. P.2.

² Ibid. P.9.

³ Picciotto R. (2019) Is evaluation obsolete in a post-truth world? Evaluation and Program Planning, Volume 73, pp. 88-96.

политических дисфункций, основанных на уникальном историческом контексте»⁴.

Манипуляции, кампании по дезинформации с использованием лжи или полулжи являются привычной частью политического процесса, но только сейчас научные поиски в этом направлении в США приобрели политическую значимость⁵, настолько серьезную, что в пору говорить о самом серьезном расколе в американском обществе со времен Гражданской войны.

Сам термин «постправда» был употреблен еще в 1992 году сербско-американским драматургом Стивом Тесичем, который анализируя уотергейтский скандал, скандал вокруг тайных поставок вооружений в Иран правительством США в 1986 году, а также первую войну в Персидском заливе, в довольно эмоциональной манере провозгласил «некий мир постправды»⁶. Позже в 2004 году Р. Кейс, обрушившийся с критикой на «пронизанное сверху донизу ложью» американское общество, определил его как стирание границ между ложью и правдой, а также фактами и фальсификациями⁷. Однако пика своей популярности этот термин достиг в 2016 году в ходе президентской избирательной кампании в США. Не поддержанный партийным истеблишментом кандидат от республиканцев смог вопреки сопротивлению медиа, обвинениям в поддержке заокеанских врагов и прогнозам американских ученых победить на выборах. Категория постправды одновременно и изобличала Д. Трампа, и служила объяснением факта его победы. Её научная актуализация во многом исходила из актуализации термина в политическом дискурсе, что изначально подразумевало его очевидную ангажированность.

---

⁴ Picciotto R. (2019) Is evaluation obsolete in a post-truth world? *Evaluation and Program Planning*, Volume 73, pp. 88-96.

⁵ Mejia R., Beckermann K., Sullivan C. (2018) White lies: a racial history of the (post)truth, *Communication and Critical/Cultural Studies*, 15:2. pp. 109-126.

⁶ Tesich S. (1992) A Government of Lies, *The Nation*, January 6/13. P. 12–14.

⁷ Keyes R. (2004) *The Post-truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin's Press.

Постправда иллюстрирует победу формы над содержанием. Она делает акцент не на доказательстве фактов, а лишь на их утверждении. Геббельсовская формула «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой» хоть и обрела новые стилистические характеристики, но в целом сохранила свою циничную правоту. Постправдой маркируют признанное определенными группами убежание от господствующей рациональности и фактов, которые её легитимируют. В связи с этим новый термин нивелирует противостояние между правдой и ложью, а затем снимая его, делает попросту неважным.

Постправда предполагает «нормализацию лжи» или, как минимум, своеобразную терпимость к лжи политических лидеров. В какой-то степени постправда даже могла бы стать «честностью лжи», её признанием и легитимацией, и новая эра постправды ознаменовала приход циничного мира, в котором политикам уже не нужно было бы притворяться, будто они излагают объективные факты. Однако критика постправды все же убеждает в обратном – постправда не является в полном смысле научной категорией. Это факт политической реальности, порождение медиа, которое требует исследования не на уровне описания приписываемого ей содержания, а анализа предпосылок введения этого термина в общественное мнение.

Постправда всегда ищет иллюстрацию, объект, которому можно было бы её приписать. Помимо Трампа такими объектами могут выступать Б. Джонсон, брекзит, В. Путин, любые политики, которые маркируются истеблишментом как «популисты». При этом сами такие лидеры обычно рассматриваются чуть ли не как главная причина постправды, в то время как причины их популярности, если и рассматриваются, то лишь как второстепенные. Однако формирование постправды достигается отнюдь не по субъектно-объектной модели, а является результатом конвенционализма между отдельными группами и теми, кто публично выражает их точку зрения. Теоретики постправды стараются представить такие группы как маргинальные, хотя в случае с США оче-

видно, что эти «маргинальные» группы могут обеспечить успех на федеральных выборах. Таким образом, ярлык «маргинальный», который является коннотацией постправды, отражает не столько количественные аспекты, сколько субъективные и идеологические.

Сам концепт постправды, несмотря на некоторый научный потенциал, необходимо признать, является, во-первых, эпистемологическим инструментом, который наиболее последовательно используется либеральной частью американской общественности в идеологической борьбе с их правыми оппонентами (прежде всего сторонниками Трампа), и во-вторых, психологическим инструментом для того, чтобы рационализировать неэффективность стратегии современного американского истеблишмента.

Центральными иллюстрациями постправды выступали заявления Трампа, вроде сказанной им в ходе предвыборной кампании 2016 года фразы о том, что уровень убийств в США растет. В дальнейшем это сообщение, как и многие подобные, было опровергнуто американскими журналистами. Однако рациональная аргументация журналистов, передававшая реальное положение дел, как оказалось, ушла «в молоко», показав полную неэффективность рациональной аргументации подобного рода в данной предвыборной борьбе. Рациональные аргументы против Трампа и в пользу его конкурентов раз за разом приводили к обратному эффекту – электорат республиканского кандидата лишь укреплялся в правоте своего фаворита. Последовательная критика некоторых медиа, в ответ именуемых Трампом как «фейк-ньюс», обрел характер своеобразного поединка. К апрелю 2019 года журналисты насчитали, что Трамп сделал более 10000 ложных или вводящих в заблуждение заявлений. Маркирование его политики как постправды действительно стало походить на своеобразную охоту.

Впрочем, рассмотрение одного или даже столь длительной серии схожих случаев может увести нас от сути проблемы. Ангажированность самих «разоблачителей» «лживого» Трампа, присвоивших себе

позицию рациональности и «правду», сыграла не меньшую роль, чем объекты их критики. А обратные обвинения заставляют рассматривать ситуацию уже под иным углом.

Зачастую постправду правомерно и логично связывают с кризисом социально-политических институтов⁸ (сознательно или нет, при этом не заглядывая в фундамент самих этих институтов, основывающихся на динамично трансформирующихся аксиологических и идеологических стержнях). Проблема является настолько фундаментальной, что затронула и научное сообщество. Делегитимация научного знания вследствие его очевидной политизации становится предметом дискуссий в научных кругах⁹ и объектом критики со стороны «ущемленных» политических деятелей. Американское научное сообщество в этом контексте зачастую не стесняется собственной ангажированности, критикуя постправду как подверженный идеологии феномен и игнорируя собственные лево-либеральные или просто неолиберальные утверждения¹⁰. Сами же принципы неолиберализма критиками постправды под сомнение не ставятся. Как отмечает Р. Пиччиотто, рассматривая проблемы, связанные с постправдой, «неудачи не умаляют того факта, что либеральный гуманизм был и остается доминирующей идеологией современной цивилизации»¹¹.

Находящая корни еще в концепции деидеологизации догматизация неолиберализма и попытки закрепить ярлык «постправда» за лишь одной стороной конфликта выражаются в приписывании постправде кон-

---

⁸ *Iyengar S., Massey D. S.* (2019) Scientific communication in a post-truth society. *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2019 Apr 16; 116(16): 7656–7661.

⁹ *Iyengar S., Massey D. S.* (2019) Scientific communication in a post-truth society. *Proc Natl Acad Sci U S A*. 2019 Apr 16; 116(16): 7656–7661; *Davenport C.* (2017) December 4, 2011 As climate-change science moves in one direction, Republicans in Congress are moving in another. Why? *The Atlantic*. Available at <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2011/12/heads-sand/334776/>

¹⁰ См., напр.: *Jaques C., Islar M., Lord G.* (2019) Post-Truth: Hegemony on Social Media and Implications for Sustainability Communication. *Sustainability*. №11, 2120; *Mejia R., Beckermann K., Sullivan C.* (2018) White lies: a racial history of the (post)truth, *Communication and Critical/Cultural Studies*, 15:2. P. 109-126; *Picciotto R.* (2019) Is evaluation obsolete in a post-truth world? *Evaluation and Program Planning*, Volume 73. P. 88-96.

¹¹ *Picciotto R.* (2019) Is evaluation obsolete in a post-truth world? *Evaluation and Program Planning*, Volume 73. P. 88-96.

кретного (правого) идеологического вектора, тем самым делая постправду как категорию инструментом в руках левых.

Медиатизация. Важнейшей основой постправды является медиатизация. Медиатизация приходит через включение медиа в среду повседневности. Взаимоотношения между политикой и медиа носят двоякий характер. С одной стороны, «политика, общение и развлечения становятся трудно различимыми, все они подчиняются внутренней логике средств массовой информации»¹². С другой стороны, политика теряет свою независимость и больше не является автономной сферой. Медиатизация связана с центральной ролью средств массовой информации в повседневной жизни, т.е. подчинению социальных, экономических, политических и т. д. областей логике СМИ, что позволяет СМИ формировать и формулировать такие области¹³. Политические акторы не могут больше управлять своей коммуникацией самостоятельно, эта функция переходит к медиа. А сам институт медиа в Веб 2.0 депрофессионализируется и атомизируется, трансформируя медиасреду из крупных каналов коммуникации в бесконечную коммуникативную сеть, в которой довольно сложно выявить все узлы, определяющие политику. Деинституционализация формирует персонализированное политическое пространство, в котором старые институты (партии, идеологические группы) уже не играют прежней роли. Поскольку политику определяют именно медиа, то они определяют и её стиль и формы. Переход к сугубо капиталистически ориентированным медиа, политика которых все меньше определяется государством, прежде обозначавшим для медиа требуемый набор общественных функций, приводит к тому, что основной функцией медиа становится предоставление удовольствия в обмен на деньги, полученные в обмен на внимание аудитории. В обществе гедонизма, которое является для медиа источником прибыли, политические игроки вынуждены играть

---

¹² *Kalpokas I.* (2018) *A Political Theory of Post-Truth.* Springer. P. 54

¹³ *Ibid.* P. 125

по новоявленным принципам медиа. И именно они формируют господство эмоционального над рациональным.

Эмоционализация политики. В эпоху постправды рациональные аргументы и объективные факты перестают играть роль ключа к головам избирателей. Постановка вопроса об эмоционализации политики, впрочем, не нова. Например, Ю. Хабермас развивая популярную тему падения интеллектуалов, говорил о том, что «эшафотом» для них становится требующее эмоционально-чувственного восприятия телевидение, которое противопоставлялось Хабермасом рациональной рефлексии, связанной с текстом¹⁴. В контексте выборов подтверждают правоту Хабермаса и хрестоматийные телевизионные дебаты 1960-го года Никсона и Кеннеди, провозгласившие приоритет внешних характеристик кандидатов над содержанием дебатов. Однако как показывает дальнейшая история, эмоционализация политики может даже с большей степенью успешности использовать в своих целях текстовую коммуникацию.

Впрочем, при использовании термина «постправда» реже обращают внимание на саму систему коммуникации и чаще фиксируют его в определенном политическом поведении, расширяя термин до «пристрастия к неоднозначным, уклончивым или юмористическим высказываниям, комическим оскорблениям, преувеличенным претензиям, чрезмерному хвастовству, грубым упрощениям, а также опоры на дискурсы, в которых используется пугающая речь, проявляется дурной вкус и терпимость к экстремистским мнениям»¹⁵.

Постдоверие. Ключевым моментом в феномене постправды видится системное отсутствие социального доверия как нормальной практике общественной жизни. Недоверие к науке, СМИ, политическим институтам и истеблишменту сопряжено с отсутствием доверия в

---

¹⁴ Черепанова Т. В. «Неспособность к разговору», или Статус публичной сферы в информационном обществе: Х. Арндт и Ю. Хабермас // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2011. №2 (91). С. 45.

¹⁵ Picciotto R. (2019) Is evaluation obsolete in a post-truth world? Evaluation and Program Planning, Volume 73. P. 88-96.

самом обществе, расколотом на принципиально новом для современной западной цивилизации аксиологическом и даже экзистенциальном уровне.

Отсутствие доверия, впрочем, может рассматриваться и как специфическая черта современного общества. Э. Гидденс утверждает, что характерное для традиционных обществ с их особым отношением к институтам предустановленное «общее доверие» в современном мире сменяется активным доверием – требующим постоянного подтверждения действием¹⁶. Современные общества имеют мало гарантированного доверия к учреждениям и институтам, включая целые профессии (например, часть профессий, таких как журналистика, могут рассматриваться как априори сомнительные в плане доверия). В связи с этим необходима кропотливая работа по созиданию «активного доверия», которое в эпоху постправды, как отмечает Дж. Харсин, может достигаться также с помощью аффективного доверия (или постдоверия), которое формирует «эмоправду». Активное доверие отличается персонафицированным характером, что вполне вписывается в объяснительную модель эпохи постправды.

Эмоправда выглядит как выход за пределы срежиссированных телевизионных программ, которые идут согласно предустановленным сценариям, с помощью агрессивных эмоций – криков, плача, возмущения, оскорблений и даже унижений. Именно эти эмоции становятся основой для формирования активного доверия¹⁷.

Отсутствию доверия сопутствует еще более важная характеристика – отсутствие какого-либо желания слушать аргументацию друг друга. Постправда – это глухота к диссонирующей информации, основывающаяся как на бессознательных и иррациональных факторах, так и на аксиологических и идеологических противоречиях.

---

¹⁶ Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Palo Alto: Stanford UP.

¹⁷ Harsin J. (2017) *Trump l'Œil: Is Trump's Post-truth Communication Translatable?* *Contemporary French and Francophone Studies*, 21(5). pp. 512–522.

Аксиологическая компонента, находящая выражение в т.ч. в идеологии, либо элиминируется теоретиками постправды, полагающими, что ряд общественных ценностей (включающих прежде всего шовинистские, расистские взгляды) – являются проявлением «индивидуальных иррациональностей» и невежества¹⁸, в то время как либеральная рациональность рассматривается как норма, либо же характеристики постправды указываются как признаки отдельных идеологий – например, рядом авторов постправда называется в качестве необязательного признака расизма¹⁹. Если речь о «культурных войнах» в США и заходит в больших исследованиях о постправде, то авторы зачастую стараются упомянуть о ней лишь вскользь²⁰.

Концепция постправды находит довольно много параллелей в контексте методологии постмодерна: здесь и критика рациональности, и делегитимация общего, и постмодернистский релятивизм, и индивидуализация знания и политики. Однако постправда в отличие от постмодерна несет исключительно негативные коннотации. Если методология постмодерна во многом способствовала эмансипации маргинальных слоев, то постправда является реакцией бывших привилегированных слоев на переход маргинальных слоев в позицию доминирующих. Постмодерн ознаменовал начало деконструкции старого социально-политического порядка, в то время как постправда фиксирует противоречия обоснования нового порядка.

Постправда как раскол. В США актуализация темы постправды и популизма связаны с уверенным ростом поляризации партийной политики. На смену кризису партийной идентичности в XXI веке пришло неприятие представителей другой политической партии. Отмечается, что в США в настоящее время даже увеличивается число людей, которые

---

¹⁸ Meja R., Beckermann K., Sullivan C. (2018) White lies: a racial history of the (post)truth, *Communication and Critical/Cultural Studies*, 15:2. P. 109-126.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Kalpokas I. (2018) *A Political Theory of Post-Truth*. Springer.

не приемлют «межпартийные браки», что отражается как один из базовых факторов на американских сайтах знакомств²¹.

Ярлык постправды используется для маркирования антиистеблишментских политических движений и лидеров как популистских, что неминуемо распространяет негатив в отношении целых групп политиков, независимо от персонального стиля каждого из них. Их противники в этом контексте также, безотносительно их реальной «рациональности» и стилевых характеристик, будут маркироваться как соответствующие конвенциональному дискурсу. В случае с США маркирование приобретает и вовсе диковинные черты – в качестве популистской обозначается одна из двух стержневых политических партий.

В связи с этим необходимо учитывать не только само наличие феномена неприятия рациональной аргументации с одной из сторон, но и то, что существует заметная социальная потребность в отгораживании от такой аргументации. Очевидна тенденция маркировать такой характерный для постправды феномен как «эхо-камера» (см. подробнее гл. 2) исключительно как технологию одной из сторон, направленную на дискредитацию «естественной» коммуникации другой стороны. Массовость феноменов постправды и их легитимация среди значительной части людей показывает, что фундаментальные аспекты «рациональной» аргументации отвергаются на подсознательном уровне, вероятно, в связи с явным несогласием принимать аксиологические основы самой «рациональности».

Категория «постправды» – сама по себе маркер отсутствия политического конвенционализма и радикальной политической поляризации, которая охватила современный мир. Постправда скорее фиксирует то, что происходит схлестывание сразу нескольких систем рациональности. Замена одной рациональности на другую, новой парадигмы на

---

²¹ *Iyengar S., Massey D. S. (2019) Scientific communication in a post-truth society. Proc Natl Acad Sci U S A. 2019 Apr 16; 116(16): 7656–7661; Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. (2012) Affect, not ideology: A social identity perspective on polarization. Public Opin Q. 76. pp. 405–431; Huber G.A., Malhotra N. (2017) Political homophily in social relationships: Evidence from online dating behavior. J Polit. №79. pp.269–283.*

старую не проходит безболезненно. Ярлык «постправды» хотя и имеет отношение практически ко всей политической реальности и в этом смысле может быть полезен для описания политической коммуникации в современном мире именно с научных позиций, но на деле становится всего лишь инструментом маркирования неконвенциональных групп. Это противоборство охватывает и научное поле, в котором исследователи легко вовлекаются в политизацию науки и приписыванию отдельных моделей поведения, связанных с постправдой, лишь одной стороне.

Примечательно, что в американской литературе к сообществам постправды (эхо-камерам) в первую очередь относят почти любые антиистеблишментские сообщества, в то время как государство остается фундаментальным институтом с точки зрения формирования объективной и важной повестки дня. Так классик теории идеологической сегрегации К. Санстайн отмечает, что основным фактором поляризации и экстремизма является потеря по-настоящему публичных форумов, потому что технологии чрезмерно расширяют возможности людей самостоятельно выбирать источники, предлагающие знакомые взгляды. Одним из путей решения этой проблемы, согласно Санстайну, может стать вовлечение людей в общедоступные форумы, где пользователи сети могут с большей вероятностью случайно столкнуться с противоположными взглядами и аргументами. Подобные решения включали бы финансируемые государством публичные новостные сайты, где было бы возможно столкновение различных точек зрения, а также добровольную работу корпораций и частных лиц²². Безусловно, речь идет о достаточно противоречивой попытке сделать коммуникацию в сети более управляемой для доминирующих в истеблишменте групп и попытке бороться с маркированными ею элементами постправды. С учетом того, что Санстайн предлагал такие шаги уже 10 лет назад, в

---

²² Sunstein C.R. (2009) *Going to Extremes: How Like Minds Unite and Divide*. By Cass R. Sunstein. Oxford: Oxford University Press.

«дотрамповскую» эпоху, следует признать, что эти меры были до определенной степени наивны – в Интернете невозможно заставить людей читать то, что им не нравится. Идеалистичны и предложения Ш. Муфф, которая «предлагает вместо попыток достижения общего рационального консенсуса в рамках публичной сферы продумать конструирование иной «агонистической» публичной сферы борьбы, в которой могли бы быть противопоставлены друг другу различные гегемонические политические проекты»²³.

Если в США государство выступает как беспристрастная основа «общего блага», способного устанавливать критерии рациональности, и легитимный «конструктор» идеала публичной сферы, то в России финансируемые государством или близкие к нему структуры имеют тенденцию маркироваться как «постправда»²⁴. Очевидна и последовательная попытка как российских обозревателей, так и западных, провести параллели между Путиным и Трампом. Курьезом в связи с этим выглядит ситуация с книгой «21 урок для XXI века», посвященной феномену постправды. В русской версии автором книги израильским историком Н. Харари абзацы с упоминанием Крыма и Путина были заменены на менее спорные для российского читателя факты, связанные с большим количеством некорректных высказываний Д. Трампа. Эти примеры хорошо иллюстрируют крайнюю неоднозначность научных исследований в области постправды, и показывают излишнюю политизированность научно-популярного дискурса, формирующего отношение к проблеме.

Маркер постправды указывает на помеху на пути развития американской неолиберальной идеологии, в которой причудливо сплелись белый республиканский консерватизм и современные интернет-техно-

---

²³ Mouffe C. (2005) *On The Political*. London. P. 3. Цит. по: Бодрунова С.С. Концепция публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 1(54). С. 124

²⁴ Примечательным событием в этом контексте стал выход книги А. Мовчана «Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума», в которой автор занимает абсолютно ангажированную позицию, вполне в духе постправды, но её элементы приписывает именно прогосударственным медиа.

логии, являющиеся символом медиатизации сфер общественной жизнедеятельности. Сдвиг в американском обществе носит фундаментальный характер. Консерваторы впервые за долгое время сталкиваются с радикальным поведением американской политики – беспрецедентным в истории США. Сопротивление правых оказывается в т.ч. тем, кто еще несколько десятилетий назад сам был центральным звеном сопротивления, а теперь переместился в авангард политических перемен. Маркер постправды указывает на тормоз развития в конструировании нового политического проекта и балласт, который победителям – левым неолибералам – настало время сбросить.

Постправда не является, таким образом, новым феноменом, каким-то иным отношением к правде и старой рациональности. Постправда – это все та же старая правда, но уже в условиях новой рациональности, провозглашаемой новым поколением американских неолибералов. Политики, таким образом, не прекратили вдруг говорить «правду» (или вернее, никогда не прекращали лгать), изменился аксиологический стержень правды, и теперь на основе новой рациональности производится деконструкция старой идеологической и аксиологической системы. Ярлык постправды же сам по себе выступает лишь как механизм легитимации новой политики.

Неуправляемость политической коммуникации. Медиатизация политики, о которой писалось выше, является достаточно важной проблемой. Медиатизация способствует трансформации сложившейся в современном мире медиакратии. Хотя медиа не просто продолжают играть важнейшую роль в формировании общественного мнения, меняется как сама природа медиа, так и природа общества, которое должно «высказать» это мнение. И медиа, и общество становятся все менее централизованными структурами, управление которым сильно затрудняется. Связано это как с технологическими изменениями, так и с трансформацией правовых норм.

Формирование целостной общественной системы коммуникаций, в которой была бы возможна политическая «игра по правилам» ранее обеспечивалось в США такими инструментами, как например, «доктрина справедливости» Федеральной комиссии по связи, введенной в 1949 году и обязывавшей американские широкоэвещательные телеканалы вести освещение общественно значимых острых вопросов и регламентировать предоставление эфирного времени сторонам, излагавшим противоположные точки зрения. В 1987 году её практика была отменена, а в 2011 году доктрина была окончательно упразднена как устаревшая.

В связи с переходом к доминированию интернет-коммуникации представить себе механизмы, которые позволяли бы надежно и комплексно воспроизводить целостное общественное мнение и формировать гражданскую идентичность, достаточно сложно. Основанный на сегментированной коммуникации Интернет очевидно не способствует воспроизводству общества, поскольку это средство коммуникации скорее разъединяет по новым основаниям, нежели соединяет по старым. Это, как нам видится, является фундаментальной проблемой феномена постправды. Отсутствие стержня общества приводит к проблемам сегментации и поляризации, а затем уже к кризису институтов и утрате легитимной рациональности, продуктом которой и является «правда».

Возникает вопрос о поиске механизмов нового управления общественной коммуникацией, и он находит свое воплощение в попытках социальных сетей маркировать новости как «сомнительные», удалять по своему усмотрению аккаунты пользователей и т. п. Этот путь в конечном счете может привести к формированию новой системы управления коммуникацией, в которой были бы прописаны как социальные функции, так и правила игры. Однако в настоящее время такой подход, не лишенный, впрочем, относительной эффективности, будет способствовать перетеканию аудитории с одной платформы на дру-

гую. Как отмечает И. Калпокас, в условиях когда ни одно учреждение больше не обладает монополией на истинность новостей и фактов, люди становятся субъектами выбора той реальности, которая им наиболее по душе. Исключение фактов, не вписывающихся в эту реальность, приводит к ситуации, когда правда становится просто результатом утверждения – правда – это то, во что верят²⁵. Неуправляемость заключается в том, что рациональность политических акторов, предлагаемая как основа коммуникации, не легитимируется индивидуальными участниками коммуникации, а заставить их сделать какой-либо другой выбор не представляется возможным.

1.2 Постправда сквозь призму публичного и политического

Как правило, идеи критиков постправды основываются на арендтовско-хабермасовской реконцептуализации политики как публичности. Подход Х. Арендт и Ю. Хабермаса к определению политики претендует на статус наиболее значимого в политической философии второй половины XX века. Определенные расхождения в понимании публичности у этих авторов с распространением Интернета имели шанс прийти к общему знаменателю. Для Арендт публичное было в первую очередь физическим пространством, где люди взаимодействовали «лицом к лицу», агорой. Для Хабермаса – пространством, опосредованным средствами коммуникации. Сеть предоставила возможность симуляции прямого общения через средства коммуникации и общие виртуальные пространства.

Концепция публичности как коммуникации равных людей в открытых пространствах была в дальнейшем дополнена идеями критичности в отношении власти, а также представительства, плюралистичности.

Публичность – сложный феномен. Дж. Вайнтрауб определяет публичное (1) как нечто «открытое и явное», противоположное скрытому

---

²⁵ Kalpokas I. (2018) A Political Theory of Post-Truth. Springer. P. 11.

приватному²⁶; (2) как нечто коллективное или связанное с коллективными интересами и противоположное индивидуальному²⁷. В связи с этим, публичное может быть как способом личного самовыражения, выставленного на всеобщее обозрение, так и общественным феноменом²⁸. Такое «аналитическое» смешение коннотаций приводит к размытости феномена и сложности как в его научной интерпретации, так и прикладных вопросах, связанных, например, с правоприменением.

Достаточно скоро теориям публичности двух классиков современной философии пришлось пройти проверку временем. Мир стремительно менялся, и помимо бурного развития средств коммуникации существенным фактором стала глобализация. Так или иначе арендтовско-хабермасовская концепция соотносилась с неглобальными единицами: полисами, либо же обществами в рамках национальных государств (публичная сфера Хабермаса была характерна для конца XVIII – середины XX веков). При этом логически авторы концентрировались на демократическом идеале, основанном на таком конвенционализме, который бы допускал свободную и рациональную коммуникацию равных в рамках общего пространства – территориального или коммуникативного. Публичная сфера как современная конструкция способствовала формированию таких моделей управляемости государства, в которых ключевую роль играло бы гражданское общество в рамках национальных границ. Но глобализация преобразила политическое пространство. Распространение политических локаций с размытым суверенитетом формирует многоязычные политические среды. Структура институтов для обеспечения устойчивой коммуникации с яс-

---

²⁶ Как отмечает С. С. Бодрунова, сам термин «публичность» или «öffentlichkeit» происходит от средневекового немецкого слова «offen» (т. е. «открытый») (см. подробнее: Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. №1. С. 110–132.).

²⁷ Weintraub J. (1995) Varieties and Vicissitudes of Public Space // Metropolis: Center and Symbol of Our Times, Philip Kasinitz, Ed. P. 280–319.

²⁸ Диденко М. Концептуализация публичности: основные подходы // Соціальні виміри суспільства: Зб. наук. пр. К.: ІС НАН України, 2008. Вип. 11. С. 52.

ным механизмом влияния аморфных обществ на принятие политических решений в условиях глобализации еще не сложилась.

Еще более сложной представляется проблема общего блага и общего взгляда на мир. Дж. Кин в этом контексте говорит о «бездомности» новой глобальной политики, в которой странно проводить опросы «общественного» мнения, касающиеся внутристрановой повестки дня²⁹.

Хотя сам Хабермас рассматривает возможность формирования транснациональной публичной сферы на примере европейской интеграции при условии открытости европейских национальных публичных сфер³⁰, что нашло выражение в формировании межнациональных институтов (например, трансграничных объединений политических партий в Европе)³¹, в настоящий момент очевидна как противоречивость самих этих процессов, так и несовершенство теоретических концепций трансграничной публичной сферы. Даже в случае европейской интеграции, довольно своеобразной в общемировом контексте глобализации, отмечают недоверие новым политическим институтам, слабость европейской идентичности, отсутствие комплекса общих проблем и единой «системы отсчета» и т. д.³²

Однако основная критика описываемых концепций развернулась в связи с другим фактором – элитистским характером публичной сферы и исключением. Публичность, идеализируемая Арендт и Хабермасом, имела отношение к обществам, исключавшим значительные слои населения – от рабов, женщин и неграждан до представителей низших классов современного общества, что неизбежно порождало вопрос о существовании не публичной сферы, а множества публичных сфер³³.

²⁹ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2015.

³⁰ Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012.

³¹ Семенов Е. Е. Транснациональная публичная сфера: эффекты глобализации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 166-173.

³² См. подробнее: Бодрунова С.С. Делиберативная демократия «сверху вниз»: концепции Европейской публичной сферы и проблема демократического дефицита ЕС. // Политика и Общество. 2014. № 1. С. 88-99.

³³ Fraser N. (1990) Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. No. 25/26. P. 56-80.

С одной стороны, идеал публичной сферы по Хабермасу предполагал исключенность любых форм дискриминации, с другой – сама идея публичной сферы была ориентирована в первую очередь на интеллектуалов.

Значительную роль в критике хабермасовской модели публичной сферы сыграл феминизм. Н. Фрейзер предложила идею множественных публичных сфер, функционирующих наряду с доминирующей буржуазной публичной сферой³⁴, описанной Хабермасом и господствовавшей над альтернативными публичными сферами. Фрейзер отметила, что проблемы неравенства, характерные для альтернативных публичных сфер, рассматривались Хабермасом как не- и дополитические. Множественные публичные сферы создают возможность недопущения доминирования какой-то одной публичной сферы. В то же время Фрейзер полагала, что множественность публичных сфер оставляет возможность для формирования некоторого общего интереса³⁵.

О. Негт и А. Клюге, также критикуя универсальность публичной сферы, предложили идею «контрпубличных сфер», противопоставив буржуазной публичной сфере пролетарскую публичную сферу³⁶.

Однако противопоставление двух сфер – публичной буржуазной и контрпубличной само по себе чревато неверными выводами. И именно здесь, на наш взгляд, нащупывается фундаментальное для объяснения феномена постправды противоречие. Выделение «старого» и одного «нового» формирует интенцию необходимости постепенного замещения «старого» «новым», перекройки некоторых принципов «старого» исходя из конкретной специфики «нового» и формирование такой повестки дня преобразования «старого», в котором бы альтернативные «новые» отсутствовали. Раскол возникает не в привычном про-

---

³⁴ Fraser N. (1990) Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. No. 25/26. P. 56-80.

³⁵ Абрамова Е.В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа // *Философский журнал*. 2012. №2 (9). С. 79-86.

³⁶ Negt O., Kluge A. (1993) *Public sphere and experience: toward an analysis of the bourgeois and proletarian public sphere*. Minneapolis. University of Minnesota Press.

странстве между «старым» и «новым», а в пространстве исключенности – между легитимным «новым» и его нелегитимными альтернативами.

Н. Фентон и Дж. Дауни указывают на политическую фрагментацию, возникающую в результате плюральности контрпубличных сфер, что представляет определенную угрозу принципам солидарности, сотрудничества и демократическим идеалам³⁷.

Конкуренция между отдельными контрпубличными сферами предполагает, что не все из них могут нести прогрессивный характер. Как отмечает Н. Фрейзер, не все контрпубличные сферы соответствуют необходимым аксиологическим принципам – например, антидемократические или антиэгалитарные сферы могут не являться рациональными и добродетельными³⁸. Таким образом, контрпубличные сферы могут быть элементами политики постправды и угрозой публичной сфере в связи с невозможностью включения этих сообществ в общую публичную сферу. Принимая во внимания аксиологичность «добродетели», обратим внимание на другой момент – «нерациональность» (или иную рациональность) контрпубличной сферы.

Вахштайн В.С. и Вайзер Т.В. отмечают распространение термина эпистемологическое исключение, суть которого заключается в том, что оппоненту заведомо отказывается в праве на рациональность³⁹. И хотя изначально эпистемологическое исключение применялось для заведомо «нелогичных» и «нерациональных» «меньшинств» в допостфактуальную эпоху (в отношении женщин, рабов, пролетариата и т. п.), следует обратить внимание и на то, что сама категории постправды призвана делегитимировать нерациональность уже в отношении других слоев и классов.

---

³⁷ Fenton N., Downey J. (2003) New Media, Counter Publicity and the Public Sphere. *New Media & Society*. Vol. 5(2). pp.185-202.

³⁸ Fraser N. (1990) Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. No. 25/26. pp. 56-80.

³⁹ Вахштайн В. С., Вайзер Т. В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности. М., 2016.

Критикуя публичную сферу Хабермаса, Д. Дзоло отмечает идеализацию коммуникации в ней⁴⁰. Рациональный политический процесс утопичен хотя бы потому, что политика обусловлена властными амбициями, и наивно полагать, что отдельные акторы будут следовать не очень четко прописанным правилам игры при ведении политических дебатов.

При этом важно понимать также и то, что хабермасовская рациональность представляет собой скорее инструмент, чем некое высшее благо. Более того коммуникативная рациональность, в отличие от инструментальной рациональности не предполагает предустановленной цели и служит для выражения мнений, попытки установления диалога и достижения консенсуса. Коммуникативная рациональность Хабермаса, при этом, не представляет собой идеала объективности в т.ч. и потому, что согласно его теории аргументации убедительность аргументов зависит не только от их логической структуры и содержания, но также от риторических достоинств участников коммуникации⁴¹. Таким образом, коммуникативная рациональность необходима не для того, чтобы найти наиболее оптимальное решение проблемы, а для того, чтобы одна сторона могла убедить другую с соблюдением правил игры.

Реальная конвенциональность этих правил игры в связи с возникновением ситуации постправды ставится под сомнением. Стержнем рационального решения конфликта согласно критику Хабермаса У. Регу является согласие участников коммуникации в отношении базовых ценностей (общего блага). В противном случае речь идет о манипуляции субъективными предпочтениями⁴². При пересмотре базовых ценностей (а именно это мы наблюдаем сейчас как в США, так и во

---

⁴⁰ Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. Ун-т Высшая Школа Экономики, 2010. – Цит по: Вахштайн В.С., Вайзер Т.В. Указ. соч. С. 36.

⁴¹ Rehg W. (2009) *Cogent Science in Context: The Science Wars, Argumentation Theory, and Habermas*, MIT Press.

⁴² Rehg W. (1994) *Insight and Solidarity. A Study in the Discourse Ethics of Jurgen Habermas*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. Цит по: Вахштайн В. С., Вайзер Т. В. Указ. соч. С. 18.

многих европейских странах) меняется и представление об общем благе.

Обоснование рациональности как универсального стержня современных общественных отношений восходит к концепции деидеологизации, которая использовалась западной интеллектуальной элитой как инструмент борьбы с марксистским влиянием внутри этих стран, и к «Концу истории» Ф. Фукуямы. Все эти научно-идеологические теории ставили своей основной целью легитимацию неолиберализма как единственного и универсального пути политического развития.

Тенденциозность понимания постправды как торжества иррациональности над рациональностью раскрывают критики универсальной рациональности. А. Макинтайр отмечает историческую обусловленность рациональной аргументации, а также требований беспристрастности и нейтральности. Определение универсальности одной из рациональностей дискредитирует другие как нерациональные⁴³.

У. Рег обращает внимание на проблематичность рациональной аргументации не только в социально-политической, но даже в научной сфере. «Разрыв Куна», как его определяет Рег, представляет собой разрыв между логической и социально-институциональной перспективами⁴⁴. Отсылка к Куну с его теорией парадигм симптоматична. Хотя последние десятилетия продолжают политику неолиберализма, безусловно, суть неолиберальной политики с начала XXI века существенно поменялась. В связи с этим мы являемся свидетелями не феномена Д. Трампа, а революционных процессов в западной политике, результатом которых должна стать смена политической парадигмы и её дальнейшая легитимация. Постправда в этом контексте, разумеется, звучит как определенный исторический приговор для тех, кто будет маркирован этим термином.

---

⁴³ *MacIntyre A. Whose Justice? Which Rationality?* Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1998. Цит по: *Вахштайн В.С., Вайзер Т.В.* Указ. соч. С. 18-19.

⁴⁴ *Rehg W. (2009) Cogent Science in Context: The Science Wars, Argumentation Theory, and Habermas*, MIT Press.

Ставится под сомнение и цель публичной сферы как проекта неолиберализма. Например, М. Фуко критикует саму идею поиска основанной на консенсусе универсальной морали в связи с её утопичностью, как и идею общего интереса⁴⁵. И хотя сам Хабермас позже подчеркивал, что публичная сфера представляет собой не нормативный идеал, а идеально-типическую модель⁴⁶, это не отменяет факта, что в современном политическом (да и научном) дискурсе преобладают интенции конструирования публичных сфер и преодоления закрытой коммуникации, что и стало отправной точкой в концептуализации постправды и её проявлений в виде эхо-камер, пузырей фильтров и т. п. феноменов.

Постправда, несмотря на декларируемое определение, которое связано с нормализацией лжи и типичным для популистов стилем политики, сущностно все-таки в первую очередь связана с сегментацией общества и его поляризацией. Постправда таким образом выступает в роли потенциального могильщика идеи унитарной публичной сферы, принадлежащей Ю. Хабермасу. Маргинальные группы могут быть представлены и подчиненными (subaltern) публичными сферами⁴⁷, включенными в общую публичную сферу, но суть феноменов постправды в том, что они либо не готовы включаться в неё, либо не готовы принимать проигрышные для них правила игры.

Постправда в США и некоторых европейских странах возникает не только на фоне привнесения в публичную сферу исключенных или дискриминированных групп, но и в контексте уже новой дискриминации доминирующей группы, необходимой для того, чтобы создать аль-

---

⁴⁵ Foucault M. (1988) The Ethic of Care for the Self as a Practice of Freedom // Bernauer J., Rasmussen D. (eds.) The Final Foucault. Cambridge, Mass.: MIT Press. P. 1–20. Цит по: Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 48

⁴⁶ Habermas J. (1991) The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Cambridge, MA: MIT Press. P. 422. Цит по: Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 48

⁴⁷ Lee P.S.N., So C.Y.K., Lee F., Leung L., Chan M. (2018) Social media and political partisanship – A subaltern public sphere's role in democracy, Telematics and Informatics, Volume 35, Issue 7. P. 1949-1957.

тернативную систему равенства. Нежелание признать эту дискриминацию как «недискриминацию», эмоциональный ответ на достаточно агрессивное формирование новых «правил игры» и нового конвенционального дискурса и является, на наш взгляд, одним из фундаментальных факторов, обуславливающих то, что маркируется как «пост-правда».

Постправда является индикатором нового фундаментального конфликта, который предельно четко иллюстрирует наивность и идеализм подхода Арендт к политике. Политика как коммуникация равных, как публичное, как *vita activa*, возможна лишь в крайне нетипичных благополучных и стабильных политических системах. И любое нарушение статус-кво приводит к тому, что политика такого рода сменяется на гораздо более привычное понимание политики как процесса объединения или разъединения по оси «друзья – враги».

Постправда возвращает нас к шмиттовскому пониманию политики (т. е. отношений между друзьями и врагами), вырывая из идеалистичных концепций политики в духе Х. Арендт, либо же сглаженных агонистических объяснений её природы в духе Ш. Муфф. Политика и идеология вновь привносят в американскую социальную жизнь вопросы об экзистенциальных угрозах отдельным стратам общества. А сам феномен политики вновь разумно интерпретировать именно как процессы объединения и разделения социальных групп, а не идеалистическую концепцию коммуникации равных во имя общего блага.

Согласно И. Калпокасу постправда является основой идентичности для целых групп людей, которые находя друг друга в Интернете, объединяются потому, что хотят верить в эту вариацию правды, и вступают в своеобразный «онлайновый сговор» с себе подобными.

Веб 2.0 в каком-то смысле реализовал идею «пролетарской» контрпубличной сферы с типичной для неё уличной политикой. Поскольку в отличие от классической буржуазной (или «элитной») публичной сферы Веб 2.0 предоставил возможность создать индивидуал-

изированные «неэлитные» медиа, имеющие большую аудиторию. Интернет стал своего рода виртуальной городской улицей, со специфической «уличной политикой», уличными дискурсами и уличным поведением. В условиях, когда законы улицы оказываются более серьезным ориентиром для поведения, чем менее действенные «реальные» законы, формируются практики несколько иной публичной дискуссии, чем это представлялось Ю. Хабермасу при конструировании идеальной модели публичной сферы.

Возвращение «шмиттовской» политики не означает в дальнейшем невозможности возвращения политики в смысле Арендт и Хабермаса. Можно даже говорить о своеобразном маятнике, который при возникновении непреодолимого антагонизма приводит к необходимости противостояния по оси «друзья – враги», исключению «вражеских» дискурсов, вслед за чем происходит нормализация и возврат к политике как коммуникации равных.

Хотя постправда зачастую связывается с деятельностью политиков-популистов и используется как своеобразный ярлык для маркирования неконвенционального дискурса, этот феномен вскрывает множество проблем современного общества и научных подходов, используемых для его описания. Популярные модели политической коммуникации, такие как «публичная сфера» Ю. Хабермаса, с одной стороны, подвергаются оправданной критике, указывающей на несостоятельность фундаментальных положений этой теории, а с другой – остаются нормативными, продолжают определять векторы научных исследований и способствуют маркированию политических практик как «конвенциональных» и «неконвенциональных». Постправда иллюстрирует кризис как современного информационного общества, так и области социогуманитарного знания.

Достижение общего блага путем рациональной дискуссии различных слоев общества на публичных площадках наталкивается на то, что часть публики оказывается обвиненной в нежелании слушать ра-

циональные аргументы другой стороны, более активно реагирует на недостоверную информацию, вписываясь в её стереотипы, и в конечном счете исключается из дискуссии об общем благе, но не из политического процесса, в котором она с переменным успехом реализует своё право на политическое представительство.

Постправда иллюстрирует и страх потери контроля, управляемости над коммуникацией в обществе. Именно это, как нам видится, является в США залогом успеха обвинений внешних политических акторов во вмешательстве в их внутренние дела. Иллюзия неуправляемости всегда соседствует с подозрением в том, что управление осуществляется кем-то другим, реализуется по иным правилам, чем задумывал субъект управления.

Существует определенная проблема в том, как реализовывать проект публичной сферы. Хотя в научной литературе вопрос о публичной сфере зачастую ставится как о некоем проекте, субъект конструирования публичной сферы не ясен: *«публичная сфера, с одной стороны, не может быть организована, администрирована, заключена в замкнутые общности, а с другой стороны, не может составлять единую и недифференцированную аудиторию»*⁴⁸. Сама по себе публика не является субъектом управления, но её функцией является контроль за государством. В таком случае государство выступает либо в качестве равноправного партнера, либо даже объекта, но не субъекта управления публичной сферой. Трансформация институтов самой публичной сферы (прежде всего медиа в условиях развития Интернета) не способствует тому, чтобы публичная сфера была способна сама предложить внятные «правила игры». В условиях очевидных дисфункций публичной сферы в контексте постправды вопрос о её управляемости ставится с остротой, но выработка действенного механизма

---

⁴⁸ Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 28.

вряд ли возможна в связи с отсутствием потенциального субъекта управления.

1.3. Актуализация дискурса в эпоху постправды

Фактов не существуют — есть только интерпретации (Ф.Ницше⁴⁹)

В современной научной традиции язык и дискурс рассматриваются как инструменты влияния и манипулирования, как носители и ретрансляторы смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, символов, становясь по сути источниками социальной власти. Большинство исследователей признают, что «нейтральное использование языка в принципе невозможно»⁵⁰, «в любом высказывании можно обнаружить властные отношения»⁵¹, а «язык как мощное политическое орудие играет огромную роль в формировании, поддержании и изменении общественного мнения»⁵². В настоящее время сложился консенсус относительно сущности языка политики, заключающейся не столько в том, «что» говорится, сколько, «как» говорится. В современных условиях ускорения информационных потоков все большее значение приобретает уже не сама информация и объективные факты, то есть так называемая «правда», а ее интерпретации, личные убеждения и эмоции, которые она инспирирует, таким образом, способствуя утверждению «постправды»⁵³.

«Постправда», объявленная в 2016 году новым явлением, не является таковым по своей сути. Представляется интересным проследить эволюцию трактовок политического дискурса в различных контекстах и выявить потенциал развития «постправды», заложенный в

⁴⁹ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей: незавершенный трактат // М.: Культурная революция. 2005. С. 281.

⁵⁰ Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. М.: Фонд ИНДЕМ, 2004. С. 5

⁵¹ Серю П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 21.

⁵² Засурский Я.Н. Техника дезинформации и обмана. М.: Мысль, 1978. С.166

⁵³ Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>.

самом дискурсе и ярко проявивший себя в связи с развитием новых каналов коммуникации.

Исследователи выделяют общие идейно-теоретические источники, лежащие в основе большинства современных трактовок дискурса⁵⁴:

○ Учение о диалогичности и полифоничности любого дискурса (М. Бахтин). При этом особо необходимо отметить, что монологизм, рассматриваемый М. Бахтиным как прекращение коммуникации и взаимодействия между участниками, возможен только в условиях утверждения абсолютной *истины* (правды)⁵⁵. Совершенно очевидно, что в настоящее время, когда в информационном пространстве одновременно циркулирует разнонаправленная и неединообразная информация, способствующая развитию диалога коммуникантов, невозможно установление истины как таковой. Ценными для понимания дискурса являются и идеи М. Бахтина о языке как идеологическом материале и арене политической борьбы: «Наше идеологическое становление и есть такая напряженная борьба в нас за господство различных словесно-идеологических точек зрения, подходов, направлений, оценок. Смысловая структура внутренне убедительного слова не завершена, открыта, в каждом новом диалогизирующем его контексте оно способно раскрывать все новые смысловые возможности»⁵⁶;

○ Отношение к дискурсу как к агенту в структурировании общества и действий (М. Фуко). Индивиды опираются на множество ранее существовавших дискурсов, используя их как ресурсы для социальной ориентации и взаимодействия с другими. Для М. Фуко, производство и распространение дискурсов являются механизмами власти и контроля. Регулирование дискурса связано прежде всего с разрешением говорить по той или иной теме, а также производить те формы знаний, которые в дальнейшем приобретают статус *истинных*. При этом в по-

⁵⁴ Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса. – Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 26-43.

⁵⁵ Бахтин М.М. Проблема текста // Собрание сочинений в 7 тт. М., 1997 Т.5 С.318-320

⁵⁶ Бахтин М.М. Слово в романе // Собрание сочинений в 7 тт. М.: Яз. Слав. Культур, 2012. Т.3 С.101.

нимании М. Фуко, доминирование одних дискурсов над другими является результатом социально-исторических процессов, связанных с использованием этих дискурсов и оспариванием «истины». И в этом процессе важную роль играет власть, которая, распространяясь посредством различных социальных действий, может определять, что воспринимать как «правду». В настоящее время утверждению дискурса постправды в социальном поле способствует усиление влияния социальных сетей, которые по-новому формируют представление о политической реальности, ускоряя получение новых знаний и предоставляя возможность незамедлительно обсуждать их. Если раньше во многом контроль над политическим дискурсом принадлежал государству и СМИ, то сейчас он смещается в интернет-пространство, и мы можем наблюдать такие явления как твиттер-дипломатия.

○ Семиотический подход к дискурсу, трактовка дискурса как способа конструирования социальной реальности с помощью значений (Р. Барт). Р. Барт рассматривает дискурс как социальные знаки, которые общество наполняет значимыми смыслами и мифическим содержанием, при этом знаками выступают как слова, так и образы, вещи, сообщающие нечто значимое для человека и общества⁵⁷. В данном подходе для понимания феномена постправды значимой становится идея Р. Барта о современной западной цивилизации как глобальном мифическом дискурсе. Стремящийся выглядеть как нечто естественное миф воспринимается социумом как безобидное сообщение, как факт, а не система значимостей. В свою очередь декодирование/считывание индивидом данного мифа совершается мгновенно, и воздействие оказывается устойчивее любых рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже⁵⁸.

---

⁵⁷ Русакова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С.5-34.

⁵⁸ Чубукова Е.И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. СПб, 2001. № 8.

○ Понимание дискурса как габитуса, создающего и воспроизводящего социальные практики и регулирующего оценочные восприятия; рассмотрение дискурса как символического капитала, функционирующему в поле политики (П. Бурдьё)⁵⁹;

○ Концепция идеальной дискурсивной коммуникации, направленной на достижение согласия и баланса притязаний (Ю. Хабермас)⁶⁰. В концепции Ю. Хабермаса, дискурс является формой общения, при которой в условиях публичной, равноправной и непринужденной коммуникации разворачивается взаимодействие различных аргументов, направленных на достижение добровольного согласия и истины. Согласие возникает в дискурсе как результат принятия, соблюдения и признания участниками коммуникации ряда принципов: 1) говорящий изъясняется понятно, вразумительно; 2) его утверждения истинны; 3) говорящий высказывает свои суждения искренне; 4) говорящий строит свою речь в соответствии с нормами, пристойно⁶¹. Согласно Ю. Хабермасу, согласие достижимо лишь при соблюдении всех четырех условий. Дополнительно выделяются следующие правила для аргументации при публичном обсуждении: а) никто, кто хочет внести вклад в дискуссию, не должен быть из нее исключен; б) всем предоставляются равные шансы на внесение предложений; в) мысли должны соотноситься со словами; г) принятие или непринятие аргумента должно строиться исключительно на силе убеждения⁶². Так возможна ли идеальная дискурсивная коммуникация в социальных сетях? С одной стороны, Интернет создал все условия для этого: сняты ограничения в общении, обеспечены открытость и свобода, но, с другой, вызывает сомнения

---

⁵⁹ Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса// Полис. М., 2006. №4. С. 27-28

⁶⁰ Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Там же.

⁶¹ Шевченко И.С. Теория Юргена Хабермаса и критический анализ дискурса// Вестник ХНУ. М., 2007. №773. С. 12-15

⁶² Русакова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса //Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. №. 7. С.5-34.

готовность самих пользователей признавать и соблюдать данные принципы.

Взяв за основу выделенные Е. Шейгал структурообразующие признаки политического дискурса, рассмотрим их в контексте развертывания постправды:

1. Институциональность. Политический дискурс как вид институционального общения характеризуется определенным набором типичных для данной сферы ситуаций общения (речевых событий), представлением о типичных моделях речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей, ограниченной тематикой общения, специфическим набором интенций и вытекающих из них речевых стратегий. Политический дискурс в современных реалиях претерпевает значительные изменения в плане институциональности, поскольку появление, постоянное обновление и усовершенствование социальных платформ способствует проявлению большей открытости со стороны политиков и политических институтов, смещения с формальных практик взаимодействия с электоратом на неформальные. Все большее количество политических деятелей создают аккаунты в социальных сетях, публикуют личную информацию о себе, ожидают обратной связи;

2. Информативность. Соотношение информативности и экспрессивности в политическом дискурсе варьируется в зависимости от жанра. В то же время следует признать, что в современном мире быстрой информации эмоции доминируют над фактами, а воздействие и оценка преобладают над информированием. Политический язык преимущественно побудителен, нацелен на оказание влияния, стимулирование и воодушевление адресата;

3. Смысловая неопределенность. В политическом дискурсе проявляются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, политический язык стремится к понятийной точности, а с другой стороны, подавляется смысловой неопределенностью, обусловленной рядом прагматических факторов: потребностью избегать конфликтности в об-

щении, стремлением избежать контроля за своими действиями и «спасти лицо», благодаря использованию абстрактных и неопределенных выражений. Именно использование смысловой неопределенности в качестве дискурсивной стратегии способствовало доминированию Д. Трампа в информационном пространстве во время избирательной кампании 2016 г. Его твиты, наполненные недосказанностью, двусмысленностью, взаимоисключающими тезисами, противоречиями провоцировали активную дискуссию в традиционных медиа и обществе в целом;

4. **Фантомность.** Особенностью политического дискурса является использование лексических фантомов, то есть слов, в значении которых отсутствует денотативный компонент (отсутствует реальный предмет обозначения). Вероятно, одним из главных фантомов в мире политике является образ будущего, видение которого артикулируют политики в своих выступлениях. В контексте постправды речь, ориентированная на будущее, не может быть подтверждена фактами или быть подвергнута проверке, так как она принадлежит области потенциала, намерений, пока еще не реализованных. Например, известная речь М. Л. Кинга «У меня есть мечта», не являясь правдивым или ложным утверждением по своей природе, передавало всего лишь видение будущего, которое уже в последствие стало рассматриваться как абсолютная истина. Обещание Д. Трампа «сделать Америку снова великой» также является примером фантомности политического дискурса;

5. **Фидеистичность.** Политический дискурс характеризуется иррациональностью, воздействием на эмоции и опорой на подсознание. Именно эти характеристики политического дискурса проявились особенно ярко в период президентской избирательной кампании в США. Д. Трамп последовательно реализовывал стратегию эмоциональной открытости, допуская в своих твитах импульсивные высказывания, оценку тех или иных событий, используя «неэлитарный» стиль

изложения. Благодаря этому, его сообщения казались более живыми и искренними на фоне других политиков, которые старались вести свои социальные сети максимально сдержанно;

6. Эзотеричность. Данный признак политического дискурса заключается не в языке политики как таковом, а в характере общения. Политики обладают умением уходить от прямого ответа на вопрос, говорить много и в то же время ни о чем. Подлинный же смысл политических высказываний понятен только избранным. В настоящее время эзотеричность политического дискурса активно эксплуатируется в социальных сетях для увеличения количества подписчиков и получения их одобрения, способствуя таким образом распространению фейков: в условиях необходимости максимально быстро публиковать новости журналисты, не обладая знаниями, предназначенными исключительно для посвященных, пересказывают «пересказ» выступления политика, таким образом внося свое собственное понимание ситуации;

7. Опосредованность фактором массмедиа. Особенностью политического дискурса на современном этапе является «медиатизация политики», то есть перемещение в символическое пространство традиционных и новых медиа;

8. Дистанцированность и авторитарность политического дискурса проявляется, к примеру, в ограничении доступа к информации, в недоступности политиков высокого ранга для прямого контакта. С распространением Интернета мы наблюдаем трансформацию политического дискурса вслед за сокращением дистанции между политиками и гражданами, которые имеют взаимодействовать, используя социальные сети. В то же время без проверки информации журналистами, это благоприятствует увеличению количества дезинформации и всевозможных слухов;

9. Театральность. Театральность политического дискурса обусловлена спецификой основного адресата (массовый наблюдатель), который воспринимает политические события как театрализованное пред-

ставление, где в роли актеров выступают политики. Г. Дебор характеризует подобный социум «обществом спектакля», в котором происходит подмена реальности шоу-политикой и шоу-правосудием⁶³. Аналогичную позицию занимает и Ж. Бодриар, отмечающий наступление целой эры симуляции, о «замене реального знаками реального». В условиях ускоряющейся коммуникации политика, организованная по правилам медиа-логики, обязана быть интересной, забавной, быстрой и простой. В этом смысле любая избирательная кампания в настоящее время представляет собой срежиссированное шоу;

10. Динамичность. Политический дискурс отличается изменчивостью, динамичностью употребительной части политического словаря, обусловленная злободневностью отражаемых реалий и переменчивостью политической ситуации. Например, в политическом дискурсе сегодня укоренилось слово «фейк», которое используется в различных значениях в зависимости от ситуации: от неподтвержденных данных, дезинформации до ярлыка для СМИ, в которых выражается невыгодная для коммуникатора точка зрения.

Можно констатировать, что политический дискурс в условиях постправды не является новым феноменом в публичной сфере, а лишь представляет дискурс в своем естественном эволюционном развитии. Стремительное расширение технологий и появление новых каналов передачи информации увеличивает скорость и масштаб распространения, делает более заметными отдельные системообразующие признаки, но не изменяет дискурс. В этом смысле представляется весьма справедливым тезис М. Маклюэна «The medium is the message», призывающий исследователей сфокусировать свое внимание в первую очередь на типе и форме транслирующих дискурс медиа, поскольку именно они меняют наше сознание и восприятие гораздо больше, чем содержание.

---

⁶³ Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 45.

1.4 «Fake news» в системе современной политической коммуникации

Несколько лет назад Мария Захарова, официальный представитель МИД, заявила, что начинает борьбу со СМИ, которые распространяют выдуманную или ошибочную информацию о России: «На сегодняшний день есть понимание, что тиражирование новостей, выдаваемых за правду о нашей стране, в западных мейнстримовых СМИ приобрело характер масштабной эпидемии»⁶⁴. На сайте МИД России появился и работает специальный раздел, который содержит список публикаций в зарубежных СМИ (<http://www.mid.ru/nedostovernie-publikacii>). Среди них публикации про причины смерти Виталия Чуркина в «The Observer», статья Bloomberg с обвинениями в адрес российских хакеров, которые якобы вмешивались в президентскую кампанию во Франции, материал The New York Times о том, что Россия разместила ракетные комплексы в нарушение договоренностей с США и т. п. Публикуемые в этом разделе материалы имеют специальную маркировку или круглый штамп с надписью «FAKE, it contains fake news» («Осторожно! Выдуманные новости»). В чем-то похожую войну с ведущими западными СМИ уже не первый год ведёт президент США Дональд Трамп, который на первой же пресс-конференции в должности Президента обвинил журналистов в предвзятости и распространении «фейковый» (лживых) новостей. Он так прямо и заявил «Россия (имелась ввиду вся история про отношения Трампа с Россией) — это фейковая новость!»⁶⁵. С лёгкой руки Трампа «fake news» стал весьма популярным термином. В 2017 г. словарь Collins признал словосочетание «фейковые новости» выражением года, поскольку «частота использования этого словосочетания выросла на 365%»⁶⁶.

⁶⁴ МИД объявил войну «фейковым новостям» [Электронный ресурс] // RNS, 22.02.2017. URL: <https://rns.online/articles/MID-obyavil-voinu-feikovim-novostyam-2017-02-22/>

⁶⁵ Collinson S. (2017) An amazing moment in history: Donald Trump's press conference [Электронный ресурс] // CNN, 16.02.2017. URL: <http://edition.cnn.com/2017/02/16/politics/donald-trump-press-conference-amazing-day-in-history/>

⁶⁶ Словарь Collins признал «фейковые новости» выражением года [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба. 2 ноября 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41842687>

В специальной литературе интерес к этому термину вырос пропорционально. Вместе с тем, среди специалистов существуют значительные расхождения и нечеткости в трактовке «fake news», которые зачастую низводят научную дискуссию до уровня публицистики. Обычно генезис «фейковых новостей» прослеживают со времени «возникновения желтой прессы, в рамках которой фальшивые новости, как правило, использовались для привлечения внимания к публиковавшим их медиа»⁶⁷. В то время существовало четкое разделение СМИ на категории репутационных медиа, которые заботились о достоверности информации, и желтых, которые заведомо выступали в жанре развлекательного чтения. К слову, сайт словаря Merriam-Webster указывает, что словосочетание «фейковые новости» употреблялось с конца девятнадцатого века, как раз с того времени, когда появилась желтая пресса⁶⁸. Но если в то время приравнивание «fake news» к «газетной утке» выглядело естественным, то сегодня большинство исследователей склоняются к тому, что мы имеем дело с принципиально новым феноменом. «Фейковые новости» в современном смысле слова стали весомым явлением, угрожающим всей публичной сфере и искажающим систему политической коммуникации, только в эпоху социальных медиа и Интернета⁶⁹.

Вместе с тем, в отечественных исследованиях «fake news» довольно часто трактуются как упадок стандартов традиционной журналистики. Так, С. Н. Ильченко относит к ним «журналистское сообщение, опубликованное в СМИ, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности»⁷⁰. В другом своем сочинении автор пишет,

---

⁶⁷ «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 61.

⁶⁸ The Real Story of 'Fake News'. The term seems to have emerged around the end of the 19th century [Электронный ресурс] // Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/the-real-story-of-fake-news>

⁶⁹ Soll J. (2016) The Long and Brutal History of Fake News [Электронный ресурс] // POLITICO Magazine. December 18. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/12/fake-news-history-long-violent-214535>

⁷⁰ Ильченко С. Н. Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2237>

что «фейк – это приём, применяемый в журналисткой профессиональной деятельности, основанный на недостоверной и неадекватной информации», а «некомпетентность, недобросовестность и спешка – вот те обстоятельства работы журналистов, которые и приводят в конечном итоге к появлению значительного количества фейков⁷¹. В данном подходе прослеживается упор на снижение стандартов журналистской профессии и некоторое расширительное толкование «фейковых новостей» как некоего общего подхода в современной журналистике.

Отталкиваясь от определения новости как традиционного жанра журналистики, А. П. Суходолов предлагает следующую интерпретацию: «если исходить из того, что новость – это оперативное информационное сообщение о событиях, произошедших недавно или происходящих в текущий момент, представляющее политический, экономический или общественный интерес для аудитории в своей свежести, то «фейковая новость» – это сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично⁷². Об этом же сообщают С. С. Распопова и Е. Н. Богдан: «Фейковые новости («fake news») — это сфабрикованные новостные материалы, ложь в которых распознаваема и проверяема, хотя и способна ввести аудиторию в заблуждение⁷³. В июне 2018 года Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций провела круглый стол «Распространение фейковой информации в сети «Интернет», в ходе которого было выдвинуто новое определение, которое предлагало считать, что «fake news» — «это информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации в социальных медиа и традиционных

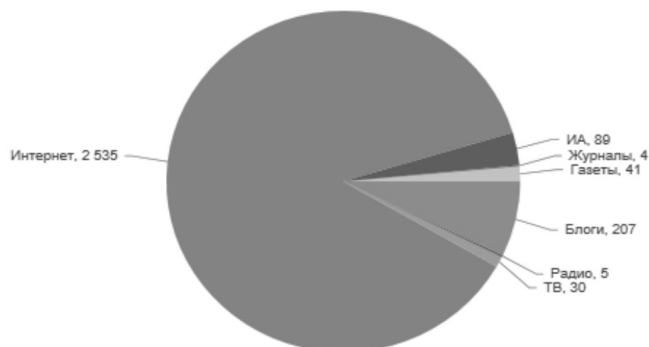
⁷¹ Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 73-74.

⁷² Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиaprостранстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2017. С. 93.

⁷³ Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 11 (407). Филологические науки. Вып. 109. С. 48.

СМИ с целью введения в заблуждение, для того чтобы получить финансовую или политическую выгоду»⁷⁴.

**Рис. 1.1. Частота упоминания слова «фейк» в неделю
в зависимости от источника**⁷⁵

Во всех вышеперечисленных определениях «fake news» трактуются преимущественно в рамках журналистского дискурса. Этот подход не учитывает проблемы влияния современных информационных технологий, Интернета и социальных сетей, которые создают принципиально новые условия для распространения «фейковых новостей». В статье О. Е. Головацкой приводятся убедительные данные о том, что именно в Интернете и социальных медиа «фейковые новости» получили наибольшее распространение⁷⁶. По данным информационно-аналитической системы «Медialogия» с 18 ноября по 25 ноября 2018 г. слово «фейк» чаще всего упоминается в интернет-СМИ. Преимущество выглядит подавляющим (см. рис. 1.1). При этом, особенно часто термин «фейк» употребляют в своих сообщениях пользователи социальных медиа. Так, согласно данным, за период с 25 августа по 25 ноября 2018 года в сети он был использован 29631 раз, и преимущественное большинство упоминаний приходится именно на социальные сети. По количеству сообщений и аудитории лидирует «ВКонтакте».

⁷⁴ В Общественной палате РФ обсудили распространение фейковой информации [Электронный ресурс] // РАЕК. URL: <https://raec.ru/live/branch/10393/>

⁷⁵ Головацкая О. Е. Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. 2019. Том 7. №2. С. 143.

⁷⁶ Головацкая О. Е. Указ. Соч. С. 139-152.

Таким образом, следует уточнить определение «fake news», чтобы оно учитывало современные реалии. На наш взгляд, в современном понимании «фейковые новости» – это сообщения, мимикрирующие под настоящие новости, но опирающиеся на недостоверную информацию, и оптимизированные для вирусного распространения в социальных медиа и глобальной сети Интернет.

«Фейковые новости» это не просто плохая или некачественная журналистика. Это результат влияния сразу нескольких факторов. Во-первых, снижение качества современной журналистики было вызвано важнейшими экономическими и технологическими причинами, которые привели к разрушению традиционных методов медиаменеджмента и распаду системы редакций. До недавнего времени у каждого СМИ была своя редакция и пул своих журналистов и собственных корреспондентов. Сегодня мы имеем новостные комнаты, то есть одну редакцию сразу для нескольких СМИ, входящих в медиахолдинг, и огромное число универсальных журналистов, не входящих в штат⁷⁷.

Во-вторых, огромное значение для развития феномена «fake news» имели современные алгоритмы поиска и распространения новостей в поисковых машинах, новостных агрегаторах, социальных сетях и других социальных платформах в Интернете⁷⁸. Все это привело к появлению «роботизированной» журналистики, то есть такой журналистики, которая учитывает алгоритмы распространения новостей в интернет-пространстве⁷⁹. Эти алгоритмы работают следующим образом: новость, которая вызывает наибольший интерес читателей, получает еще больше показов. С точки зрения алгоритма не важно, содержится ли в новости достоверная информация или нет. Возникает эффект «снежного кома», который приводит к тому, что «фейковые новости»

---

⁷⁷ Rawlinson K. How newsroom pressure is letting fake stories on to the web // The Guardian. 2016. 17 April. URL: <https://www.theguardian.com/media/2016/apr/17/fake-news-stories-clicks-fact-checking>

⁷⁸ Конец журнализма. Version 2.0. Индустрия, технология и политика / под ред. А. Чарльза. Харьков: Гуманитарный центр, 2016.

⁷⁹ Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2. С. 32-40.

получают больше внимания, чем это было в эпоху традиционных медиа⁸⁰. Отсюда возникло такое явление как «клик-бейт» – то есть стремление получить как можно больше посетителей за счет в первую очередь неожиданных заголовков. В последнее время появилась тенденция, когда мейнстримные медиа в этом вопросе начинают следовать курсом интернет-СМИ⁸¹.

Д. Тамбини из Лондонской школы экономики и политики выделил шесть видов «фейковых» новостей: а) предположительное иностранное вмешательство в местные выборы посредством «фейковых» новостей; б) распространение «фейковых» новостей с целью получения прибыли, т.е. распространение, в основе которого лежит рекламный трафик; в) пародия и сатира, побочным эффектом функционирования которых стало то, что некоторые люди воспринимают пародии серьезно; г) некачественная журналистика, концентрирующаяся вокруг жизни знаменитостей; д) новости, которые представляют иную идеологию, получают маркер «фейковых»; е) новости, которые ставят под сомнение традиционные формы власти и властных отношений⁸². Разнообразие видов недостоверной информации и новостей иногда приводит к выводам о том, что «фейк — это системообразующий признак политического дискурса» и что он «призван формировать основные тренды официального и лоялистского дискурсов»⁸³.

При оценке места и роли «фейковых новостей» в системе современных политических коммуникаций приходится учитывать как специфику определения, так и весь спектр искажения достоверной информации, который располагается от сатиры и злонамеренной дезинформации до неудачной или неквалифицированной комбинации фактов.

---

⁸⁰ Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The spread of true and false news online // Science. Vol. 359. № 6380. P. 1146-1151. DOI: 10.1126/science.aap9559

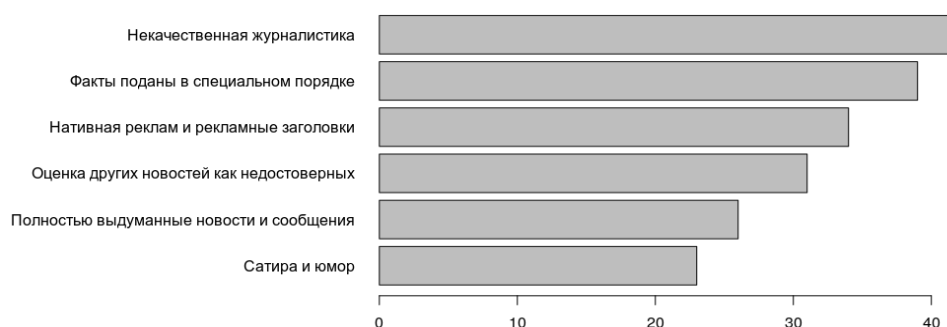
⁸¹ Himma-Kadakas M. (2017) Alternative facts and fake news entering journalistic content production cycle // Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal. Vol. 9. № 2. P. 25-41.

⁸² Tambini D. (2017) Fake News: Public Policy Responses. London: Media Policy Project, London School of Economics and Political Science // <http://eprints.lse.ac.uk/73015/> (дата обращения 9.11.2019)

⁸³ Негров Е. О. Фейк как системообразующий признак политического дискурса // Политика постправды и популизм в современном мире. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 151-154.

Сложности с определением «fake news» и достоверным выяснением мотивов распространения недостоверной информации затрудняют эмпирические исследования в этой области. Тем не менее, такие исследования проводятся. Так, в исследовании Р. Флетчера с коллегами проводился сравнительный анализ распространения новостей мейнстримных СМИ и новостей СМИ, замеченных в производстве «фейков». Речь шла о нескольких странах Европы. Оказалось, что если по посещаемости веб-сайтов мейнстримные СМИ превосходят «фейковые», то в «Facebook» ситуация противоположная⁸⁴.

Рис. 1.2. Распределение ответов на вопрос «С какими видами недостоверной информации вы сталкивались за последнюю неделю в новостях?», 37 стран, 2018 г., %.

Другое исследование Института Рейтер в 37 странах показало, что на самом деле «фейковые новости», то есть полностью выдуманные новости, не настолько распространены, как это можно было бы подумать. В среднем всего 26 % респондентов в этих странах заявили, что сталкивались с «фейковыми новостями» в СМИ за последнюю неделю. При этом, цифры значительно колеблются: от 49 % в Турции и 31 % в США до 16 % во Франции и 9 % в Германии⁸⁵. В данном опросе респонденты сами определяли, что для них является «фейковыми новостями». Всего было предложено шесть вариантов недостоверной

⁸⁴ Fletcher R., Cornia A., Graves L., Nielsen R.K. (2018) Measuring the reach of “fake news” and online disinformation in Europe // Reuters Institute. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/measuring-reach-fake-news-and-online-disinformation-europe>

⁸⁵ Fletcher R. (2018) Misinformation and Disinformation Unpacked // Reuters Institute. URL: <http://www.digitalnewsreport.org/survey/2018/misinformation-and-disinformation-unpacked/>

и вводящей в заблуждение новостной информации. Самое большое количество голосов собрал вариант с некачественной журналистикой (см. рис. 1.2).

«Фейковые новости» заняли достаточно широкую нишу в современном медиапространстве. И это не может не внушать опасений за развитие политической коммуникации, поскольку новостной поток формирует политическое сознание и создает условия для принятия политических решений. А. Де Боттон сформулировал проблему следующим образом: «Современному диктатору, желающему взять власть в свои руки, нет нужды прибегать к таким кардинальным мерам, как запрещение новостей. Ему или ей надо лишь добиться, чтобы новостные структуры передавали поток неопределенных заявлений – в большом количестве, но без объяснений содержания, причем темы должны постоянно меняться, быть никак не связаны друг с другом и не вытекать одна из другой. Ну и, конечно, все эти политические заявления должны перемежаться захватывающими подробностями о совершенных преступлениях и очередных выходках кинозвезд. Всего этого вполне достаточно, чтобы свести к минимуму способность большинства объективно оценить политическую реальность»⁸⁶. Надо признать, что «фейковые новости» вносят значительный вклад в разрушение основ публичной сферы и коррумпируют политическое сознание, разрушая доверие к политическим институтам и процессам.

---

⁸⁶

Боттон А. де. Новости. Инструкция для пользователя. М.: Эксмо, 2016. С. 32.

Глава 2. Виртуальные сообщества в эпоху постправды

2.1. Эволюция термина «сообщество»: сплоченность воображаемая и реальная

Концепт «сообщества», как и многие другие термины социологического знания, обладает излишним множеством коннотаций, что позволяет ряду исследователей обвинить его в «сомнительной полезности»⁸⁷. К. Белл и Х. Ньюби в работе «Социология сообщества» объясняют это тем, что никогда не существовало не только полноценной теории сообществ, но даже удовлетворительного определения того, что такое сообщество⁸⁸. И в то же время исследователи очень широко используют данный термин в социально-политических исследованиях. Д. Поплин в работе «Сообщества: обзор теорий и методы исследования»⁸⁹ отмечает, что «как элемент социологического словаря этот термин использовался в таком количестве значений, что его можно определить как всеобъемлющее слово»⁹⁰. Насчитывают более девяноста определений данной категории⁹¹, что свидетельствует о ее широкой распространенности.

Концептуализация термина «виртуальное сообщество» механическим соединением дефиниций «виртуальное» и «сообщество» невозможна именно в связи с отсутствием сколько-нибудь конвенционального определения категории «сообщество». Р. Хэмман объясняет отсутствие такого конвенционализма тем, что «социальный конструкт, обозначаемый этим термином, постоянно изменяется и развивает-

---

⁸⁷ “Communitarianism” Encyclopedia of Community: From Village to the Virtual World, Vol, A-D, Karen Christensen and David Levinson, eds. (Sage Publication, 2003) pp. 224-228.

⁸⁸ Bell C., Newby H. (1973) Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community. New York: Praeger Publishers.

⁸⁹ Communities: A Survey of Theories and Methods of Research. by Dennis E. Poplin Review author[s]: Kenneth J. Pollinger // Contemporary Sociology, Vol. 2, No. 6 (Nov., 1973), pp. 616-618.

⁹⁰ Коноплицкий С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. Вып. 3. 2004. С. 170.

⁹¹ Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community. by Colin Bell, Howard Newby Review author[s]: Charles M. Bonjean he American Journal of Sociology, Vol. 79, No. 3 (Nov., 1973), pp. 791-793.

ся»⁹². Находящееся в постоянной динамике и присваиваемое то одной, то другой научной школой, которые почти без оглядки друг на друга наполняют его собственными коннотациями, определение «сообщество» размыто и противоречиво.

Первые попытки обозначить содержание слова «сообщество» (англ. community) были предприняты еще в XIV веке, а к XVIII веку стала заметна динамика изменений содержания этого понятия – от словесного объединения к (1) территориальному объединению, либо (2) объединению по интересам⁹³. Вместе с тем в XIX веке в особенности благодаря концептуализации, произведенной Ф. Теннисом, появляется специальная научная дефиниция сообщества, служащая для размежевания традиционных форм общности с модерным обществом, служащим олицетворением публичности.

Как отмечает П. Сорокин, идея, которую на важном историческом этапе описал Теннис, отражает существование двух различных типов менталитета и поведения как двух разных типов общества. Подобные идеи высказывались целым рядом авторов, начиная с Конфуция, который в теории основных стадий развития общества выделял «общество малого процветания» (близкого к *gesellschaft*) и «общество великого единения» (близкого к *gemeinschaft*)⁹⁴.

Ф. Теннис дал весьма узкое определение сообщества или общины (*gemeinschaft*), что затрудняет его перенос для анализа социальных отношений в современном мире. Он связывал формирование сообщества прежде всего с общностью крови и основывал его на чувстве принадлежности, традициях, солидарности, взаимозаменяемости и

---

⁹² Коноплицкий С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. – Вып. 3. – 2004. – с. 170.

⁹³ Giddens A., Sutton P.W. (2017) Essential concepts in sociology. Cambridge; Williams R. (1985) Keywords: a vocabulary of culture and society. N.Y. Цит. по: Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018; 24(4). С. 59-79.

⁹⁴ Сорокин П. А. «Предисловие» к первому американскому изданию сочинения Ф. Тенниса «Общность и общество» / Пер. с англ., примечания и комментарии Н. А. Головина // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 1. С. 150–156.

моральных обязательствах⁹⁵. Сообщество трактуется примордиалистски и не является продуктом индивидуального выбора, в отличие от общества, формируемого по собственной воле. Сообщество исходит из горизонтальных отношений, в то время как общество иерархично.

Но в то же время концепция *gemeinschaft* представляла собой скорее идеальнотипическую конструкцию, что позволяло расширять *gemeinschaft* с родства до других первичных форм общности – соседства и дружбы. Само же сообщество по своей сути представляет пространство повседневного общения с высокой плотностью социальных связей⁹⁶.

В качестве двух векторов развития категории сообщества в XX веке выделяют (1) *антропологический* подход, основанный на трудах Б. Малиновского и развитый Т. Парсонсом, и (2) идеи чикагской школы, составляющие *экологический* подход⁹⁷.

В целом антропологическое направление можно охарактеризовать как близкое идеям Ф. Тённиса, поскольку для него характерен поиск «угасающей подлинной социальности»⁹⁸. Для Б. Малиновского характерно определение сообщества как изолированной и гомогенной группы, основанной на элементах культуры⁹⁹.

Т. Парсонс, употребляя термин «социетальное сообщество» в значении интегративной подсистемы социальной системы, делал акцент на регулировании поведения индивидов определенными нормами, обеспечивающими лояльность индивидов по отношению к обществу в целом¹⁰⁰. Хотя модель Парсонса была ориентирована на универса-

---

⁹⁵ Почебут Л. Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса. СПб, Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С.5-10.

⁹⁶ Бауман, З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 46-47.

⁹⁷ Павлюткин И., Юдин Г. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 2015. (3). С. 90.

⁹⁸ Там же, с. 92.

⁹⁹ Малиновский, Б. Избранное: Аргонавты Западной части Тихого океана / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. Цит по: Павлюткин И., Юдин Г. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 2015. (3). С. 90.

¹⁰⁰ Парсонс Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии // Современная западная теоретическая социология: сборник научных статей. М.: Академический проект, 1994. Вып. 2. С. 79-103.

лизм и не предполагала тённисовского размежевания терминов «общество» и «сообщество» как исторических типов общности и фиксировала «сообщественность» на макроуровне, крайне важной видится выделение сущностной характеристики сообщества – интеграции, связанной с нормами и лояльностью. Именно характерная для интегрированных общностей сплоченность является, как нам представляется, фундаментальной чертой сообщества как социального феномена.

«Растительные» сообщества

Концепция сообщества чикагской школы едва ли является успешным развитием идей Ф. Тённиса. «Чикагцы» не только не использовали ключевую идею противопоставления двух исторических типов социальных общностей (*gemeinschaft und gesellschaft*), но и свели понимание сообщества к довольно поверхностной его интерпретации как сугубо пространственного феномена. Парк и его единомышленники неоправданно примитивизировали понятие и нагрузили его новыми, противоречащими концепции *gemeinschaft* коннотациями. Такое рассмотрение сообщества объясняется как тем, что не очень знакомые с работой Тённиса теоретики чикагской школы, проигнорировав громкую смерть *gemeinschaft*, нашли новые примеры сплоченности в городских сообществах, так и тем, что английский концепт «community» существенно отличается от немецкого «*gemeinschaft*», который, как замечает Б. Андерсон, предполагает более интенсивную, более эмоционально переживаемую общность¹⁰¹.

«Городское сообщество» – одна из основных тем чикагской школы – в тённисовском смысле звучит бессмысленно и является оксюмороном. Сообщество рассматривается чикагской школой с ультраноминалистских позиций. Р. Парк при концептуализации сообщества отталкивается от описанного биологом Э. Вармингом феноме-

---

¹⁰¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества = *Imagined communities: размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: Кучково поле. 2016. С. 15.

на растительных сообществах¹⁰² и в основу своей интерпретации закладывает пространственную общность: «это собрание людей, занимающих более или менее четко определенную область»¹⁰³. От других «социальных констелляций» сообщество отличают институты, к которым Парк относит в первую очередь домашние хозяйства, а также церкви, школы, дворы, места собраний, театры, деловые и промышленные предприятия.

Территориальный принцип выделения сообществ позволяет выделять сообщества сугубо механистически, не вкладывая в суть сообщества фактически никакого содержания. Так Парк отмечает, что сообщества входят в более широкие сообщества, вплоть до всеохватывающего мирового сообщества.

В контексте XX века категория территориальных сообществ имеет амбивалентную ценность. С одной стороны, территория в XX веке стала гораздо менее важным социальным фактором, чем была до того. XX век стал эпохой «новых кочевников», как их назвал Э. Тоффлер¹⁰⁴, ведущей к постсоциетальной эпохе XXI века – эре мобильностей¹⁰⁵. Даже в рамках города, что было замечено уже сторонниками чикагской школы, небольшие локации не были для их жителей фундаментом постоянства, поскольку они сами стали вольны перемещаться и существовать в нескольких локациях каждый день. Неудивительно, что советская структура общества по производственному принципу выглядела в глазах «чикагцев» более выигрышной в плане сообщества, чем характерные для их страны городские сообщества. Но с другой, изменилось и понятие пространства. Места, территории стали возникать не только в физической среде, но стали охватывать и виртуальный мир, и

---

¹⁰² Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11

¹⁰³ Парк Р.Э. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С.14.

¹⁰⁴ Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.

¹⁰⁵ Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

отдельные места встречи в киберпространстве стали играть для участников коммуникации роль не меньшую, чем пространства коммуникации в естественной среде.

Концептуализация виртуальных сообществ с использованием теоретического наследия чикагской школы имеет потенциал оказаться достаточно поверхностной. Хотя можно выделять виртуальные сообщества по тому месту, виртуальной «территории», которую они занимают – сайту или его разделу, но в таком случае именно территория выступила бы первичным элементом формирования сообщества. Однако как нам представляется, такой «виртуальный примордиализм» не корректен. Сообщества конструируются посредством разделяемой идеи или интереса, который лежит в основе виртуального (и на самом деле, не только виртуального) сообщества. А поскольку имеет место выбор, то его и необходимо рассматривать в качестве решающего фактора.

Стараясь на словах уйти от географического принципа объединения в сообщества, Парк и его единомышленники по факту практически отмечают истинную социологическую основу сообществ – взаимодействие, соучастие, наличие постоянных коммуникационных связей между участниками сообществ. Так и не сумев преодолеть разрыв между социологическим реализмом и номинализмом, при анализе сообществ Парк использует номиналистский подход, размывая границы категории и упрощая понимание сообщества до ультраиндивидуалистского пространственного «собрания людей». Этой же логике следуют и другие представители чикагской школы. Например, Л. Вирт видит в городском и сельском *обществах* идеальные типы *сообществ*¹⁰⁶. При этом хотя тема социальной плотности «чикагцами» рассматривалась, в целом их школа выбрала вектор совершенно иной, нежели последователи Ф. Тённиса.

Противоречивость антропологического и экологического подходов привела к попыткам представить синтетические определения. Одно из

---

¹⁰⁶ Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93-118.

таких было предложено Н. Элиасом, который определил сообщество как группу домохозяйств, расположенных в одном месте и связанных друг с другом функциональной взаимозависимостью, более тесной, чем аналогичная взаимозависимость с другими группами людей в рамках социального поля, к которому принадлежит сообщество»¹⁰⁷. Таким образом, сообщество вполне в логике Парсонса рассматривается как разновидность «уплотненного общества», формируемая на основе функциональной взаимозависимости.

Средство есть сообщество

Существенный вклад в критику территориального понимания сообщества внесли Б. Андерсон и Э. Коэн. Благодаря их работам категория сообщества стала иметь отношение не к реальному, а к символическому или воображаемому пространству¹⁰⁸.

Б. Андерсон расширил содержание сообщества до национальных границ, рассмотрев в качестве центрального примера воображаемых сообществ национальные государства. Андерсон видит стержнем сообщества именно нечто «общее», а не «общение»¹⁰⁹. «Воображаемое сообщество», таким образом, согласно Андерсону, это «не представляемая возможность общения, но представляемое общее, нечто более интенсивное, чем любого рода «общество», нечто более глубоко укорененное, нежели исторически во многом случайные границы «нации-государства», какой бы смысл ни вкладывался в эти границы националистами или их противниками. Центральным элементом такой общности представляется язык, и также чувство общности достигается посредством «общностного действования». Отдельно отметим то, что

---

¹⁰⁷ *Elias N.* (1974) "Foreword—Towards a Theory of Communities." Pp. ix-xliii in *The Sociology of Communities: A Selection of Readings*, edited by Colin Bell and Howard Newby. London: Frank Cass & Co. Ltd. Цит. по: *Павлюткин И., Юдин Г.* Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2015. (3). С. 90.

¹⁰⁸ *Добринская Д.Е.* Сообщества в эпоху интернета // *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. 2018. 24 (4). С. 59-79.

¹⁰⁹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества = *Imagined communities: размышления об истоках и распространении национализма*. Москва : Кучково поле. 2016. С. 13.

сообщество не представляется рациональной конструкцией и основывается на аффективности, разделяемых чувствах.

Андерсон отметил, что все сообщества, как минимум, большие, чем «первобытные деревни», для которых характерна коммуникация лицом к лицу, представляют собой примеры воображаемых сообществ. В то же время сообщества представляют собой товарищескую, горизонтальную систему, которая оказывается выше проблем социального неравенства.

Э. Коэн в работе «Символическое конструирование сообщества»¹¹⁰ описал образование сообществ через определяющие смысл их существования символические границы¹¹¹. Сообщество в его смысле представляет собой социальную единицу, большую, чем семья, но более непосредственную, чем абстрактное общество¹¹². При этом формирование символического пространства необходимо для отгораживания сообщества, конструирования собственной идентичности.

Именно воображение, символическая среда зачастую рассматриваются как основа социального. К. Касториadis находит в социальном воображаемом основные ценности и убеждения социальных групп¹¹³. Формирование коллективной идентичности достигается посредством создания системы образов.

Центральной заслугой в концептуализации сообщества Андерсона и Коэна является то, что основа феномена была перенесена из физической среды в сферу сознания, и на первый план вышел способ формирования «воображаемых» сообществ и символического конструирования. Конечно, можно дискутировать на тему того, явилось ли стремительное развитие различных типов средств коммуникации основой формирования сообществ, либо же сообщество, даже в тённисовском

¹¹⁰ Cohen A.P. (1985) *The symbolic construction of community*. L.

¹¹¹ Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. 24(4). С. 63

¹¹² Чуйкина С. А. Жизненные траектории дворян в советском обществе : Ленинград 1920 - 1930-х годов : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04.- Санкт-Петербург, 2000.

¹¹³ Castoriadis C. (1987) *The Imaginary Institution of Society* (trans. Kathleen Blarney). Cambridge, MA: Polity/MIT Press.

смысле, всегда было продуктом коммуникации, выражавшейся более простыми средствами, однако очевидно, что смена доминирующих средств коммуникации оказывала влияние на развитие самих сообществ, что и привело в итоге к возникновению виртуальных сообществ и их трансформации в условиях социальных сетей в некий новый феномен.

Впрочем, разумеется, концептуализации Андерсона и Коэна не были первыми шагами в этом направлении. Созвучные идеи, обосновывавшие важность средств коммуникации в т.ч. в формировании национальных государств, например, можно найти у М. МакЛюэна. Именно возникновение электронного общества делает возможным уплотнение социальных связей.

Концепт деревни МакЛюэна в каком-то смысле ближе тённисовскому «*gemeinschaft*», чем «чикагское» «*community*», поскольку именно деревня и предполагает тесные связи лицом к лицу. При этом МакЛюэн элиминирует фактор физического пространства, столь значимый для Парка и его единомышленников. Для МакЛюэна формирование глобальной деревни означает преодоление времени и пространства, которые согласно МакЛюэну «закончились»¹¹⁴.

Образ деревни МакЛюэна представляет собой «образ простоты, спокойствия и чистоты; где люди глубоко вовлечены в жизнь других людей из-за общих целей, где люди действительно заботятся друг о друге, и где информация является общей и всегда доступной для всех», такая деревня пропитана духом братства, что роднит его концепцию с идеалом Тённиса¹¹⁵.

Если МакЛюэн видит в возникновении печатного станка центральный фактор появления индивидуалистической «Гутенберговой галактики», которая предшествует возникновению электронной «глобальной деревни», то Б. Андерсон именно в «печатном капитализме» усматри-

¹¹⁴ McLuhan, M. (1967) *The Medium is the Message: An Inventory of Effects*. London: Penguin Press. P. 63.

¹¹⁵ Georgiadou E. (1995) Marshall McLuhan's 'global village' and the Internet / https://www.researchgate.net/publication/274383916_Marshall_McLuhan's_'global_village'_and_the_Internet

вает основу для создания воображаемых сообществ. Возникновение общего дискурса этих сообществ стало возможным благодаря тому, что печатная продукция с местными языками заменила латынь и создало новое общее пространство коммуникации¹¹⁶. Отметим здесь, что Интернет развивался в каком-то смысле наоборот. На ранних этапах, когда в сети доминировал английский язык, интернациональные виртуальные сообщества формировались не на языковой основе, а благодаря наличию самого технического средства и значимых интересов, которые собирали пользователей вместе.

Схожесть же заключается в том, что отказ от привилегированного доступа к текстам, характерный для гутенберговской эпохи, привел, по Андерсону, к формированию национализма, что характерно и для динамики интернет-коммуникации. Массовизация онлайн-коммуникации в 2000-х привела к тому, что сначала в Интернете стал все более значимым языковой фактор, а затем начался процесс балканизации сети. Интернациональные виртуальные сообщества растворились в большом количестве языковых коммьюнити.

Очевидно, что перенося категорию сообщества с микро- или мезоуровня на макроуровень анализа, Андерсон сознательно менял её содержание. Концепция Андерсона не только не дополняла социологические конструкции Тённиса, но и попросту переворачивала их. Воображаемость сообществ означала в первую очередь то, что люди, состоящие в них попросту не знают друг друга в лицо, не объединены непосредственным контактом друг с другом и объединены только тем, что образ этого сообщества живет в их умах¹¹⁷.

Развитие сообщества в конце XX века связано с фиксированием феномена «индивидуализированного общества». Согласно З. Бауману, отличительными чертами сообщества являются чувства сопри-

---

¹¹⁶ Карнаухова О.С. Вспоминая "воображаемые сообщества" Бенедикта Андерсона / Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 160

¹¹⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества = Imagined communities: размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Кучково поле. 2016. С. 48.

частности, безопасности и поддержки¹¹⁸. З. Бауман обращает внимание на то, что в современном индивидуализированном и глобальном мире сообщество заменяется его суррогатом – идентичностью, которая вместо сообщества представляется исполнительницей функций безопасности и уверенности¹¹⁹.

Эти тенденции не только не отменяют, но даже усиливают ностальгию по сообществу, подстёгивают желание вернуться в состояние безопасной однородности. Однако мир меняется настолько динамично, что потребность «изобрести сообщество» формируется практически каждым поколением с чистого листа¹²⁰.

Многоликость термина «сообщество» объясняется тем, что исследователи предпочитают перекраивать значения знакомого слова под современные реалии, зачастую не сообразуя новое содержание со старым. Сообщество, таким образом, становится своеобразным симулякром и фиксирует либо разрыв означаемого с изначальным означаемым, либо даже мимикрию означаемого под новое означаемое.

В то же время для многих исследователей характерно, если не противопоставление сообщества и общества, то как минимум, понимание сообщества как социальных связей в большей степени ориентированных на соучастие и единомыслие, чем «обычные» общественные связи.

2.2. Виртуальные сообщества: критика классической интерпретации

Формирование виртуальных сообществ и вопрос о том, в какие формы они разовьются, был актуален задолго до того, как случился пузырь доткомов, послуживший отправной точкой для развития Веб 2.0. Как отмечает Э. Джорджиаду, хотя Интернет того времени и соот-

¹¹⁸ Бауман З. Текущая современность. СПб, Питер, 2008. С. 182.

¹¹⁹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 46-47.

¹²⁰ Society, Cyberspace And The Future: How Can New Interactive Communication Technology Enhance Harmonious and Functional Communities at all Scales Worldwide? Report of an Exploratory Aspen Workshop. Prepared by: B. Murray <http://www.ub.edu/prometheus21/articulos/obsiberprome/aspen.pdf>

ветствовал маклюэновским принципам децентрализации, вовлеченности и демократии, пионеры глобальной сети вроде Т. Лири критиковали сетевой коммунитаризм, отмечая индивидуализм как базовый принцип киберпространства¹²¹. Упомянутые примеры хорошо иллюстрируют сложившиеся в дальнейшем *коммунитаристский* и *персонализированный* подходы, которые интуитивно пересекаются с антропологическим и экологическим подходами в концептуализации термина «сообщество». Заметна и критика самого концепта «сообщество» для описания видов взаимодействий, которые происходят между людьми в виртуальном пространстве¹²². В то же время развитие концепций виртуальных сообществ и практика сетевого взаимодействия иллюстрируют очевидную ностальгию по *gemeinschaft* и стремление к идентичности, которые старательно находят выражение в формировании коллективных форм взаимодействия в Интернете.

Термин «виртуальное сообщество» был введен в широкий научный оборот классиком сетевого коммунитаризма Г. Рейнгольдом¹²³, а затем подхвачен целой группой исследователей в области интернет-антропологии. Хотя достаточно быстро этот хорошо описанный, но крайне схематично концептуализированный Рейнгольдом феномен, связанный с компьютерно-опосредованной групповой коммуникацией, стал объектом научной полемики, обусловленной прошлыми коннотациями термина «сообщество», сама категория виртуального сообщества, как отмечает М. Кастельс, привлекла «внимание к появлению нового технологического базиса социального взаимодействия»¹²⁴.

---

¹²¹ *Georgiadou E.* (1995) Marshall McLuhan's 'global village' and the Internet / https://www.researchgate.net/publication/274383916_Marshall_McLuhan's_'global_village'_and_the_Internet DOI: 10.13140/RG.2.1.1490.1282. P. 42.

¹²² *Krieger J. M.* (2012) Virtual community In: Kosut, M. Encyclopedia of Gender in Media. Thousand Oaks, Calif: SAGE Publications, Inc. pp. 421-425.

¹²³ *Rheingold H.* (2000) The Virtual Community. MIT Press.

¹²⁴ *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У – Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. С. 151.

Концептуализация термина «виртуальное сообщество» связана с рядом очевидных проблем. Даже в зарубежной литературе наряду с устоявшимся термином *virtual community* используются, как правило без акцентирования отличий, другие близкие категории (*online community*, *cyber community*, *web community*). Спецификой российского научного вокабуляра является заметная популяризация категории «интернет-сообщество», используемого как синоним виртуального сообщества, а так же имеющего и более широкое значение – совокупности всех пользователей страны или мира. Такое понимание до сих широко распространено в журналистской и политической среде. Смещение макроуровня анализа с анализом групповых феноменов при наличии синонимичных альтернатив порождает искать более точные категории, чем «интернет-сообщество».

Преимуществом категории «виртуальное сообщество», помимо отсутствия указанных дополнительных значений, является то, что оно получило более обстоятельную теоретическую проработку в зарубежной литературе. Именно в такой формулировке этот термин был введен Рейнгольдом, согласно которому, виртуальное сообщество – это такое «социальное образование, которое формируется на основе компьютерно-опосредованной коммуникации, когда определенное количество людей поддерживают общение достаточно долго, и при этом возникают человеческие эмоции и сеть межличностных отношений»¹²⁵. Данное определение носит слишком общий характер, что обусловлено как новизной феномена онлайн-коммуникации, так и старыми проблемами концептуализации сообщества как такового, в котором сплелись противоречащие друг другу подходы Ф. Тённиса, чикагской социологической школы, Б. Андерсона и др.

В зарубежной литературе наряду с термином виртуальное сообщество параллельно используется категория «онлайновое сообщество», которое означает то же явление, но в ряде случаев акцентирует вни-

---

¹²⁵ Rheingold H. (2000) *The Virtual Community*. MIT Press.

вание на опосредованном компьютерами характере коммуникации. Онлайн-общество представляется нам не только более узким термином, поскольку убирает лишнее значение, передающее воображаемый характер сообщества, но и более «сухим», поскольку лишает категорию коннотаций, связанных с культурой виртуальной реальности. Однако нельзя не признать большую чёткость категории «онлайн-общество» в качестве эпистемологического инструмента.

Понимание термина «виртуальное сообщество» как воображаемого значительно снижает его ценность, поскольку уводит от центрального момента, который он описывает – функционирования социальных связей в киберпространстве – виртуальной реальности. Такая интерпретация, характерная в большей степени для зарубежной научной школы, в которой тема виртуальности «без компьютера» приобрела последовательную проработку и закрепление в научном дискурсе, имеет место и в российских исследованиях. В то же время указание на виртуальную реальность, виртуальную среду – т. е. особый мир с собственными правилами, специфическим пониманием локаций, новыми географией и нормами – формировало высокий теоретический потенциал термина «виртуальное сообщество».

Виртуальные сообщества в компьютерных сетях более реальны, чем воображаемые сообщества, вроде наций, поскольку они локализованы, пускай и в виртуальном пространстве, а также в более полном (тённисовском) смысле являются сообществами, т. к. участники сообществ находятся на виду друг у друга и имеют возможность друг друга знать и на основании личных взаимодействий считают друг друга «своими».

Виртуальное сообщество отличается от других «воображаемых» сообществ тем, что продукт этого воображения хранится и может передаваться без чьего-либо участия.

Еще одной чертой виртуальных сообществ является их краткосрочность. Виртуальные сообщества не похожи на *gemeinschaft* тем, что

они крайне недолговечны – действие множества факторов приводит к тому, что даже самые успешные виртуальные сообщества живут в режиме активной и продуктивной коммуникации всего несколько лет, после чего наблюдается угасание коммуникации и смерть сообщества.

Другая проблема термина «виртуальное сообщество» заключается в том, что виртуальные сообщества, описанные Рейнгольдом, в настоящее время воспринимаются как предмет виртуальной архаики. Развитие технологий, изменение принципов групповой и массовой коммуникации привели к тому, что феномен, изученный в начале 1990-х гг., значительно преобразился в 2010-е гг. При употреблении термина «виртуальное сообщество» в отношении групповых форм онлайн-коммуникации в условиях Веб 2.0 возникает закономерный вопрос – насколько эти коллективные объединения являются «виртуальными» и насколько «сообществами»?

Еще одним значимым моментом является вопрос о происхождении конкретных виртуальных сообществ, что также является дискуссионным вопросом. С нашей точки зрения, виртуальное сообщество является виртуальным также и в том смысле, что оно конструируется виртуально – в виртуальной реальности. Реальные сообщества, состоящие из уже знакомых людей, осуществляющие деятельность онлайн, не являются в полном смысле виртуальными сообществами, поскольку они закрыты для виртуального мира и используют Интернет инструментально, а не как полноценное пространство взаимодействия. Схожей точки зрения придерживается, например, Н. С. Чураева, который наряду с реальными сообществами онлайн выделяет «собственно виртуальные сообщества»¹²⁶. В этом контексте концепт виртуального сообщества обладает также большей точностью и ценностью, чем категория «онлайновые сообщества».

---

¹²⁶ Чураева Н. С. Социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Наталья Сергеевна Чураева. Москва, 2009. С. 10.

Помимо комплексного описания феномена и выявления фундаментальных основ исследования виртуальных сообществ, заслуга Рейнгольда состоит также в выработке коммунитаристского взгляда на природу виртуальных сообществ эпохи, предшествовавшей Вебу 2.0. И хотя с развитием социальных сетей и сменой уровня рассмотрения интернет-коммуникации в целом коммунитаристский подход перестал быть основополагающим, при рассмотрении социальных общностей мезауровня именно он по-прежнему остается востребованным методологическим инструментом.

2.3. Сеть и «индивидуализированные сообщества»

Периодически актуализируемая дихотимия «реальное – виртуальное» нетипична для более современных концепций виртуальных сообществ М. Кастельса и Б. Уэллмана (хотя исторически концепция нелокального виртуального сообщества Уэллмана предшествовала концепту Г. Рейнгольда и датируется 1979 годом). Для обоих авторов характерно понимание этих сообществ не как групп, а как сетей¹²⁷.

Если для Рейнгольда было характерно использовать для описания виртуальных сообществ маклюэновский термин «деревня» (village), то Б. Уэллман, очевидно, находящийся на более индивидуалистических позициях, заявляет о необходимости выхода за рамки понимания сообщества как «соседства» или «деревни» и определяет их как сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности и социальную идентичность¹²⁸. Подход Уэллмана не только решительно порывает с теннисовскими коннотациями «сообщества», но и отчасти элиминирует заслугу Рейнгольда, который увидел в виртуальном сообществе новый групповой феномен.

---

¹²⁷ *Добринская Д. Е.* Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. 24(4). С. 59-79.

¹²⁸ *Wellman B.* (2001) Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking. International Journal of Urban and Regional Research. I. 25. P. 228.

Социальные сети олицетворяют согласно Кастельсу и Уэллману «персональные сообщества» или «эгоцентрические сети», которые сменяют более ранние семейно-общинную форму отношений и форму отношений через объединения.

Концептуализация Уэллмана немного уводит в сторону от виртуальных сообществ как чистой специфики киберсреды и от виртуальных локаций как пространства их функционирования. Интернет-специфика уходит на второй, если не третий план. Конечно, с одной стороны, это отлично иллюстрирует снижение значения маленьких сайтов в интернет-коммуникации в XXI веке и переход к господству социальных сетей, как в широком (неонлайновом), так и в узком (виртуальном) значениях, как новому локомотиву глобальной коммуникации. Однако изменения, привносимые Уэллманом в значение сообщества, выветривают из него главную суть – ориентацию на сплоченность. Уэллман ориентируется на исследование персонализированных сообществ описывает не группы, а именно сети. И в меньшей степени социальные аспекты, а в большем формально коммуникативные. Сообщества перестают быть небольшим кругом людей и перерастают в более масштабные и более аморфные социальные образования, в которых все меньше тённисовские смыслы «*gemeinschaft*». Выделение сообществ по принципу их воображаемости для каждой конкретной личности вряд ли следует признавать правомерным подходом. Как нам представляется, в данном случае корректно говорить именно о персонализированных сетях друзей, родственников и коллег, а не о сообществах, несмотря на то, что сети также могут способствовать формированию идентичности¹²⁹. В то же время сообщества, «находящиеся» в «киберместах» – это именно локальные сообщества, пускай эти локации и являются виртуальными.

---

¹²⁹ Wellman B. (2001) Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking. *International Journal of Urban and Regional Research*. I. 25. P. 227. Цит по: Добринская Д. Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. 24(4). С. 59-79.

Концепция Б. Уэллмана не просто по-другому представляет сущность сообщества, но в первую очередь меняет точку зрения на эту сущность. Главным образом речь идет не о персонализации сообщества, а о персонализации подхода к сообществу. В то же время такие аспекты как дробление социального мира, увеличение числа социальных кругов, в которые оказывается втянут индивид, мобильность индивидов в реальном и виртуальном пространстве, а также возможность поддержания связей с большим количеством людей с помощью новых технических средств скорее говорят о том, что человек обладает большим количеством идентичностей, чем о том, что сообщества выстраиваются вокруг каждой персоны – хотя самой персоне действительно может казаться именно так.

Сообщества меняются. Виртуальные сообщества, разумеется, не могут поддерживать ту же интенсивность связей, что и классические сообщества-gemeinschaft. Даже если в какой-то момент эти связи демонстрируют большую интенсивность, это с лихвой компенсируется их кратковременностью. Как правило, виртуальные сообщества не живут долго – как в силу того, что большинство пользователей, которые были костяком сообщества в момент его формирования, утрачивают интерес к проблематике сообщества, а преемственность поколений сообщества достигается в редких случаях, так и в силу того, что медийное пространство, в рамках которого существует сообщество, устаревает и проигрывает более современным пространствам (что легко прослеживается как на динамике перехода к ресурсам Веб 2.0, так и динамике популярности блогов, социальных сетей, видеоплатформ и мессенджеров – изменчивой моде на виды этих ресурсов). Имеет значение и миграция сообществ по интересу с одного ресурса на другой. Но сам по себе любой индивид (а не деятельность отдельных индивидов или идеи, которые они отстаивают) не может выступать фундаментом сообщества. Первичны именно «киберместа», а не индивиды как узлы коммуникации.

В условиях постправды сообщества могут конструироваться вокруг персоны в том случае, когда общественно значимая фигура становится выразителем определенных эмоций. В таком ключе можно говорить о своеобразной аффективной идентичности. Именно поэтому теоретики постправды делают акцент на популизме как воплощении политики постправды.

Виртуальные сообщества необходимо исследовать в динамике: трансформация этих социальных общностей протекает весьма активно и еще далека от завершения, а потому закреплять за ним «окончательное» определение было бы ошибкой. Основой виртуальных сообществ является та среда, в которой они образуются и функционируют, в связи с чем классические виртуальные общины вроде WELL или сообществ внутри мультипользовательских игр будут отличаться от сообществ, существующих в социальных сетях или на других ресурсах Веб 2.0.

Социальные сети в каком-то смысле также возвращают нас к *gemeinschaft*, поскольку они уводят нас из мира киберкультуры, анонимности и новых сконструированных нами идентичностей и репрезентаций в привычный жизненный круг, где мы снова оказываемся среди тех, кто близок нам по крови, соседству или дружбе – классическому *gemeinschaft*, преодолевшему возникшие в результате урбанизации расстояния. При этом для каждого сохраняется и возможность добавить к «реальному» жизненному кругу те реализуемые за счет возможностей киберпространства интересы, которые лежат в основе классических виртуальных сообществ. Уходит (хотя и не полностью) культура маскарада, атмосфера перевоплощения, и главной причиной тому является деанонимизация культуры онлайн-коммуникации, которая строится вокруг конкретных персон.

Структура социальных сетей, в которых также могут существовать группы, который называют сообществами, всё же делает акцент на индивиде, что очень хорошо соответствует концепции Б. Уэллмана. Но

при этом сообщества всё-таки сохраняются и в прежнем своём значении – помимо персонализированных сетей, в отдельных «киберместах». И именно эти киберместа и представляют интерес для исследования динамики виртуальных сообществ.

Признаки виртуального сообщества

Поскольку определение виртуального сообщества Рейнгольдом было крайне абстрактным, в последующие годы были предприняты шаги для выделения характеристик этих онлайн-групп. Список признаков виртуального сообщества может быть достаточно широким. Например, выделяют: (1) активное «самоподдерживающееся» участие и ядро постоянных участников; (2) общую историю, цель, культуру, нормы и ценности; (3) солидарность, поддержку, взаимность; (4) способы разрешения конфликта; (5) самосознание группы как субъекта, отличного от других групп; (6) появление ролей, иерархии, управления, ритуалов¹³⁰. Такой комплексный список признаков виртуального сообщества характерен для сообществ с высокой консолидацией, а также более актуален для классических виртуальных сообществ, и в меньшей степени для онлайн-групп, действующих на ресурсах Веб 2.0.

В качестве базовых элементов виртуального сообщества мы бы выделили: (1) объединяющий интерес, (2) компьютерно-опосредованную коммуникацию с акцентом на соучастие, (3) разделяемые ценности. При этом третья компонента более характерна для развитых и активных виртуальных сообществ и служит своего рода индикатором групповой сплоченности, поэтому более конкретно остановимся на двух первых.

Объединяющий интерес, как полагает Я. ван Дейк, является фундаментальной общей чертой участников виртуальных сообществ¹³¹.

¹³⁰ Herring S. (2004) Computer-mediated discourse analysis: an approach to researching online communities. *Designing for Virtual Communities in the Service of Learning*. pp. 316-338.

¹³¹ Van Dijk J. A. G. M. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. Second edition. SAGE Publications London Thousand Oaks New Delhi. P. 167.

Интерес выступает в качестве центральной мотивации участия в сообществе. Сразу же отметим, что подобный интерес отличается от понимания интереса Ф. Тённисом, у которого тот служил как раз признаком *gesellschaft*, а не *gemeinschaft*. Интерес в *gesellschaft* несет ярко выраженный экономический характер и предполагает рациональное осуществление индивидуальных эгоистических желаний. Это «инструментальный интерес»¹³². Хотя среди виртуальных сообществ возможно формирование и таких групп, всё же более характерно для виртуальных сообществ нерациональное, бессознательное стремление к людям со схожими интересами, что соответствует духу *gemeinschaft*. Интерес в виртуальных сообществах основывается на органичных тённисовской концепции идеях связанности, принадлежности к коллективу.

Будучи своего рода отправной точкой формирования сообщества, интерес, как может показаться, заменяет традиционный принцип формирования реальных сообществ по территориальному принципу. Так М. Кастельс в «Галактике Интернет» фактически противопоставляет основанные на территориальных связях (локальные) сообщества «избирательным»¹³³, которые наиболее ярко воплощаются в виртуальных сообществах, формирующихся вокруг общих ценностей и интересов¹³⁴. Логика выделения такой дихотомии, возможно, исходит из данного еще в 1968 году прогноза основателей Арпанета Дж. Ликлайдера и Р. Тейлора, которые отмечали, что компьютерно-опосредованные сообщества будут формироваться не за счет локации, а за счет общего интереса¹³⁵.

Подобное противопоставление следует снабдить следующей оговоркой. Интернет представляет собой хоть и гораздо более изменчи-

---

¹³² Сообщества как политический феномен / Под редакцией П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 13.

¹³³ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. - Екатеринбург: У - Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. С. 141.

¹³⁴ Кастельс М. Там же. С. 145.

¹³⁵ Rheingold H. (2000) *The Virtual Community*. MIT Press.

вое и построенное по отличным от физического принципам, но все же пространство. Находясь в постоянной трансформации, эта среда может образовывать принципиально разные локации – от характерных для раннего Веба одиночных сайтов с тематическими форумами, где общий интерес играет в первую очередь роль фундамента информационной локации, до индивидуализированных социальных сетей, в которых сообщество локализовано гораздо слабее, а принципы коммуникации в меньшей степени позволяют интерпретировать группы и паблики в социальных сетях как локусы. Как пространственная компонента социальные медиа представляют собой гораздо более подвижные, «текущие», изменчивые среды в сравнении с более «жесткими», структурированными и стабильными одиночными сайтами.

В случае с классическими виртуальными сообществами интерес выступает фактором, формирующим специфическое дискурсивное пространство, которое в дальнейшем может жить уже собственной жизнью. В отличие от институционализированных групп интересов, преследующих достижение конкретных социальных целей, виртуальные сообщества зачастую формируют виртуальное пространство повседневности, использующее интерес лишь в качестве фундамента для конструирования альтернативной виртуальной социальности. Достижение такого пространства представляется нетривиальной задачей – согласимся с Т. К. Хоппман в том, что «сообщества будут продолжать существовать и развиваться только в том случае, если общие интересы участников будут интенсивными и разнообразными»¹³⁶.

В каком-то смысле сообщество достигает предела своего развития не тогда, когда достигается какая-то конкретная цель, формируемая фундаментальным интересом, а когда как бы освобождается от этого интереса, живет помимо него, на основании сложившейся идентично-

---

¹³⁶ *Hoppmann T.K.* Revisiting different concepts of social relations in the network society // URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/b3c6/c3f076148845c83ab01f64e062454a77eca0.pdf>

сти и истории, как самоценное сообщество, не требующее легитимации в прежних интересе и цели.

Бороноев и Смирнов, стремясь выделить объективные основания для дифференциации категорий «общество» (в узком смысле, предполагающем рамки национального государства) и «сообщество», отмечают наличие в сообществе таких «типов взаимодействия» как природное (общевидовое), эмоциональное (предполагающее доверие) и рече-коммуникационное (подразумевающее аристотелевский или лумановский фундамент социальных связей). Примерами сообщества они называют семью, племя или народ. В то же время общество помимо этих типов взаимодействия имеет еще одно дополнительное – деятельностное¹³⁷. Поясняя смысл этого типа взаимодействия, Бороноев и Смирнов связывают этот тип взаимодействия с разделением труда (что вполне соответствует логике Тённиса). На наш взгляд, данный подход выявляет достаточно важную черту, характерную в т.ч. и для виртуальных сообществ. Как правило онлайн-комьюнити, ориентированные на коммуникацию в рамках конкретного общего интереса, демонстрируют ограниченное число тем, вокруг которых ведется активная дискуссия. Виртуальные сообщества являются экспертными лишь в рамках небольшой группы связанных между собой тем. Поэтому экстраполяция термина «виртуальное сообщество» на неспециализированные интернет-ресурсы всеобъемлющей тематики некорректно. Как правило, если такие ресурсы и обладают сообществами, то речь идет о нескольких онлайн-комьюнити в рамках одного большого сайта.

Интересом, лежащем в основе сообщества, может выступать профессиональная идентичность. Примечательно, что характеризуя локальные сообщества как сферу деятельности некомпетентных людей (домохозяек, иммигрантов и молодежи), Р. Парк ставит в пример «рус-

---

¹³⁷ Бороноев А.О., Смирнов П.И. О понятиях "общество" и "социальное" // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 3-11.

ский» подход к политике сообществ, в основу которого положен профессиональный, а не пространственный принцип¹³⁸. Оставив за скобками комплимент в адрес советской социальной стратификации, отметим, что принцип выделения сообществ по псевдопрофессиональному принципу характерен и для виртуальных сообществ. Поскольку локализации сообщества, как правило, предшествует обозначение темы или общего интереса этого сообщества, то она становится площадкой коммуникации заинтересованных лиц – профессионалов и любителей. Разумеется, Интернет не смог привлечь к участию в политике локальных сообществ наиболее компетентных лиц в данном вопросе, поскольку зачастую даже использующие Интернет профессионалы предпочитают личное общение, а не групповую коммуникацию, которая может быть доступна неограниченному кругу лиц, оставаясь для большинства других пользователей сети оффлайн. Но в то же время многие сообщества, особенно в среде программистов, представляют собой группы достаточно компетентных людей, вовлеченных в активное взаимодействие друг с другом.

Компьютерно-опосредованная коммуникация как соучастие.

Хотя фундамент виртуального сообщества задается ценностями и интересами, сообщество создается именно коммуникацией – т. е. неким соучастием в конструировании дискурса сообщества. Именно те, кто формируют дискурс сообщества, и являются в полной степени его участниками, а не просто аудиторией, потребляющей воспроизводимые сообществом идеи.

Смешение аудитории с участниками сообщества происходит достаточно часто. Дж. Урри отмечает то, что виртуальные сообщества лишены сущности реальных во многом по причине того, что большинство их участников являются «читателями», которые не размещают в сооб-

---

¹³⁸ Парк Р. Э. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 13.

ществе свои собственные сообщения и материалы¹³⁹. Распространение границ сообщества на «читателей», «подписчиков», на наш взгляд, представляется контрпродуктивным, поскольку реципиенты не формируют дискурс и зачастую даже не фиксируют своего отношения к нему (в виде лайков или репостов, например). В этом смысле логичнее говорить об аудитории сообщества как другой значимой группе, имеющей отношение к сообществу, но не являющейся его полноценной компонентой.

Классическое понимание сообщества предполагает совместность, соучастие, превалирование идей бескорыстия и самопожертвования над выгодой и обменом, более характерными для концепта «общество»¹⁴⁰.

Ориентация на соучастие как фундамент сообществ заметна и в профессиональной среде. Наряду со специалистами по продвижению брендов в Интернете через социальные сети (social media managers) в больших компаниях принято выделять и комьюнити-менеджеров (community managers). Разница между двумя этими категориями специалистов заключается в том, что если для СММ-специалиста характерно выступать от лица бренда и самостоятельно создавать необходимый контент, то для КМ-специалиста приоритетной задачей является создание лояльного сообщества. Деятельность менеджера по сообществам направлена на активизацию разговоров между клиентами в сообществе, формирование чувства сопричастности у них и в перспективе распространение рекламы бренда за рамками сообщества через участников сообщества. Комьюнити-менеджер работает в условиях более горизонтальной дискуссии, как правило, выступая как один из участников, а не как или не столько как «официальное лицо».

---

¹³⁹ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильностей для XXI столетия / пер. с англ. Д. Крачелкина. - М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. С. 113.

¹⁴⁰ Сыров В. Н. Концепт сообщества и современные философские стратегии // Фундаментальные стратегии социогуманитарного знания в контексте развития современной науки и философии: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции, проведенной философским факультетом Томского государственного университета 25-26 мая 1999 г. Томск, 1999. С. 38-41.

Подобные тенденции в управлении виртуальными сообществами демонстрируют, что несмотря на господство персонализированной коммуникации, именно ориентация на онлайн-группы представляется важной для распространения брендов, идей и ценностей. Более того, коммерческие акторы, задающие тон в современном Интернете, крайне заинтересованы в ориентации на умеренно активные управляемые группы.

Понимание сообщества как пространства соучастия характерно даже для исследователей, понимающих его в более широком контексте публичной сферы. Так, например, В.С. Вахштайн видит сообщество как культуру гражданского соучастия¹⁴¹.

Ценность. Для политических сообществ характерно то, что в отличие от компаний и корпораций ценность не является только лишь инструментом управления людьми (персоналом), а фактором формирования самого сообщества. Выбор политического сообщества обычно обусловлен декларируемыми им ценностями. В связи с этим в контексте сообщества не очень корректно говорить о ценностном управлении как некой иерархической системе. Ценность выступает в качестве объекта, который формируется и учредителем сообщества и самим сообществом. Ценностная управляемость достигается тогда, когда во-первых, ценности учредителя совпадают с ценностями сообщества, а во-вторых, трансформация этих ценностей у учредителя и сообщества происходит в одном и том же направлении. Создание системы долгосрочных ценностей во многом определяет продолжительность жизни виртуального сообщества¹⁴².

Важной характеристикой члена сообщества является обладание им чувства принадлежности к сообществу, которое можно выразить через категорию идентичности. Наличие «у всех членов сообщества общей

---

¹⁴¹ Вахштайн В. С., Вайзер Т. В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности. М. 2016. С. 72.

¹⁴² Ботнарюк М.В., Тимченко Н.Ю. Управление на основе ценностей: метод анализа иерархий // Вопросы управления. 2018. №2 (32). С. 153-161.

идентичности»¹⁴³ имеет смысл обозначить как фундаментальный признак сформировавшегося сообщества. Идентичность формируется в т.ч. путём соотнесения индивидуальных ценностей с коллективными.

Виртуальные сообщества способны как конструировать идентичности на основании общего интереса участников интернет-общения, так и усиливать уже имеющиеся благодаря возможности нахождения людей с себе подобными взглядами, даже если речь идет об изначально слабых связях¹⁴⁴.

Проблема управляемости политической коммуникации в связи с этим видится в т.ч. и в том, что люди с маргинальными политическими взглядами, противоречащими действующему законодательству, также получают больше возможностей для усиления собственной групповости, сплоченности, с одной стороны, и развитию и пропаганде своих идей и взглядов – с другой.

Сообщество – это круг лиц, которых считают своими¹⁴⁵. Формирование пространства «своих» создает возможность для более свободного общения «без страха» быть подвергнутым серьёзным санкциям. В связи с этим в условиях отсутствия внешнего воздействия ведущий себя по правилам неофит будет восприниматься именно как пока еще не очень хорошо знакомый «свой», а не потенциальный «чужой». Это является очень серьёзным преимуществом коммуникации в виртуальных сообществах, но имеет и обратную сторону – разделяющий другие ценности «чужой», появляясь в сообществе, воспринимает эти свободные высказывания как манифест, направленный против его ценностей. Гомогенные открытые сообщества в Интернете, таким образом, представляют собой амбивалентный феномен – коммуникация в них имеет почти приватный характер, но доступ к этой коммуникации со стороны

---

¹⁴³ Добринская Д. Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. 24(4). С. 62

¹⁴⁴ *Hoppmann T. K.* Revisiting different concepts of social relations in the network society <https://pdfs.semanticscholar.org/b3c6/c3f076148845c83ab01f64e062454a77eca0.pdf>

¹⁴⁵ Чуйкина С. А. Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920 - 1930-х годов : диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04.- Санкт-Петербург, 2000.179 с.

других делает её публичной. В отличие от традиционных медиа, которые, публикуя приватное, делают его достоянием общественности, здесь субъектом деприватизации выступает реципиент, а не коммуникатор.

Сообщества в условиях публичной приватности

Концепция публичной сферы формировалась в условиях *bürgerliche gesellschaft* – т. е. буржуазного общества. В контексте Тённиса это означает, что публичная сфера является собой конструкт противоположный духу *gemeinschaft*. Действительно *gemeinschaft* и в логике Арендт, и в логике Хабермаса представляет скорее сферу частных, нежели публичных отношений. Традиционно под *gemeinschaft* понимают автономные, культурно однородные группы, участники которых связаны друг с другом сентиментальной привязанностью¹⁴⁶. Даже в своих современных интерпретациях сообщество связано с идентичностью и солидарностью, а та в свою очередь – с единством, что крайне не характерно для концепции публичной сферы Хабермаса.

Пересмотр классических концепций актуален в свете изменений, обусловленных несколькими фундаментальными причинами:

(1) изменением социальной структуры, связанной как с кризисом традиционных институтов (в первую очередь, семьи), так и с изменением характера взаимодействия государства и гражданского общества (в связи с развитием более активного социального государства, с одной стороны, и инструментализацией государственных институтов, их подчинением гражданскому обществу, а также ослаблением их роли в условиях глобализации – с другой);

(2) коммерциализацией (деэтизацией) медиа;

---

¹⁴⁶ Hoppmann T.K. Revisiting different concepts of social relations in the network society // URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/b3c6/c3f076148845c83ab01f64e062454a77eca0.pdf>

(3) ролью СМИ и журналистов в новых условиях, «папараццизацией» медиа, которая создала основу для легитимации опубликования частного;

(4) развитием интернет-технологий, которые размывают границу публичного и частного в связи с массовой публикацией пользователями сети информации о своей личной жизни и персональных данных;

(5) концептуальный пересмотр и критика границ частного и публичного (в т.ч. критика понимания публичного как основы политического Х. Арендт), исходящая в первую очередь от феминистских исследовательниц.

Несмотря на то, что концепция публичной сферы Ю. Хабермаса изначально описывала ушедшую эпоху (прежде всего, XIX век как момент расцвета публичной сферы), а затем была провозглашена как возможная модель социальной коммуникации в будущем, сама актуализация научного и общественного дискурса критики постправды показывает, что именно она является приоритетной моделью развития коммуникации в современном обществе. Критика концепций «эхо-камер» и «пузырей фильтров» показывает, что гомогенные сообщества, продуцирующие неконвенциональные идеи, являются угрозой для общества. С другой стороны, концептуализация таких категорий как «контрпублики» показывает, что сообщества могут рассматриваться и в позитивном ключе, если они идентифицируются как прогрессивные. Согласно Т. К. Хоппман, «онлайновые сообщества обеспечивают освобождение через «неугрожающие среды», которые не работают в соответствии с традиционными методами исключения, такими как пол, раса или класс»¹⁴⁷.

---

¹⁴⁷ Hoppmann T.K. Revisiting different concepts of social relations in the network society // URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/b3c6/c3f076148845c83ab01f64e062454a77eca0.pdf>

Многие исследователи отмечают, что Интернет является связью между публичным и приватным пространствами, поскольку межличностное общение происходит в общедоступном месте¹⁴⁸.

Виртуальное сообщество – как правило, открытое сообщество. И это является очевидной проблемой, поскольку с одной стороны для виртуального сообщества необходимо сохранение собственной идентичности, а с другой – для него характерен определенный демократизм, направленный на возможность адаптации новых участников. Виртуальное сообщество не может в полной мере быть локальным аналогом попперовского открытого общества. Несмотря на возможность критики в рамках такого сообщества, виртуальное сообщество должно включать некоторые незыблемые идеи, которые выступают в качестве его основы и критике не подлежат.

Виртуальное сообщество, если оно в действительности сформировано виртуально, не может представлять собой аналог локального закрытого общества, даже если такая закрытость и может быть обусловлена неоднократными фактами внешней агрессии. Это и формирует конфликт, который становится всё более очевидным в условиях пост-правды.

Публичная сфера требует включённости в себя, но при этом регламентирует правила, по которым может вестись коммуникация. Для лиминальных с точки зрения публичности и приватности структур такая включенность является скорее опасной, нежели желаемой. Полупубличные группы, сообщества зачастую желают сохранить свою исключённость, в целях сохранения собственной идентичности, правил поведения и особенностей дискурсивных практик.

Открытость и публичность сообществ чревата правовыми последствиями, поскольку действия, направленные, по логике совершающего

---

¹⁴⁸ Shao X., Ni X. (2019) Online Public Communication with a Moderation of Self-control: Anonymity and Self-concept Clarity. Third World Conference on Smart Trends in Systems Security and Sustainability (WorldS4), London, United Kingdom. pp. 293-296.

их индивида, на «близких друзей» могут быть интерпретированы как общественная угроза.

Только закрытие регистрации в сообществах, использование инвайтов (приглашений) для ограничения незапланированных вторжений, могут более четко обозначить пространство сообщества не как публичное. Однако и это не будет являться гарантией, что в судебных разбирательствах, пространство сообщества не будет рассмотрено как публичное.

Социальные сети также не лишены этой лиминальности между публичным и приватным. Общение в них носит полуприватный характер, включающий знакомых, друзей, а также «друзей друзей» и анонимов¹⁴⁹.

Отмечается такое замещение публичной и частных сфер, которое можно обозначить как новую «публичную приватность»¹⁵⁰. В духе страшилок о «Большом брате» приватность в условиях развития Интернета все меньше остаётся безопасной и гарантированной сферой, и всё больше раздаются голоса о необходимости регулирования отдельных её проявлений.

Требование создавать тотальную публичную сферу, преодолевающую границы сообществ и запрещающую политику за рамками публичной сферы логично соотносить с проявлением панполитизма – тоталитарной тенденцией. Управление политическим дискурсом на всех уровнях (откуда бы оно не исходило – из органов власти или от отдельных групп интересов, выдающих себя за гражданское общество), на котором настаивают теоретики постправды, так или иначе не только является фактором разрушения «права на сообщество», но и антидемократической тенденцией. С другой стороны, в условиях глобального мира и противостояния нескольких систем ценностей, когда

---

¹⁴⁹ Lee P.S.N., So C.Y.K., Lee F., Leung L., Chan M. (2018) Social media and political partisanship – A subaltern public sphere's role in democracy, *Telematics and Informatics*, Volume 35, Issue 7. P. 1950.

¹⁵⁰ *Debatin B.* From Public/Private to Public Privacy: A Critical Perspective on the Infosphere <https://www.publicsphereproject.org/node/448>

общественная управляемость в отдельных странах становится вопросом выживания государства, избегание подобного управления чревато внутренними социальными взрывами.

С точки зрения современной концептуализации сообществ, проблема выглядит еще более сложной. Дело в том, что как среди зарубежных, так и среди российских исследователей заметна тенденция отождествлять сообщества с публичными феноменами, что закрепляет новую конвенциональность в научном дискурсе. Суммируя западные концепции сообщества, В.С. Вахштайн и Т. В. Вайзер обращают внимание на то, что (1) концепция сообщества складывается в контексте концепции публичной коммуникации; (2) члены сообщества не имеют ничего общего, кроме признания друг друга в качестве равноправных коммуникантов; (3) наличествует недеструктивная степень разногласия¹⁵¹. Таким образом, под сообществом понимается его противоположность – публичная сфера. Обнаруживается ещё один признак медиатизации современности – для формирования общности достаточно лишь общности средств (средств коммуникации).

Реконцептуализация сообщества подразумевает отказ от прежних смыслов при сохранении прежних стилистических аспектов. К.Х. Погнер показательно предостерегает от возвращения к классическому пониманию сообщества: «может существовать опасность, что термин «сообщество» с его положительными коннотациями побудит людей путать эти сообщества с некой «уютной близостью» и, таким образом, потерять из виду конфликт, критику и власть как компоненты этого сообщества»¹⁵².

Конечно, такие терминологические смешения, хотя они и возникли в результате последовательных сдвигов в содержании дефиниции сообщества, не способствуют научной точности. Сообщество и обще-

¹⁵¹ Вахштайн В. С., Вайзер Т. В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности. М. 2016. С. 72-73.

¹⁵² Pogner K. H. (2005) Discourse Communities and Communities of Practice On the social context of text and knowledge production in the workplace. Paper presented at the 21st EGOS Colloquium. June 30 – July 2. Freie Universität Berlin. P. 2.

ство все-таки представляют несколько разные сущности, как по своему размеру, так и по своей сути. Однако значимой является фиксация очевидной потребности общества быть со-обществом. Перенос потребности в сплоченности с микро- и мезоуровня на всё общество, декларирование того, что общество должно воспринять дух сообщества, вполне очевидно отображает социально-политическую реальность кризиса национальных государств в условиях глобализации, что требует повышения степени управляемости социально-политической коммуникацией, согласования общих правил игры, либо, в худшем случае, более топорного усиления контроля над ситуацией.

Вокруг сообществ: аудитории

Требования преодоления границ сообществ для их полного включения в публичную сферу, соседствуют с не менее активными призывами сделать более активной аудиторию медиа. Развитие социальных сетей сопровождается разработкой новых категорий – таких как задействованная в принятии публичных решений партисипативная аудитория¹⁵³, расширяющая и переосмысливающая концепцию активной аудитории¹⁵⁴. Подобные концептуальные новации следует охарактеризовать двояко: они в какой-то степени описывают складывающуюся новую реальность, но в то же время ориентируют на определенную политико-идеологическую модель развития социально-политической коммуникации.

Намеченное концепцией Б. Уэллмана понимание сообщества как персональной сети сближает такую интерпретацию с феноменом аудитории. Формирование публичной сферы предполагает стирание четких границ между сообществом, аудиторией и органами власти.

---

¹⁵³ *López-Cepeda A.-M., Lopez-Golan M., Rodríguez-Castro M. (2019) Participatory audiences in the European public service media: Content production and copyright. Comunicar // https://www.researchgate.net/publication/332903070_Participatory_audiences_in_the_European_public_service_media_Content_production_and_copyright*

¹⁵⁴ *Livingstone S. (2013) The participation paradigm in audience research. Communication Review. 16: 1-2, 21-30.*

Проблема исследования аудитории заключается в отсутствии общего понимания этого термина, который включает в себя интерпретации аудитории как коллективного образования, совокупности отдельных потребителей информации и индивидуализированных, но не отдельных участников коммуникации¹⁵⁵. Разумеется, это слабо способствует разграничению феномена аудитории с довольно противоречиво понимаемым сообществом.

Отличается аудитория и от публики. В классическом понимании публика представляет собой более активное, субъектное коллективное образование, в то время как аудитория обычно объективирована. Для научного дискурса также характерно более возвышенное понимание публики. Отмечается, что «если «публика» часто понимается нормативно – усилиями философии, политической теории, философии культуры, то «аудитория» часто понимается коммерчески, либо на нее проецируются прекраснотворные представления теоретиков культурных исследований»¹⁵⁶.

Выделяют два значительных подхода к концептуализации аудитории: бихевиоральную парадигму и марксистскую парадигму «инкорпорации / сопротивления». С точки зрения бихевиоралистов аудитория понимается либо как объект влияния средств коммуникации, либо как субъект использования средств коммуникации для удовлетворения собственных потребностей. Парадигма «инкорпорации / сопротивления» делает акцент на степени сопротивления аудитории или ее включения в медиатексты. Б. Лонгхёрст также выделяет парадигму «спектакля / перформанса», которая обращает внимание на динамику аудитории и эволюцию её концептуализации¹⁵⁷.

---

¹⁵⁵ *Ibid.*

¹⁵⁶ Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. с. 28.

¹⁵⁷ *Longhurst B., Bagnall G., Savage M.* (2004) Audiences, museums and the English middle class. In: *Museum and society*, Jul. №2 (2). P. 105.

Б. Лонгхёрст и Н. Аберкромби выделяет три типа аудитории: простую, массовую, рассеянную. Простая аудитория (аудитория в театре или на стадионе) предполагает локализованную прямую ритуализированную коммуникацию между коммуникатором и реципиентами в ограниченном пространстве. Для простой аудитории характерны четкие границы между аудиторией и коммуникатором и высокий уровень внимания к коммуникатору. Типичной массовой аудиторией является телевизионная. Для неё характерна опосредованная коммуникация, снижающая её ритуализацию и привносящая процесс восприятия в поле повседневности. Аудитория находится на «своей» территории, а происходящее может по времени «опаздывать» к аудитории, информация может быть повторена, что в комплексе снижает её ценность. Церемониальность просмотров может варьироваться, но, как правило, существенно уступает простой аудитории. Рассеянная аудитория распространена в современном обществе и характеризуется тем, что функционирование в качестве участника аудитории больше не является для него значимым событием. Коммуникация полностью поглощается повседневностью, а ритуализация сходит на нет. Границы между коммуникатором и аудиторией размываются, а посредники между ними практически исчезают. Человек постоянно является частью каких-то аудиторий, почти бессознательно меняя их¹⁵⁸.

Если переносить логику Лонгхёрста на коммуникацию в сообществах, хотя дистанция кажется почти преодоленной, именно её наличие и есть ключевое отличие аудитории от сообщества. Однако на примере социальных сетей характерно и формирование лиминальных феноменов, когда огромное количество людей имеют однократные высказывания в сообществах, на которые они подписаны. Безусловно, такое разовое участие не делает их полноценными участниками сообществ, хотя и оказывает влияние на формирование дискурса этого со-

---

¹⁵⁸ Livingstone, S. (2013) The participation paradigm in audience research. *Communication Review*. 16: 1-2. pp. 21-30.

общества. Эти люди, не создавая возможности для постоянных участников сообщества «узнавать» их, тем самым формируют в сообществе обобщенные представления о «своих» и «чужих».

Лонгхёрст правомерно указывает на важность места участия в коммуникации. Если для классических виртуальных сообществ характерно вхождение в виртуальную локацию – вход на сайт сообщества – то социальные сети формируют иной принцип участия – концентрацию коммуникации вокруг индивида, что вполне соответствует концепции Уэллмана. Отличие социальных сетей от одиночных сайтов в том, что характерные для них ленты новостей являются крайне подвижным пространством – скорее течением, чем местом. Поэтому логика коммуникации в социальных сетях детерминирует его участие как части диффузной аудитории, а не как участника виртуального сообщества.

Повседневность электронной коммуникации оказывает влияние и на коммуникацию внутри сообществ. Присутствие в сообществе также, как правило, больше не является особым событием, требующем подготовки. Магия виртуальности, характерная для Интернета вплоть до конца 1990-х гг. больше не является характерной для интернет-коммуникации.

Хотя аудитория не представлена в виртуальных сообществах, (если исключить такие параметры как регистрация в сообществе или подписка на него, фиксация просмотров и даже чуть более активные параметры – лайки и даже репосты на персональную страничку для частного обсуждения со своими друзьями), нельзя характеризовать её как абсолютно пассивную. Любая аудитория связана с определенной активностью, предполагающей, как минимум, активное потребление информационного продукта и рефлексии на эту тему.

В то же время аудитория в силу своих традиционных объектных коннотаций рассматривается как гораздо более управляемый актор коммуникации, нежели сообщество. Поэтому формирование публичной сферы связано в первую очередь с конструированием нового типа

аудитории (например, партисипативной). Объектность как пассивность заменяется объектностью как просьюмерингом – участием аудитории в производстве затребованного контента.

Поскольку полуприватные сообщества ставят перед собой собственные цели, которые далеко не всегда могут соответствовать не только общественным запросам, но и «общему благу» в целом, с точки зрения развития публичной сферы необходима трансформация феномена сообщества, что и отражается в его радикальной реконцептуализации. Но как мы уже отмечали, подобная реконцептуализация не является оторванной от практики: уже сейчас социальные сети формируют новый тип социальных групп – сообщества-аудитории.

2.4. Эхо-камеры: виртуальные сообщества и постправда

Тема виртуальных сообществ долгое время воспринималась как предмет затейливых дискуссий футурологов, социологов, антропологов, но не имела прямого отношения к реальному политическому процессу. Некоторое исключение составляли технооптимистские работы, возвещавшие роль виртуальных сообществ как фундамента прямой демократии в Интернете, но рассматривавшиеся в целом достаточно скептически.

С ростом значения Интернета, интеграции в него политических институтов и актуализации киберсреды как фактора формирования не группового, а общественного мнения, отношение к рассмотрению интернет-коммуникации в целом и роли виртуальных сообществ в ней стало меняться. Появились работы, которые стали принимать во внимание ранее игнорируемые факторы идеологической гомогенности виртуальных сообществ. В короткое время возник новый вокабуляр, отражавший суть этой проблемы: идеологическая сегрегация, публичные сферикулы, эхо-камеры, пузыри фильтров. Этот факт нашёл отражение и в киберкультуре, где сформировалось представление о маня-мирке. Все эти новые термины в той или иной степени отражали одну

и ту же проблему – однородность политического дискурса в потреблении коммуникации для отдельных групп людей.

Если технооптимисты указывали на свободу выбора контента пользователем как важную ценность Интернета, то скептики, которые разрабатывали разнообразные концепции «эхо-камер», задались другим вопросом: а что если, руководствуясь этой свободой, пользователи сознательно или бессознательно будут делать неправильный выбор? Что если плюрализация медиа в контексте сегментированной природы Интернета скорее проблема, чем решение?

Интернет и его границы

Еще в 1998 году К. Хилл и Дж. Хьюз, основываясь на анализе интернет-форумов, пришли к выводу, что онлайн-коммуникация используется людьми, чтобы укрепить убеждения, которые они уже развили до того¹⁵⁹. Фактором, определяющим склонность к подтверждению своей точки зрения (*confirmation bias*), является плюрализация медиапространства и дробление публичной сферы.

Т. Гитлин вводит понятие «публичных сферикул» (*sphericules*) – публичных «шариков» (в сравнении с большой публичной сферой) или же «публичных коконов»¹⁶⁰. Гитлин обозначает плюрализм медиа и индивидуализацию их потребления через следующую метафору «при падении публичная сфера превратилась в шарики, похожие на ртуть»¹⁶¹. В наибольшей степени дробление медиапространства характерно для Интернета, где формирование отдельных сегментов не прекращается.

Если Гитлин и теоретики *confirmation bias* делали акцент на психологических факторах формирования сегментированного коллективного сознания, которые были характерны для каждого индивида самого по себе, то в дальнейшем появились концепции, связанные с внешними факторами сегментизации публичной сферы.

¹⁵⁹ Hill K. A., Hughes J. E. (1998) Cyberpolitics: Citizen activism in the age of the internet. Lanham: Rowman, Littlefield Publishers. P. 72.

¹⁶⁰ Маккуайп С. Медийный город : медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014.

¹⁶¹ Gitlin T. (1998) Public sphere or public sphericules?, in Tamar Liebes and James Curran (eds) Media, Ritual and Identity, London and New York: Routledge. P. 173.

Сам феномен субъективного избирательного подхода среди пользователей сети Интернет связан с категорией «пузыри фильтров» (или «пузыри собственного предпочтения», «стены фильтров»).

Термин «пузырь фильтров» был введен Э. Пэрайзером, который обозначил с его помощью игнорирование нетипичной информации и постоянное обращение к той, которая усиливает предпочитаемый потребителями контента нарратив¹⁶². В первую очередь описываемое игнорирование обусловлено технологически опосредованной фильтрацией и связано с работой алгоритмов поисковых машин, которые стараются предугадать предпочтения. Пэрайзер так объясняет работу фильтрации: «система адаптирует результаты поиска и выводит ссылки, на которые, по ее прогнозу, вы с большей вероятностью кликнете»¹⁶³. Решения, которые принимаются поисковыми машинами при простом поисковом запросе, касаются не только ранжирования вариантов ссылок, но и даже количества этих вариантов для разных людей. Пэрайзер приводит пример в 180 миллионов и 139 миллионов ссылок по одинаковому поисковому запросу «Google» для двух не очень разных по своему социальному положению и месту проживания людей.¹⁶⁴ Аналогичным образом регулируется лента новостей в «Facebook», который сам решает, что скорее всего будет интересно пользователям, а что – нет. Индивидуализация контента, персональный «таргетинг» такого рода создают индивидуальные коммуникативные пространства, в которых в целях нашего же комфорта происходит исключение не гармоничного контента.

Отметим, что это меняет отношение и к идее Б. Уэллмана с его «персональными сообществами», поскольку теперь принцип формирования подобных «сообществ» будет осуществляться хоть и с учетом мнения пользователя, но не по его воле. Уэллмановские сооб-

---

¹⁶² Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? Пер. с англ. А. Ширикова. М.: «Альпина Бизнес Букс». 2012.

¹⁶³ Паризер Э. Там же, С.12.

¹⁶⁴ Паризер Э. Там же.

щества формируются посредством использования коллаборативной фильтрации, которая также сводит людей на основании обнаруженных общих интересов, тем самым не только анализируя их прошлое, но и в значительной степени определяя будущее.

«Виртуальность» таких сообществ, однако, вызывает вопросы. Дело в том, что и «Google» и «Facebook» при анализе будут учитывать массу не виртуальных исходных данных о пользователе – таких, как, например, его местоположение. Более того, деанонимизация становится подспудной целью многих структур, изучающих пользователей в сети Интернет, старательно сопоставляя одну репрезентацию пользователя с другой, чтобы выявить того, кто на самом деле стоит за интернет-личиною.

Обычно сочетание слов «Интернет» и «фильтр» ассоциируются с «Золотым щитом» («Великим китайским файерволлом») и политической цензурой, которая подвергается системной критике в западных медиа. Однако ничуть не меньшее влияние начинает оказывать комфортное удушье «пузырей фильтров» в коммерчески ориентированных социальных сетях, поисковиках и на одиночных сайтах. Общество потребления в очередной раз оказывается не менее последовательным и гораздо более изощренным угнетателем идеалов свободы, чем критикуемые автократии.

Если исследования пузырей фильтров и публичных сферикул связаны с политикой не напрямую, то исследования, связанные с идеологической сегрегацией в Интернете, делают акцент именно на формировании политического сознания. К. Санстайн отметил, что онлайн-маршрутизация связана с идеологической предрасположенностью, которая предполагает потребление однородных новостей¹⁶⁵. Исследование Санстайна подтолкнуло ряд ученых к анализу явлений, связанных с идеологической сегрегацией, эхо-камерами в сети Интернет и *гомофилией*, т. е. стремлением к коммуникации с людьми со

---

¹⁶⁵ Sunstein C. R. (2001) Republic.com. Princeton. N.J.: Princeton University Press.

схожей точкой зрения¹⁶⁶. Акцент исследований сместился из сферы отношений медиа и аудиторий к анализу формирования идеологически гомогенных сообществ.

Коллективным феноменом, являющимся одновременно и продуктом и фактором идеологической сегрегации, становится эхо-камера. Эхо-камера представляет собой замкнутое сообщество, члены которого объединены общностью интересов, позиций, взглядов по важным для них вопросам. Сам феномен возникает при наличии двух компонентов: мнения, разделяемого пользователем, и «камеры», т. е. окружения пользователя (сообщества, сети), позволяющего его мнению «отозваться», вернуться к нему подобно эффекту эхо¹⁶⁷.

Эхо-камера – пространство единомыслия, в котором в отличие от публичной сферы дискуссии не носят принципиального и тем более конфронтационного характера, а коммуникация в целом направлена на поддержание устоявшихся в сообществе представлений. Эхо-камеры являются одним из наиболее ярких примеров политики постправды, поскольку сами стремятся к ограничению фактов действительности и игнорированию «невыгодных» фактов и аргументов. Эхо-камеры не только обеспечивают устойчивость политических взглядов, но и способствуют их радикализации за счёт усиления чувства сопричастности.

Хотя вопрос о природе эхо-камер является открытым, как минимум отчасти действия людей, объединяющихся в эхо-камеры, обуславливаются тем, что К. Санстейн называет «естественной тенденцией» в плане отбора информации¹⁶⁸. Избегая когнитивного диссонанса люди не только стремятся к выбору «подходящих» информационных кана-

---

¹⁶⁶ *Boutyline A., Willer, R.* (2015) The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. Stanford University // URL: <https://www.ocf.berkeley.edu/~andrei/downloads/echo.pdf>

¹⁶⁷ *Garimella K., De Francisci Morales G., Gionis A., Mathioudakis M.* (2018) Political Discourse on Social Media: Echo Chambers, Gatekeepers, and the Price of Bipartisanship. In Proceedings of the 2018 World Wide Web Conference: WWW '18 (pp. 913-922). Geneva: International World Wide Web Conferences Steering Committee. P. 913.

¹⁶⁸ *Sunstein C. R.* (2009) Republic.com 2.0. Princeton: Princeton University Press. P. 57.

лов, о чем пишет Санстейн, но также готовы исключать из дискуссии тех собеседников, которые выражают непривычные для них взгляды. Местом бегства из некомфортной публичной сферы, которая представляет среду агонистического конфликта, и становится эхо-камера. Гомогенность эхо-камеры достигается её намеренным исключением из коммуникативного и дискурсивного пространства общей публичной сферы. Поэтому для эхо-камер характерны как свои ценности, стереотипы и идеологические установки, так и своя повестка дня, дискурс, манера интерпретации событий.

Если на первый взгляд противопоставление моделей «публичная сфера» и «эхо-камера» выглядит достаточно простым с точки зрения концептуализации современных проблем решением, то добавление в этот ряд такого концепта как публичные контрсферы, делает ситуацию уже достаточно сложной как в контексте деидеализации публичной сферы, так и в плане сопоставления контрсфер и эхо-камер.

Сам факт существования контрпубличных сфер показывает, что публичная сфера сама по себе является большой эхо-камерой, которая отличается от декларируемых эхо-камер, в основном тем, что она конвенциональна. Наличие в публичной сфере агонистических дискуссий по правилам игры, способствующим воспроизводству только одной рациональности, а также господство определенной повестки дня, дискурса, ценностей и т. п. не убеждает в наличии принципиальных различий этих феноменов. Поэтому в каком-то смысле «эхо-камера», так же как и постправда, является маркером, а не сутью явления. Как и постправда, эхо-камера – это препятствие на пути установления доминирования проекта публичной сферы.

На первый взгляд, различие между контрсферой и эхо-камерой заключается в функциях этих групп. Цель контрсферы – такое влияние на публичную сферу, которое позволило бы «пробить брешь»¹⁶⁹ в её

---

¹⁶⁹ Бодрунова С. С. Концепция публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 1(54). С. 110-132

дискурсе. Контрсферы служат эмансипации, борьбе с дискриминацией и созданию собственного дискурса. Эхо-камеры, напротив, «убегают» от публичной сферы, игнорируют её, изолируются от общего дискурса. Соответственно, и целями эхо-камер являются радикализация, поляризация и т. п. Однако очевидно, что функции фиксируют лишь современный расклад политических сил в отдельных странах, и при определенных обстоятельствах, «контрсферы» и «эхо-камеры» могут поменяться местами. Что касается противопоставления эмансипации и радикализма, то речь идет уже о сугубо идеологических ярлыках, которые было бы некорректно фиксировать в чисто коммуникационном феномене. Противопоставление «контрпубличных сфер» и «эхо-камер» в таком ключе («контрпубличная сфера» – за «хороших»; «эхо-камера» – за «плохих»), которое в целом прослеживается в научном дискурсе¹⁷⁰, неверно даже с конвенциональных аксиологических позиций, т. к. и контрпубличные сферы могут отстаивать *антиэгалитарные ценности*¹⁷¹. Контрпубличные сферы могут представлять из себя такие же эхо-камеры, только еще более агрессивные за счет активных внешних интервенций.

Ещё одним концептом, описывающим явление гомофилии, являются «безопасные пространства». Понятие «безопасного пространства» обозначает гомогенные сообщества, самоисключённые из публичной сферы, для которых менее свойственна рациональная дискуссия. «Безопасные пространства» становятся сообществами с общим опытом, как правило, предполагающим ситуации с дискриминацией или насилием. Для многих пользователей сети такие сообщества – возможность поделиться собственной болью с другими и почувствовать солидарность. «Безопасные пространства» также представляют собой

---

¹⁷⁰ См., напр.: Lee P.S.N., So C.Y.K., Lee F., Leung L., Chan M. (2018) Social media and political partisanship – A subaltern public sphere's role in democracy, *Telematics and Informatics*, Volume 35, Issue 7. P. 1949-1957.

¹⁷¹ Fraser N. (1990) Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Social Text*. No. 25/26. P. 56-80.

намеренную сферу исключения «других», способных нанести вред своими словами участникам сообщества.

Научный дискурс стремится легитимировать «безопасные пространства»: «политика безопасного пространства направлена на предотвращение маргинализации голосов, которые уже пострадали от доминирующих властных отношений. Это может быть реализовано посредством строгой политики недопустимости «разжигания ненависти» или других дискуссий, которые могут подорвать политический проект, предполагаемый в пространстве сообщества»¹⁷². «Безопасные пространства» очень жёстко модерируются с целью исключить травмирующие темы, несоблюдение стандартов речи, любое проявление «невежества».

В первую очередь такие сообщества являются сообщества поддержки и психологической помощи. Но в то же время такие места становятся полем деятельности «борцов за социальную справедливость» (*social justice warrior*) – как уничижительно называют в Интернете наиболее агрессивных активистов подобных сообществ, выражающих свою точку зрения за пределами автономных коммьюнити.

Несмотря на указанный выше факт, связанный с ангажированностью некоторых активистов «безопасных пространств», обычно в научном дискурсе этот термин используется с положительными коннотациями, чего нельзя сказать об эхо-камерах, несмотря на то, что и те, и другие сообщества используют «аффективное доверие»¹⁷³.

Хотя и «безопасные пространства», и эхо-камеры обозначают достаточно схожие в коммуникативном смысле феномены, в плане политического дискурса они представляют собой чуть ли не полярные категории, поскольку первые используются для маркирования сообществ «реальных жертв», в то время как зачастую (в американской практике)

---

¹⁷² Gibson A. (2019) Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces. *Social Media + Society*. <https://doi.org/10.1177/2056305119832588>

¹⁷³ Harsin J. (2017) Trump l'Œil: Is Trump's Post-truth Communication Translatable? *Contemporary French and Francophone Studies*, 21(5). pp. 512–522.

вторые – для доминирующего класса, который «пытается себя выставить жертвой». Так или иначе, оба типа сообществ очевидно отличаются и от публичной сферы и даже контрпубличных сфер, которые также представляют собой открытые площадки, заинтересованные в перенесении собственного дискурса в другие сообщества.

Эпистемологические сообщества и постправда: пузыри фильтров и эхо-камеры

В то же время не менее актуален вопрос и о том, не является ли эхо-камера в целом концептуальным фантомом или мифом?¹⁷⁴

Эмпирические исследования эхо-камер показывают крайне спорные результаты. Т. Кобаяши и К. Икеда, рассматривая проблему фрагментации как фактора толерантности в американском и японском обществах, делают вывод о том, что «боязнь раздробленного общества из-за избирательности в использовании Интернета представляется эмпирически необоснованной¹⁷⁵. У. Даттон также говорит о том, что эмпирические факты не подтверждают распространенности феномена эхо-камер¹⁷⁶. В исследовании М. Виеринга, посвященном идеологической гомофилии в голландском «Твиттере», группа исследователей пришла к подтверждающему доводу Санстейна выводу, что эхо-камеры – сознательный выбор пользователей¹⁷⁷.

Противоречивость данных может быть обусловлена целым рядом причин (например, разнообразием страновых кейсов, в которых феномен может проявляться с разной интенсивностью), но основной представляется концептуальная неточность большинства исследователей.

---

¹⁷⁴ *Dubois E.* The Myth Of The Echo Chamber // URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/blog/the-myth-of-the-echo-chamber/>

¹⁷⁵ *Kobayashi. T., Ikeda, K.* (2009) Selective Exposure in Political Web Browsing, *Information, Communication & Society*, 12:6. P. 930.

¹⁷⁶ *Dutton W. H., Reisdorf B., Dubois E., Blank G.* (2017) Search and Politics: The Uses and Impacts of Search in Britain, France, Germany, Italy, Poland, Spain, and the United States (Working Paper No. 5-1-17). P. 9

¹⁷⁷ *Wieringa M., van Geenen D., Schäfer M.T., Gorzeman L.* (2018) Political topic-communities and their framing practices in the Dutch Twittersphere. *Internet Policy Review* 7 (2).

Так профессор философии Университета Юты С. Нгуйен обращает внимание на то, что во многих исследованиях понятия эхо-камеры и пузыря фильтров смешиваются, а выводы, которые делают исследователи в связи с этим, далеко не всегда релевантны. Чтобы четко разграничить феномены он использует понятие эпистемологического пузыря, который и сравнивает с эхо-камерой¹⁷⁸. И эпистемологический пузырь, и эхо-камера вводят своих членов в заблуждение, являются структурами исключения и усиливают идеологические разделение. Но они различны по своему происхождению, механизмам работы и «способам лечения». Термин «эхо-камера» в целом ряде исследований был сокращен до синонима пузыря фильтров и их ограниченного информационного потока. Если эпистемологический пузырь представляет собой описывающую социальную реальность структуру, в которой определенные точки зрения исключены, в т.ч., не умышленно, то в эхо-камере альтернативные точки зрения исключаются активно и дискредитируются.

Эпистемологические пузыри формируются как в результате «избирательного воздействия» – тенденции поиска единомышленников субъектом коммуникации, так и в результате систематической цензуры (как государственной, так и редакционной). В этом смысле эпистемологические пузыри представляют собой более широкое понятие, чем пэрайзеровские «пузыри фильтров». Эпистемологические пузыри могут практиковать и исключение информации, обусловленное технологией (пузыри фильтров), и любые нетехнологические процессы отбора (например, персональный выбор друзей-единомышленников). При этом в целом эпистемологические пузыри не являются системой дискредитации альтернативного мнения, а в силу этого они достаточно хрупки.

Эхо-камера представляет собой замкнутую группу, способствующую усилению внутригруппового мнения в условиях изоляции от опровержения. При этом эхо-камера не обязательно существует в условиях

¹⁷⁸

Nguyen C. (n.d.). *Echo Chambers And Epistemic Bubbles*. *Episteme*, 1-21.

вакуума в плане альтернативной информации, т. е. не является эпистемологическим пузырем.

Существует ещё несколько оснований, чтобы различать «пузыри» и эхо-камеры. В эпистемологических пузырях отсутствует доступ к определенной информации и аргументам, в то время как в эхо-камерах отсутствует доверие в отношении всех внешних источников, а доверие к аргументации основывается только на легитимных внутренних источниках. В эпистемологических пузырях не слышны альтернативные точки зрения, в то время как в эхо-камерах любые альтернативные точки зрения подвергаются тотальной и жесткой критике. Если пузыри фильтров могут возникать самопроизвольно под влиянием в т.ч. психологических факторов, то эхо-камеры, как правило, являются целенаправленным конструктом, созданным для того, чтобы поддерживать определенную функцию. В связи с этим эхо-камеры более эффективны, чем эпистемологические пузыри, в сопротивлении доказательствам со стороны идеологических оппонентов.

Новая информация может разрушить эпистемологический пузырь, в то время как в случае с эхо-камерой более вероятен обратный эффект – сопротивление новой информации лишь сплотит сообщество. В связи с этим разрушение эхо-камеры представляет собой крайне сложную технологическую проблему, поскольку выход индивида из эхо-камеры требует перестройки его отношений с эпистемологическим прошлым и смены системы убеждений.

Специфика эхо-камеры как эпистемологического сообщества заключается в том, что она создает значительное неравенство в доверии между членами и нечленами сообщества. Неравенство достигается путем исключения нечленов сообщества посредством эпистемологической дискредитации на фоне расширения эпистемологических прав сторонников. Эхо-камеры предполагают конвенционализм внутри данного сообщества в отношении более или менее очерченного набора убеждений и ценностей. Этот конвенционализм является необходи-

мым условием для членства в эхо-камере. Нгуйен называет отношение доверия к оппонентам и сторонникам в эхо-камерах «эпистемологической дискредитацией» и «эпистемологическим усилением полномочий»¹⁷⁹.

Таким образом, ситуация с исследованием эхо-камер требует точности. Отрицание феномена эхо-камер связано, как правило, с пониманием эхо-камер как пузырей фильтров. И доказательство того, что большинство людей потребляют широчайший спектр медиа, включающий разнообразные политические взгляды, выдается за доказательство отсутствия эхо-камер¹⁸⁰. При этом гораздо более релевантная проблема – проблема доверия в эхо-камерах – попросту не рассматривается. Вне исследовательского поля оказываются и проблемы управления контентом сообществ.

Разумеется, даже столь хорошо прописанные критерии различения эпистемологических пузырей и эхо-камер не решают политизированного вопроса о соотношении эхо-камер с публичной сферой или «безопасными местами». Как нам представляется, проблема эхо-камер заложена традицией противопоставления общества (*gesellschaft*) сообществу (*gemeinschaft*), публичного приватному, конвенционального и маргинального, а в западных странах в последние годы она также подогревается растущей поляризацией, которая очевидна по результатам выборов последних лет, где достаточно больших успехов достигают силы, маркируемые как «популистские».

Возвращаясь к теме виртуальных сообществ, отметим, что сообщества в классическом их понимании априори демонстрируют некоторые качества, характерные для «эхо-камер». Калпокас отмечает, что любое сообщество, в андерсоновском смысле, должно быть воображаемым, а следовательно в каком-то смысле постправдивым¹⁸¹.

¹⁷⁹ *Nguyen C.* (n.d.). Echo Chambers And Epistemic Bubbles. *Episteme*. P. 6-7.

¹⁸⁰ *Nelson J. L., Webster J. G.* (2017) The Myth of Partisan Selective Exposure: A Portrait of the Online Political News Audience. *Social Media + Society*, July–September: 1–13: p. 2. Цит. по: *Nguyen C.* (n.d.). Echo Chambers And Epistemic Bubbles. *Episteme*. P.13.

¹⁸¹ *Kalpokas I.* (2018) A Political Theory of Post-Truth. Springer. P. 91.

Понятие сообщества (*gemeinschaft*) не имело обыкновения трактоваться ни как поле политической борьбы, ни как динамичное демократическое пространство. Э. Дюркгейм, говоря о взаимосвязи политического сообщества и религии, выделял в качестве важного интегративного элемента сообщества общую и обязательную для каждого члена сообщества систему верований¹⁸², в чем некоторые авторы усматривают авторитарную природу сообществ¹⁸³. Однако при этом необходимо учитывать добровольность такой «авторитарной» природы – Б. В. Сазонов и Е. А. Богомолова отмечают, что сообщество в отличие от общества не обладает механизмами прямого принуждения¹⁸⁴.

Хотя в научном дискурсе наметилась тенденция различать сообщества и эхо-камеры, служащие своего рода концептуальным пугалом, достигается это смещением содержания концепта «сообщество» в сторону персональной сети и публичного феномена.

В то же время нельзя не видеть и определенной угрозы для общественной стабильности, исходящей от части виртуальных сообществ или «эхо-камер». В первую очередь речь идет о феномене негативных сообществ.

Термин негативных сообществ использовался Ж. Батаем и М. Бланшо¹⁸⁵. Подобный феномен основывается не на принадлежности и даже не на каких-то специфических общих взглядах, выраженных в требованиях (как замечает Дж. Агамбен, «свобода» и «демократия» являются слишком общими категориями, чтобы считаться общими требованиями), а на протесте¹⁸⁶. Подобные

¹⁸² Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Социология / Перевод А.Б. Гофмана. М: Канон. 1995. С. 276.

¹⁸³ Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Социология / Перевод А.Б. Гофмана. М: Канон. 1995. С. 276. Цит. по: Кончаковский Р. В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.06; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. Екатеринбург, 2010. 176 с. С. 14.

¹⁸⁴ Сазонов Б. В., Богомолова Е. А. Виртуальные самоуправляющиеся сообщества. Социальные коммуникации в новой информационной среде // Труды института системного анализа РАН, Т.26, 2006. С. 60. Цит. по: Кончаковский Р. В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.06; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. Екатеринбург, 2010. С. 14.

¹⁸⁵ Бланшо М. Неописуемое сообщество // URL: <http://lib.ru/INPROZ/BLANSHO/soobshestwo.txt>

¹⁸⁶ Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с ит. Дм. Новикова. М.: Три квадрата, 2008. 144 с. С. 77.

сообщества не выступают за конструктивную повестку дня и не предлагают своего решения вопроса, а потому имеют потенциал со временем становиться сообществами ненависти, которые могут угрожать общественной безопасности в реальном мире¹⁸⁷.

Негативные сообщества основываются на негативной идентификации, дистанцировании, отталкивании – от властей, народа, доминирующих групп¹⁸⁸.

Негативные сообщества часто являются сообществами, связанными с эмоправдой. При этом критики феномена постправды занимают ценностную позицию, осуждающие подобные объединения людей¹⁸⁹. Причиной формирования таких сообществ является виктимизация и желание компенсировать негативные эмоции агрессией в отношении внешнего субъекта, ответственного за виктимизацию.

Автономное сообщество, объединённое агрессией в отношении внешнего мира, демонстрирует двойную виртуальность – единство через виртуальный мир, с одной стороны, и отсутствие каких-либо причин быть вместе, кроме негатива – с другой. Калпокас отмечает парадоксальность медиатизированных сообществ постправды. С одной стороны, они могут быть слабо связаны, и их общность весьма ограничена, а с другой стороны, медиа позволяют создавать более прочные отношения на расстоянии, чем когда-либо прежде¹⁹⁰. Даже конструктивные виртуальные сообщества, формируемые на основе всего лишь одного общего интереса, способны перерасти в социальные движения, демонстрируя очевидный политический потенциал¹⁹¹.

---

¹⁸⁷ Johnson N.F., Leahy R., Restrepo N.J. et al. (2019) Hidden resilience and adaptive dynamics of the global online hate ecology. *Nature* 573, pp. 261–265.

¹⁸⁸ Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7-79.

¹⁸⁹ См., напр.: Jenkins S. (2017) Post-truth Politics Will Be Debunked by Online Facts. *The Guardian*. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/26/post-truth-politics-online-facts-donald-trump-lies>. pp. 201–203.

¹⁹⁰ Kalpokas I. (2018) *A Political Theory of Post-Truth*. Springer. P. 103.

¹⁹¹ См., напр: Мартыанов Д.С. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере "зеленых" и пиратов) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 2 (22). С. 20-31.

Почти шмиттовская ориентация на внешнего врага имеет свои практические проявления, которые часто обсуждаются в прессе. Само возникновение термина «воины за социальную справедливость» связана с агрессивной кампанией #GamerGate в 2014 году, ставшей примером разлома между сторонниками политкорректности и «классическими геймерами», оказавшимися сторонниками традиционных ценностей.

Особый интерес в связи с этим представляет феномен «набегов». «Набеги» представляют собой акции характерные для сплоченных интернет-групп и участников гомогенных виртуальных сообществ (прежде всего, эхо-камер), координировано осуществляемые на «чужой» территории – как правило, в сообществе оппонентов этой эхо-камеры. Такие «набеги» могут осуществляться как в шуточной форме и не предполагать агрессивных действий, так и в агрессивной форме, когда целью является акция устрашения оппонентов.

Классическим примером кибернабега является акция участников имиджборда /b в 2003 году, когда по договорённости в своём сообществе множество пользователей создали одинаковых персонажей в онлайн-игре «Nabo Hotel» в виде чернокожего с пышной шевелюрой и буквально оккупировали всё пространство игры, а затем выстроились в форме свастики.

Подобные кибернабеги сейчас имеют более конкретную направленность и играют более существенную роль в политической борьбе. Известны случаи, когда участники политически некорректной имиджборды 4chan (/ pol /) устраивали организованные кампании, для нарушения работы других виртуальных сообществ, набегов на видеохостинг «YouTube», с целью публикации вала оскорбительных комментариев за короткий промежуток времени¹⁹².

---

¹⁹² Zannettou S., Bradlyn B., De Cristofaro E., Kwak H., Sirivianos M., Stringini G. , Blackburn J. (2018) What is Gab: A Bastion of Free Speech or an Alt-Right Echo Chamber, Companion Proceedings of the The Web Conference. April 23-27, 2018, Lyon, France.

Периферийные сообщества

Если первые виртуальные сообщества, характерные для раннего Интернета, создавались в условиях сетевого фронта – виртуального аналога «дикого Запада», который жил по своим собственным законам, то современные онлайн-комьюнити функционируют в условиях управляемой сети. Социальные сети активно модеруют любой контент, создаваемый внутри них.

Управление коммуникацией на ресурсах Веб 2.0, таких как «Facebook», «Twitter» и др., приводит к тому, что запрет отдельных сообществ и санкции против высказываний отдельных пользователей приводят к тому, что на этих ресурсах оказываются запрещенными целый спектр тем и дискурсов. Речь идет, в первую очередь, как об экстремистских сообществах, так и других группах, которые не соответствуют политике, разделяемой руководством этих ресурсов. В результате коммуникация на запрещенные темы смещается с крупных ресурсов в т. н. периферийные (*fringe*) сообщества.

Столкновение между управляемым Интернетом современных мейнстримных социальных сетей и периферийными сетями хорошо иллюстрирует перемены, произошедшие в киберпространстве за последние 20-25 лет. Периферийные сообщества вполне вписываются в популярную в 1990-е годы метафору Интернета как «электронного фронта». Фронт представлял наполненное свободой пространство, где нет четких правил игры, а потому возможно любое высказывание. И если в 1990-е годы подобные метафоры виделись широкими возможностями для становления подлинной и справедливой кибердемократии, то теперь периферийные сообщества воспринимаются как маргинальная среда, в которой нарушаются права, «территория вне закона».

Теоретики постправды видят в периферийных виртуальных сообществах благодатную среду для распространения фейковых новостей и источник, оказывающий неблагоприятное влияние на информационную экосистему Интернета – даже небольшие, но популярные ресурсы вроде 4chan и Reddit способны существенно влиять на коммуникацию мейнстримных ресурсов Веб 2.0 вроде «Twitter».

На фоне падения интереса к «большим» социальным сетям и актуализации тематических ресурсов вопрос о политической и социальной значимости периферийных ресурсов становится крайне важным. Среди классических ресурсов, которые маркируются как периферийные пространства, зарубежные исследователи отмечают имидж-борд 4chan, но наибольший интерес в связи с изучением виртуальных сообществ и постправды представляет появившаяся в августе 2016 года социальная сеть «Gab», которая является аналогом «Twitter». «Gab» позиционирует себя как сеть изгоев и аккумулирует тех пользователей, которые были исключены из других социальных сетей, провозглашая тезис «люди и свобода слова на первом месте». Исследование, проанализировавшее посты пользователей «Gab» за 2016-2018 годы, показало, что «Gab» является пространством обсуждения мировых новостей, привлекающим «альтернативных правых», конспирологов и «других троллей» в более некорректной форме, чем это характерно для «Twitter». В то же время было бы некорректным назвать, что агрессивная и «небезопасная» коммуникация являются доминирующими в «Gab». Анализ показал, что лишь 0,14% постов можно классифицировать как NSFW (*not safe/suitable for work*) – т. е. «небезопасные», невозможные для использования на рабочем месте сообщения (порнографические, с оскорбительной лексикой и «вызывающие отвращение»). Разница в использовании слов, которые были определены как «ненавистнические», в 2,4 раза больше, чем в «Twitter»¹⁹³.

¹⁹³ Zannettou S., Bradlyn B., De Cristofaro E., Kwak H., Sirivianos M., Stringini G., Blackburn J. (2018) What is Gab: A Bastion of Free Speech or an Alt-Right Echo Chamber, Companion Proceedings of the The Web Conference. April 23-27, 2018, Lyon, France.

Центральным отличием периферийных ресурсов является специфика их модерации, а вовсе не идеологическая ориентация пользователей, которая в данном случае все-таки вторична. В то же время «Gab» не является немодерируемым ресурсом. Под запрет в этой сети попадает контент с незаконной порнографией (т. е. легальное порно с ресурса не удаляется), сообщения, способствующие террористическим актам, а также угрозы другим пользователям и публикация персональных данных других пользователей.

Маргинализация подобных медиа ведется разными средствами. Например, компании «Google» и «Apple» в 2017 году отклонили мобильные приложения «Gab» для своих магазинов, однако сам факт кризиса доверия к «большим» социальным сетям иллюстрирует антагонизм эпохи постправды и утрату доверия к мейнстримным каналам коммуникации.

Неовиртуальное пространство

В исследовании 2016 года¹⁹⁴ мы через термин «неовиртуальная реальность» обозначили смену старой виртуальной реальности как культуры маскарада, на технологию маскарада – неовиртуальность. Войны ботов¹⁹⁵, которые изображают из себя реальных людей, отличаются от дискуссий раннего Интернета, в котором сокрытие личности и соблюдение анонимности были факторами, которые позволяли вести свободные дискуссии на политические темы в «своё удовольствие».

Интернет так и не стал институционализированной публичной сферой в эпоху раннего Интернета, но как только появился потенциал для этой институционализации стала заметна технологизация маскарада.

Феномен неовиртуальности – своеобразный приговор виртуальному сообществу. Неовиртуальность не ставит своей целью совместное

---

¹⁹⁴ *Мартьянов Д. С.* Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12, № 1. С. 74–89.

¹⁹⁵ Для западных авторов характерно использование политически ангажированных категорий вроде «тролли» для объяснения коммуникации в эхо-камерах (которые также интерпретируются в основном как пространства взаимодействия «непрогрессивных» сил), что отчасти дискредитирует объективность их объяснительной модели.

действие или выработку совместной точки зрения. Неовиртуальность заточена под пропаганду точки зрения заказчика и вытеснения любой другой. Неовиртуальность превращает виртуальное сообщество либо в жестко конфликтное публичное пространство, наполненное эмоциональными высказываниями с обвинениями «на грани», либо эхо-камеру, которая отсекает всех, кто допускает неконвенциональную модель коммуникативного поведения. Эхо-камера не может оставаться приватной сферой, теперь она лишена возможности быть *gemeinschaft*, в который не вмешиваются внешние акторы. Её приватность делегитимирована в силу её потенциальной политичности. Произошла интересная инверсия – понимание политики как публичности привело к тому, что приватное обсуждение политики становится слабо возможным, требуя включения приватной сферы в политическую. Тотальность, против которой выступала Арендт, поразила реконцептуализатора политики её же оружием, поглотив уже не публичное, а приватное пространство, лишив свободы его. Таким образом, почти вернулся статус-кво – публичное, поглотив приватное, снова объединило их.

Виртуальные сообщества 1990-х гг. были основаны на анонимности как праве конструирования новой репрезентации в атмосфере свободы идентичности, которая больше не была предзадана физическим миром. Для культуры становления виртуальных сообществ это представляется настолько важным аспектом, что он продолжает играть роль и в эпоху доминирования деанонимизирующих социальных сетей, с той лишь разницей, что теперь подозрение в сохранении анонимности посредством конструирования новой репрезентации будет означать «фейковость» персоны, её потенциальную опасность и подо-

гревать дискурс «тролля» как врага¹⁹⁶, который использует виртуальность в своих корыстных целях.

В этом смысле виртуальность становится технологией постправды и в логике доминирующей системы должна быть уничтожена. Интернет-пространство, обуреваемое атмосферой страха и недоверия, требует перехода от моделей управляемости, в которых Интернет самоуправляется к моделям, в которых он управляется легитимными институтами.

Дискурс тролля, критика анонимности вызваны политизацией и секьюритизацией сети. Возникает дискурс страха, модель Другого, чужого, которая становится идеей фикс для гомогенных сообществ.

---

¹⁹⁶ Точных оценок масштаба деятельности ботов нет. По некоторым данным от 9% до 15% учетных записей «Twitter» являются ботами, а «Facebook» оценивает количество ботов этой сети в 60 миллионов. [*Iyengar S., Massey D. S. Scientific communication in a post-truth society. Proc Natl Acad Sci U S A. 2019 Apr 16; 116(16): 7656–7661. Published online 2018 Nov 26. doi: 10.1073/pnas.18058*]. В то же время очевидно, что это явление, преподносимое как политическое, на самом деле имеет гораздо более широкий охват, т. к. коммерческая сфера в ещё большей степени заинтересована в манипуляции с общественным мнением. В 2012 году в пабликах крупных компаний в сети «ВКонтакте» было зафиксировано до 76 % ботов ["ВКонтакте" рассказали о количестве ботов в группах крупных компаний – <https://lenta.ru/news/2012/04/18/brandbots/>].

3.1. Концептуализация феномена управляемости: *governability*, *manageability*, *controllability*

Термин «управляемость» используется во многих науках и учебных дисциплинах и неизменно является объектом живого исследовательского интереса. Первоначально он был употреблен в кибернетике во второй половине XX века, и с тех пор широко применяется в технических науках, а также в управлении, менеджменте, социологии, психологии, педагогике, политологии. В данной главе мы сосредоточимся на концептуализации феномена управляемости в этих отраслях знания, уделяя особое внимание политическим и социологическим исследованиям.

Прежде всего, необходимо отметить многозначность и амбивалентность данного термина. В социо-гуманитарном знании не так уж просто найти понятие, имеющее столь широкий спектр наименований и смысловых значений. В научной литературе часто можно встретить даже различное обозначение термина «управляемость» на английском языке: *governability*, *manageability*, *controllability*. Это не просто различные варианты перевода — в употреблении того или иного термина зачастую заложено смысловое различие. Показать и проанализировать эти различия — наша задача в рамках данной главы.

Прежде всего, следует определить особенности понимания феномена управляемости в зависимости от применяемого термина. Так, *governability* используется в политической науке и относится к государству («государственная управляемость»), тогда как *manageability* используется преимущественно в социально-экономических науках и относится к любым субъектам и объектам управления. Что касается государства, то в контексте *governability* оно может рассматриваться как главный субъект или как один из равнозначных субъектов управления. Управляемость может пониматься как способность государства (государственных органов) эффективно и законно реагировать на запросы

общества: в этом случае государство будет выступать главным субъектом управляемости. В то же время управляемость можно рассматривать как «адаптацию государства к активности самоорганизующегося гражданского общества, которое повышает свою сплоченность и стремится (в отдельных случаях) стать контрвластью для правительства»¹⁹⁷. В последнем значении государство — один из равнозначных субъектов управляемости.

Л. В. Сморгунув определяет государственную управляемость как динамическое состояние, предполагающее открытость государственного управления к реформам, стимулированным задачей формирования и развития динамических способностей государства в сложных и неопределенных средах¹⁹⁸. Он же использует такие термины как «динамическая государственная управляемость», «публичная управляемость» и «партисипаторная управляемость». Под последней понимается «результат сетевой координации взаимодействия, порождающий эффект сотрудничества, а не конкуренции»¹⁹⁹.

Проведенный нами анализ показал, что *governability* означает управляемость на макроуровне (между государством, гражданским обществом и бизнесом в целом), тогда как *manageability* относится к мезо- и микроуровню (организации, институты, общности, группы, контактные аудитории, виртуальные и реальные сообщества). *Controllability* относится скорее к микроуровню, так как зачастую употребляется в значении прямой подконтрольности/контролируемости внутри организации.

Нельзя игнорировать и тот факт, что использование термина *governability* связано с концепцией “*governance*” как горизонтально-

---

¹⁹⁷ Волкова А.В. Управляемость государства в условиях глобализации: проблема формирования публичных ценностей // ПОЛИТЭКС. 2013. Том 9. № 4. С.72.

¹⁹⁸ Сморгунув Л. В. Государство и управляемость в странах БРИКС: постановка проблемы // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 3. С. 95.

¹⁹⁹ Сморгунув Л. В. Партисипаторная управляемость и цифровизация // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2019) [Электронный ресурс] : материалы Двенадцатой междунар. конфер, 1–3 окт. 2019 г., Москва / под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна ; Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова Рос. акад. наук . М.: ИПУ РАН, 2019.

сетевым взаимодействием политических акторов в противовес традиционному администрированию. Общий смысл концепции “governance” состоит в том, что государственное управление утрачивает прежние жесткость, детализированность и регламентированность; оно базируется скорее на горизонтальных, чем на вертикальных связях между правительственными органами, ассоциациями гражданского общества и бизнесом²⁰⁰. Л. В. Сморгунов противопоставляет governance бюрократической иерархии, которая осуществлялась правительствами, бюрократией и парламентами. Новая власть вовлекает в свою орбиту множество акторов, в том числе гражданские ассоциации и разного рода публичные платформы: форумы, семинары, открытые чтения, конференции, советы, общественные палаты, группы мозгового штурма, экспертные сообщества и другие, которые оформляют новое пространство публичности²⁰¹. Часто у исследователей в политических науках можно встретить употребление *governability* практически как синоним публичному управлению и/или новому публичному менеджменту. Как отмечает А. С. Шерстобитов, само слово “governance” в политической науке может применяться в различных значениях: и как «управление», и «правление», и «власть» и «руководство»²⁰².

Что касается управляемости как *controllability*, то нельзя не обратить внимание на «техническое» происхождение термина. В частности он может обозначать управляемость автомобиля, самолета, механизмов и пр. Так, в техническом словаре «управляемость» поясняется на примере судна и под ней подразумевается его способность «...двигаться по заданному курсу и быстро реагировать на изменение положения органа управления (руля)»²⁰³. В аэрокосмической технике управляемость определяется характеристиками устойчивости самолета.

²⁰⁰ Сморгунов Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 87.

²⁰¹ Сморгунов Л. В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть, 2016. №6. С. 10.

²⁰² Шерстобитов А. С. Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 98.

²⁰³ Новый политехнический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 570.

«Управляемость – способность самолета в ответ на действия летчика выполнять маневр, предусмотренный правилами летной эксплуатации»²⁰⁴. Этому определению также соответствует русский термин «маневренность» и английский – «handling». Данный вариант, однако, встречается достаточно редко²⁰⁵.

В технических дисциплинах управляемость чаще всего характеризуется как способность подчиняться управлению, свойство машины реагировать на воздействие рулевого. Кроме того, под управляемостью можно понимать возможность перевода системы управления из одного состояния в другое. Так, например, для линейной системы считается, что состояние $x(t_1)$ является управляемым, если существует такое воздействие $u(t)$, которое переводит начальное состояние $x_0(t_1)$ в конечное состояние $x(t_2)=0$ (начало координат) за конечный интервал времени $t(2) - t(1)$. Если все компоненты вектора состояний системы управляемы, то система называется полностью управляемой, в противном случае – частично управляемой²⁰⁶.

При рассмотрении термина *manageability* необходимо также сделать акцент на экономической сути данного явления. Если исходить из того, что целью действия homo economicus является максимизация полезности, то в этом случае управляемость можно понимать как некую рыночную модель по типу торговой сделки, где каждый участник (субъект управления) пытается максимизировать свою выгоду. Можно провести аналогию управляемости с «невидимой рукой рынка». *Governability* в свою очередь в большей степени делает акцент на «общем благе» субъектов взаимодействия.

---

²⁰⁴ Белоус А.Б. Управляемость фирмы (экономики) и ее характеристики // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 19. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С.33.

²⁰⁵ См., напр.: Дмитриченкова Е.О. Управляемость обществом и организациями как актуальная проблема социологии управления // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. Выпуск № 3 - 4 (июль – декабрь). С.613-619; Куликов В.Г., Рыбалкина З.М. Методика оценки управляемости организации // Технология текстильной промышленности. 2014. № 6 (354) С. 12-15.

²⁰⁶ Ерзнкян Б.А. Теоретико-методологические аспекты управляемости и целостности экономических систем: комментарии ad hoc // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 19. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С.53.

В целом в социально-экономических дисциплинах управляемость представляется весьма многозначным понятием. К примеру А. Б. Белоус анализирует экономику как общественную систему управления, состоящую из четырех иерархических подсистем: технической, менеджеральной, институциональной и социетальной²⁰⁷. В основе этой иерархии лежит схема AGIL американского социолога Т. Парсонса, предполагающая наличие четырех системных функций (адаптация, целедостижение, интеграция, латентное поддержание образца), каждая из которых выполняется соответствующей подсистемой общества²⁰⁸. В этих подсистемах управление и управляемость имеют свою специфику. Так, в технической подсистеме управление предполагает рассмотренное нами в предыдущем пункте воздействие субъекта на объект, а управляемость (controllability) — восприимчивость объекта к управлению, способность ему подчиняться. А. Б. Белоус определяет управляемость в данном смысле как «реакцию, реагирование, отклик, реализуемость, результативность, выполнимость, достижимость, исполнимость, адаптивность, чувствительность, оправданное ожидание, некую детерминацию»²⁰⁹.

Схожее понимание управляемости мы видим и в менеджеральной подсистеме управления. В ней управляемость рассматривается как «существенная качественная характеристика организации управления, в широком смысле чувствительность системы к управляющему воздействию»²¹⁰. Если рассматривать управление как процесс заданных сверху приказов и распоряжений, то управляемость будет ничем иным как их исполнением, что означает отсутствие четких границ между этими управлением и управляемостью. Также как и в технической подси-

---

²⁰⁷ Белоус А.Б. Управляемость как одна из основ экономической науки и практики управления // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки (экономика, право, социология): научный журнал. СПб., 2007. № 9. С.90.

²⁰⁸ Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии. В кн.: Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965.

²⁰⁹ Белоус А.Б. Управляемость фирмы (экономики) и ее характеристики // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 19. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С. 34.

²¹⁰ Управление организацией: Энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. С.731.

стеме, мы наблюдаем активного субъекта (менеджера, руководителя, заказчика, акционера) и непосредственно подчиненного ему объекта (работника, исполнителя). Основной акцент здесь ставится на точном соблюдении всех прямых требований (подчинение) или косвенных требований и принципов (подконтрольность)²¹¹. Важной характеристикой управляемости в данном случае выступает достижение цели управления, а точнее — способность организации достигнуть заданной цели в определенных условиях и соблюсти ограничения в ресурсах. В частности А. И. Пригожин определяет категорию «управляемости» как комплексный интегральный показатель функционирования организации, эффективности управления ею. В этой связи ученый предлагает наиболее общее измерение управляемости в соотношении между целями организации и достигнутыми результатами²¹².

В институциональной подсистеме управление можно определить как создание правил и норм, а управляемость — как их исполнение. В этом смысле он сравнивает управление с 1/3 айсберга, находящегося на поверхности, а управляемость — с 2/3, находящимися под водой и скрытыми от наблюдателя²¹³. Социология также берет за основу установление и поддержание социальных норм, распространяя управляемость не только на конкретные организации, но и общество в целом. Так, М. В. Рубцова определяет управляемость как такое качество субъекта, которое свидетельствует об его способности и готовности к активной поддержке и корректировке социальных норм, а также к активному участию в реализации целей организации, сообщества, общества в целом. Управляемость уже не принадлежит отдельно субъекту, организации или институту, а является качеством их взаимосвязи в це-

---

²¹¹ Рубцова М. В. Характеристика управляемого субъекта в современном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Социология. 2008. №4. С.140.

²¹² Пригожин А. И. Управляемость организацией // Прикладная социология и менеджмент М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 347–368.

²¹³ Белоус А. Б. Методология управляемости и институциональная нестабильность // Российский экономический интернет-журнал. М.: АТиСО, 2007.

лом²¹⁴. Иными словами, управляемость на институциональном уровне – это качество управляющих и управляемых субъектов и связей между ними, позволяющее им организовать общественную жизнь, используя институты управления.

Важно подчеркнуть специфику социологического подхода, который состоит в том, что институциональный феномен управляемости рассматривается как качество всей социальной среды, а не только отдельно взятых объекта и субъекта управления. Важно понимать, как общество и его институты влияют на позицию субъекта по отношению к социальной реальности²¹⁵. Управляемость института зависит от принципов его конструирования, например, прозрачности, соответствия ожиданиям, широте круга установивших и поддерживающих его субъектов. Нарушение принципов делает институт неуправляемым. Таким образом, социология видит критерий управляемости скорее в поддержке норм и принципов, чем целей и планов.

Можно также отметить, что социологический подход к пониманию управляемости отличается комплексностью. С этой позиции содержание категории «управляемость» означает поддержание и освоение социально значимых норм, усложнение процесса управления и качественное преобразование социальной среды²¹⁶.

В свою очередь, социетальная подсистема представлена сферой государственной политики, на уровне которой управляемость понимается как «отношение между управляющей способностью органа управления и сложностью объекта управления»²¹⁷, а по А. В. Тихонову, управляемость – это реальная возможность рационального вмешательства и влияния на процесс в желательном для общества направ-

---

²¹⁴ Рубцова М. В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. 2007. № 12 (декабрь). С. 36.

²¹⁵ Рубцова М. В. Характеристика управляемого субъекта в современном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Социология. 2008. №4. С. 142.

²¹⁶ Зарубин В. Г., Начкин А. И. Управляемость: опыт конструирования социального феномена // Казанский педагогический журнал. 2015. С. 186-190.

²¹⁷ Новый политехнический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 249.

лении²¹⁸. Л. В. Сморгунув подчеркивает акцент на обществе при решении задач управляемости, так как управляемость в социетальной системе достигается не за счет внешних условий, а за счет организации взаимодействия общества, государства и бизнеса²¹⁹. В целом специфику понимания управляемости в подсистемах социального управления можно видеть в Табл. 3.1.

Таблица 3.1 Специфика понимания управляемости в подсистемах социального управления

Подсистемы социального управления	Понимание управляемости
Социетальная подсистема	активное взаимодействие государства и гражданского общества
Институциональная подсистема	поддержание и освоение социально значимых норм
Менеджеральная подсистема	подчинение/подконтрольность
Техническая подсистема	способность реагировать на воздействие

Таким образом, можно наблюдать трансформацию управляемости от простого подчинения или прямой административной подконтрольности объекта субъекту (controllability/handling) к их свободному взаимодействию (manageability) и, в конечном счете, к соучастию и «общему благу» (governability).

Высшим воплощением управляемости как governability выступает партисипаторная управляемость (participatory governability). Заметим имеющиеся различия в словообразовании. Так, Е. А. Шуклина использует термин «партисипаторный» для характеристики исследований, а «партисипативный» – для обозначения управления и культуры определенного типа (например, «партисипативный менеджмент»)²²⁰. В свою очередь Л. В. Сморгунув использует применительно к управляемости

²¹⁸ Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2000. С. 121.

²¹⁹ Сморгунув Л. В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 87.

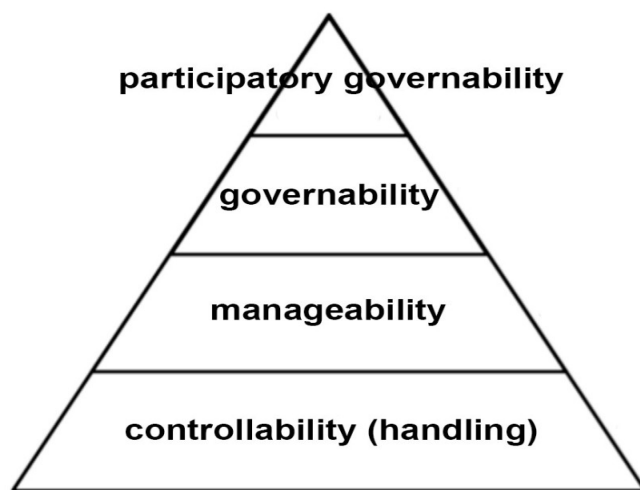
²²⁰ Шуклина Е. А. Партисипаторные исследования: методология, методика, опыт применения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 18.

именно термин «партисипаторная», расставляя следующие смысловые акценты:

1. управляемость как способность государства быть открытым перед обществом для повышения конкурентоспособности в мире;
2. управляемость как постоянная координация государственно-гражданской ответственности за общественные интересы и их удовлетворение в публичном пространстве в процессе разработки и реализации партисипаторной публичной политики;
3. управляемость как предоставление справедливых политических институтов для улучшения качества жизни²²¹.

Иными словами, определение «партисипаторный» придает управляемости направленность на взаимное участие, со-участие, со-творчество, со-исполнение, совместное производство публичной политики. Этот аспект выражается также в концепции «соуправления»²²², «сообщественного управления» или «сообщественной демократии»²²³.

Рис. 3.1. Иерархия подходов к пониманию управляемости

²²¹ Сморгун Л.В. Партисипаторная управляемость и публичная политика // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. проф. Л.В. Смргунова. - СПб.: изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2018. С. 19.

²²² Рубцова М.В. Управляемость во взаимодействии субъектов: традиционные и новые практики // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 48.

²²³ Соловьев А.И. Сообщественное управление: столкновение повесток как политический процесс // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. проф. Л.В. Смргунова. СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. С. 52-64.

Указанную последовательность различных аспектов управляемости можно представить в виде иерархии по возрастающей сложности, относящейся как к объектам и субъектам управляемости, так и специфике взаимосвязи между ними. Иерархия подходов к пониманию управляемости представлена на Рисунке 3.1.

Также можно рассмотреть понятие управляемость в зависимости от уровня/типа общественных отношений, для чего воспользуемся теорией Ф. Тенниса²²⁴. Как известно, немецкий социолог выявил два типа общественных отношений: общность/община (*Gemeinschaft*) и общество (*Gesellschaft*). Они характеризуются в том числе типом связей между людьми в разного рода социальных объединениях: тесные, интимные связи характерны для *Gemeinschaft*, тогда как опосредованные, безличные — для *Gesellschaft*. Применительно к подходам к пониманию управляемости соотношение типов общественных отношений по Ф.Теннису будет таким:

1. *Governability* — *Gesellschaft*. Как уже было сказано, этот вариант понимания управляемости связан со взаимоотношениями государства, гражданского общества и бизнеса на макроуровне.
2. *Manageability* — *Gemeinschaft*. Данное соотношение связано с пониманием общинного характера взаимоотношений между объектом и субъектом управляемости. Особенно рельефно это можно наблюдать при анализе виртуальных сообществ. Мы используем термин *manageability* как более универсальную характеристику управляемости. Кроме того, этот термин представляется нам наиболее общим и нейтральным: в нем нет сосредоточенности на государственном управлении, так же как и на прямой подконтрольности объекта субъекту. Последнее очевидно при рассмотрении взаимоотношений членов виртуального сообщества с его администраторами/модераторами. Они безусловно об-

---

²²⁴ Теннис Ф. Общность и общество / Пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал, 1998. № 3-4. С. 206-229.

ладают большими полномочиями по сравнению с рядовыми подписчиками, а иногда «задают тон» всей виртуальной коммуникации. Однако они не являются непосредственными руководителями действий подписчиков, а последние — их подчиненными. Здесь идет речь скорее о команде единомышленников, которые могут реализовать себя и следовать своим интересам в совместном общении.

3. *Controllability – Gesellschaft*. Здесь важно подчеркнуть обезличенность, опосредованность отношений между объектом и субъектом управляемости. Это, например, отношения руководителя – подчиненного, где и тот, и другой выполняют заданную функцию и сравнительно легко заменимы.

Наконец, как уже было отмечено, термин «управляемость» используется в различных исследовательских областях: в педагогике, психологии, социологии, управлении, менеджменте, политических и технических науках. Как уже было сказано, в политологии используется преимущественно термин *governability* в значении «государственная управляемость». Этот термин в отечественной науке в наибольшей степени был разработан в работах Л. В. Сморгунова²²⁵, А.В. Волковой²²⁶. В менеджменте, экономике, управлении, социологии используется термин *manageability*, реже – *controllability*. Здесь, как нам кажется, имеют место скорее различные варианты перевода, нежели разные смысловые значения²²⁷. Понимание управляемости в данных

---

²²⁵ Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С.85-96; Сморгунов Л. В. Государство и управляемость в странах БРИКС: постановка проблемы // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 3. С. 90-97; Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть, 2016. №6. С. 5-14; Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. проф. Л.В. Сморгунова. - СПб.: изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2018. С. 19.

²²⁶ Волкова А.В. Управляемость государства в условиях глобализации: проблема формирования публичных ценностей // ПОЛИТЭКС. 2013. Том 9. № 4. С.70-82; Волкова А.В., Кожевникова М.С. Управляемость и институты посредничества в современной России // ПОЛИТЭКС. 2014. Том 10. № 3. С. 101-113.

²²⁷ См., напр.: Усик Н.И. Об управляемости глобальной экономикой в условиях неопределенности // Экономика и экологический менеджмент. 2010. №1. С.15–18; Куликов В. Г., Рыбалкина З. М. Методика оценки управляемости организации // Технология текстильной промышленности. 2014. № 6 (354) С. 12-15.

отраслях более-менее устоялось благодаря работам А.Б. Белоуса²²⁸, А.И. Пригожина²²⁹, А.В. Тихонова²³⁰, М.В. Рубцовой²³¹, хотя, разумеется, у каждого автора присутствует свои особенности понимания этого термина.

Несколько отечественных работ посвящены «психологической управляемости», которая понимается весьма традиционно: как характеристика управленческого процесса, способ реакции объекта управления на воздействие субъекта²³². Управляемость также используется в педагогике применительно к педагогическим технологиям и является практически синонимом управлению²³³.

Соотношение подходов к концептуализации термина «управляемость» представлено в Таблице 3.2.

На основании проведенного анализа, мы можем сделать вывод о многозначности феномена управляемости в различных концепциях и отраслях научного знания. Наименования и значения данного термина зависят от целей и задач исследователя, уровня рассматриваемых им отношений и связей, специфики понимания и сферы использования.

Однако концептуализация феномена управляемости была бы незавершенной без обращения к термину «неуправляемость». В технических науках он достаточно распространен и означает потерю управляемости или превышение нормы управляемости (non-manageability).

²²⁸ Белоус А. Б. Методология управляемости и институциональная нестабильность // Российский экономический интернет-журнал. М.: АТиСО, 2007.; Белоус А. Б. Управляемость как одна из основ экономической науки и практики управления // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки (экономика, право, социология): научный журнал. СПб., 2007. № 9. С.85–96; Белоус А. Б. Управляемость фирмы (экономики) и ее характеристики // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 19. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С. 30-40.

²²⁹ Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003; Пригожин А. И. Управляемость // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995; Пригожин А. И. Управляемость организацией // Прикладная социология и менеджмент М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 347–368.

²³⁰ Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. СПб.: Изд-во С.-Пб ун-та, 2000.

²³¹ Рубцова М. В. Социологическая теория управляемости: монография. СПб.: Книжный дом, 2010. 182 с.

²³² Милукова О.В. Психологическая управляемость как характеристика процесса управления коллективом научно-исследовательской организации // В мире научных открытий / Под науч. ред. И.А. Рудаковой. Материалы XVI Международной научно-практической конференции: сборник научных трудов. М.: Издательство "Перо", 2015. С. 97-100.

²³³ См., напр.: Сечкин Г.И. Педагогическая технология синтеза знаний // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 110-112.

Таблица 3.2 Соотношение подходов к концептуализации термина «управляемость»

Основания классификации	Governability	Manageability	Controllability (handling)
Сфера преимущественного использования термина	Политология	Экономика, управление, менеджмент, социология	технические науки, производство, кибернетика, педагогика, психология
Общее смысловое значение	Государственная управляемость (имеет отношение к государству) или публичная управляемость	Управляемость как качество среды (имеет отношение ко всем субъектам и объектам управления)	Подконтрольность/ контролируемость (имеет отношение к воздействию субъекта управления на объект)
Уровень субъектов	Макроуровень (государство, гражданское общество, бизнес)	Мезо- и микроуровень (реальные и виртуальные сообщества, организации, институты, группы, контактные аудитории)	Микроуровень (подразделения в организации, элементы механизмов)
Уровень/тип общественных отношений	Gesellschaft	Gemeinschaft	Gesellschaft
Синонимы	“Governance” Сетевое политическое управление Публичное управление (Новый) публичный менеджмент	Управление Способность достигнуть цели Самоорганизация	Подчинение управлению Свойство (способность) механизмов и их элементов Выполнение прямых требований и соблюдение косвенных требований и принципов
Цель	«Общее благо» субъектов соучастие соуправление сотворчество партисипативность (партисипаторность)	Взаимная деятельность субъектов Самоорганизация	Координация за счет иерархии Перевод системы из одного состояния в другое
Специфика	Добровольное участие управляемых	Предшествует самоорганизации/ является самоорганизацией	Авторитарное влияние субъекта на объект Господство/подчинение

Однако в социо-гуманитарном знании он практически не используется, хотя имеет большой эвристический потенциал. Термин «неуправляемость» интересен, во-первых, своей амбивалентной природой, так как один и тот же объект может быть управляем для

одних субъектов и неуправляем для других²³⁴, а во-вторых, тем, что «неуправляемость» не обязательно обозначает «потерю управляемости» или «отсутствие управляемости», а возможно, речь идет о принципиально новом состоянии. В качестве дальнейших перспектив нашего исследования мы можем отметить более детальное обращение к феномену «неуправляемость» и его концептуализацию.

3.2. Классификация подходов к пониманию феномена управляемости

В современном социо-политическом и социо-экономическом знании наметилось несколько оснований классификации подходов к пониманию феномена управляемости. Чаще всего в научной литературе встречается классификация в зависимости от роли субъекта и объекта. Так, мы сталкиваемся с классическим противостоянием субъект-объектного и субъект-субъектного подходов к пониманию феномена управляемости²³⁵.

Корни *субъект-объектного* подхода уходят в системный подход в социологии (Т. Парсонс)²³⁶, кибернетическую теорию управляемости (Н. Винер, С. Бир)²³⁷, классическую школу научного менеджмента (Ф. Тейлор)²³⁸. Его основные положения можно выразить в следующем: четкое разделение субъекта и объекта управляемости. Субъект управляемости задает цели деятельности объекта и осуществляет контроль, он фактически выступает единственным носителем конструирующей активности. Роль объекта практически сведена до исполнителя или «группы поддержки». Применительно к виртуальным сообществам в

²³⁴ Рубцова М.В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. 2007. № 12 (декабрь). С. 33.

²³⁵ Рубцова М.В. Проблема обеспечения управляемости в современных организациях и пути ее решения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №84. С.211-217.

²³⁶ Парсонс Т. О социальных системах // Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002.

²³⁷ Новиков Д.А. Кибернетика: Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития. М.: Ленанд, 2016.

²³⁸ Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента: монография. Выпуск 1. Серия: «Классики менеджмента». М.: Контролинг, 2011.

социальных сетях субъектом может быть модератор или администратор группы. Он формулирует цель и задачи, регламентирует политику сообщества и «правила игры», а также имеет возможность контролировать поведение подписчиков и неподписчиков, принимать новых членов или удалять из членства. К объекту управляемости можно отнести рядовых членов сообщества (подписчиков, «фолловеров»);

- управляемость тесно связана с понятиями «подчинение» (точное исполнение всех прямых требований) и «подконтрольность» (соблюдение косвенных требований и принципов). В этой связи традиционное управление рассматривает взаимоотношения объекта и субъекта через механизмы доминирования/подчинения. Здесь можно привести в качестве примера анализ способов действий субъекта и объекта Р. Акоффа и Ф. Эмери²³⁹;
- управляемость относится скорее к объекту, нежели к субъекту, поскольку именно объект может восприниматься как «управляемый». К примеру, мы говорим «персонал управляем», «сообщество управляемо», но не может сказать «директор управляем», «модератор управляем». В этой связи мы можем обратиться к типологии управляемых организаций В.Г. Куликова²⁴⁰. Он выявил такие типы организации по уровню управляемости: *высокоуправляемая* (организация способна достичь поставленной цели в полной мере и своевременно, и даже обеспечивает сверхплановые цели функционирования); *нормально управляемая* (в такой организации имеет место полное и своевременное достижение целей функционирования, отклонений от заданных параметров либо нет, либо они вовремя устраняются); *малоуправляемая* (поставленные цели могут не достигаться, затраты во многих случаях выше самого результата); *неуправляемая* (цели почти никогда не достигаются, затраты

²³⁹ Акофф Р. О целеустремленных системах / Р. Акофф, Ф. Эмери. М. : Наука, 1974.

²⁴⁰ Куликов В.Г. Развитие управляемости организации // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2011. № 1. С.276-285.

всегда выше самого результата, существуют большие потери ресурсов, эффект отсутствует).

- управляемость соотносится с четким достижением цели при доминировании управляющего субъекта. Применительно к виртуальным сообществам, важно заметить, что те из них, которых можно с уверенностью отнести к субъект-объектным, как правило, имеют четко заявленную цель. Она не ограничивается созданием пространства единомышленников, но всегда имеет конкретную направленность: популяризацию идеологии, привлечение большего числа сторонников к какому-либо политическому движению, донесение до широких масс определенных политических идей, привлечение внимания к социальным проблемам и пр.
- управляемость всегда ограничена. Это объясняется тем, что за границами управляемого поля находятся явления, на которые субъект управления не может повлиять, то есть неуправляемые для него. Например, управляемость сообщества может быть ограничена только виртуальным пространством, тогда как в реальности происходит потеря управляемости со стороны модератора/администратора.

Таким образом, субъект-объектный подход к пониманию управляемости представляет собой традиционно понимаемый управленческий подход. В нем управление рассматривается как процесс и результат подчинения объекта управления целям субъекта управления. В данном случае управление – это взаимодействие субъекта и объекта управления, при котором имеет место доминирование первого над вторым. Управляемость определяется как заданная институциональным контекстом (или объективным ходом развития общества) способность быть управляемым и подконтрольным²⁴¹.

---

²⁴¹ Rubtcova M., Martyanov D., Martianova N. (2019) El discurso como medio para establecer y mantener la capacidad de gestión en Internet: marco teórico. Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. Año VI, Edición Especial Publ., Agosto.

В число наиболее очевидных субъект-объектных виртуальных сообществ можно отнести радикальные группы (например, феминистские, националистические сообщества). Основными чертами субъект-объектных сообществ являются следующие:

1. Высокая активность администрации. Модератор / администратор, бесспорно, является субъектом управления: он задает цель и задачи сообщества, регламентирует правила поведения, осуществляет контроль. Также активность модератора может проявляться в следующем: его участие в дискуссиях, комментариях; одобрение высказываний подписчиков неподписчиков комментариями, лайками, репостами; выражение поддержки, благодарности; порицание мнений, противоречащих политике сообщества; наличие голосований, опросов, советов, претензий, призывов. Такие действия направлены на позиционирование модератора как лидера и субъекта управления. Может иметь место также стремление к переносу активности из виртуального пространства в реальное.

2. Строгий контроль со стороны администрации. Как правило, в подобных сообществах четко прописаны «правила игры»: каких выражений следует избегать, как осуществлять диалог, на что можно и нельзя ссылаться, за что будут выноситься предупреждения и замечания, каковы санкции за нарушение правил. В ряде случаев модератор подробно прописывает, кто может быть членом сообщества, например, по гендерному принципу. Помимо четкого регламента в сообществе постоянно чувствуется «невидимая рука» администрации: удаленные комментарии, забаненные участники дискуссии и пр.

3. Четко заявленная цель. Субъект-объектное взаимодействие, как показал анализ, характерно для целевых сообществ. Оно создается администраторами / модераторами преимущественно для привлечения людей к какой-либо проблеме, идеологии, для создания некоего специфического пространства по интересам. В блоке «информация» как правило выражена цель, а в некоторых случаях и задачи.

4. Сравнительно высокая степень солидарности. Такие группы чаще всего представляют собой идеологические сообщества с какой-либо четко очерченной позицией, одобряемой администрацией и большинством подписчиков. Эта позиция должна иметь противников, так как в наибольшей степени подписчики сообществ активны в том случае, если «дружат против кого-то». Сплоченность членов сообщества может выражаться различным образом: лайки, комментарии, репосты, слова одобрения и поддержки в адрес администраторов или адептов политики сообщества; специфические обращения («сестры», «камрады» и пр). Можно сказать, что администрация стремится к созданию единой команды из «своих» со специфическими взглядами. Подписчики также подчеркивают свою принадлежность к этой команде.

5. Сравнительно высокая степень агрессии. Как ни странно, один из необходимых элементов существования и роста популярности виртуального сообщества как целевого идеологического пространства. Агрессия может проявляться в оскорбительных высказываниях, имеющих целью унижить собеседника и / или его точку зрения, а также в форме явного / латентного троллинга, провокаций и их одобрении (лайки, репосты и пр.). Агрессия проявляется обычно по отношению к своим виртуальным собеседникам (комментаторам, подписчикам и / или неподписчикам) или к описываемой в посте ситуации (событию, партии, органу власти, лидеру, общей ситуации в стране). Эффективность и популярность сообщества, как правило, зависит от вышеозначенных факторов: солидарности и агрессии. Чем солидарнее между собой члены сообщества, чем более они агрессивны по отношению к «чужим», тем сообщество активнее: больше подписчиков, постов, лайков, комментариев, репостов²⁴².

---

²⁴² Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // Журнал политических исследований. 2019. Том 3 № 3. С. 79-93.

Субъект-субъектный подход предполагает акцент на субъекте, который рассматривается как управляемый, способный к активности и сотрудничеству, берущий на себя лидирующую управляющую роль (управляющий субъект) на определенный отрезок времени. Каждый человек в виртуальном пространстве может выступать как в качестве управляющего, так и в качестве управляемого субъекта. Иными словами, происходит перенос управляемости от объекта к субъекту.

Субъект-субъектное сообщество должно функционировать по принципам саморазвивающейся системы. Распространяясь в обществе, управляемость оказывается показателем адекватной интериоризации норм и ценностей, включающей их критическое переосмысление личностью, позволяющее сделать выбор более сознательным. В этом смысле, управляемыми должны являться все виды субъектов. Они совместными действиями создают социальное пространство, позволяющее развиваться социальному взаимодействию в сфере управления. Таким образом, взаимодействие порождает управляемость, а управляемость – взаимодействие. Управляемость в рамках субъект-субъектного подхода рассматривается как переходящая из взаимодействия во взаимодействие. Управляемость возникает не в силу каких-то объективных причин, а именно в результате субъект-субъектного взаимодействия.

Субъект-субъектную управляемость можно также соотнести с термином «коммуникативная управляемость», которая связана, прежде всего, с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Немецкий ученый сделал акцент на управляемости через развитие коммуникации, диалога и сотрудничества в обществе²⁴³. Для обеспечения коммуникативной управляемости необходимо постоянно улучшать навык коммуникации управляющих и управляемых субъектов²⁴⁴. Причем со-

---

²⁴³ Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 40–49.

²⁴⁴ Рубцова М.В. Управляемость как основополагающая социолого-управленческая категория // Вестник Томского государственного университета, 2009. №320. С.56.

вершенствованию коммуникативных навыков должно уделяться не меньше внимания, чем целям, задачам и теоретическим знаниям.

Примеры такого понимания управляемости можно найти при анализе разного рода виртуальных сообществ, как развлекательных, так и политико-идеологических. В них, как правило, нет жесткого контроля со стороны администрации, однако возникает непосредственное живое взаимодействие между членами, что так или иначе приводит к генерации идей, осмыслению и закреплению определенной позиции, установлению и достижению совместных целей и задач²⁴⁵.

Специфическими особенностями субъект-субъектных сообществ являются:

1. Сравнительно низкая активность модератора / администрации. Это может выражаться в том, что модератор в принципе слабо участвует в жизни сообщества, а также в том, что он ведет себя скорее, как рядовой участник сообщества без акцента на своих лидерских качествах и управленческих задачах. Отсюда вытекает, прежде всего, слабая степень контроля со стороны администрации и сравнительно небольшое количество санкций за нарушение правил, нецензурную лексику, оскорбление собеседников и т.д. Можно сказать, что участники сообщества «предоставлены сами себе».

2. Привлечение сторонников. Оно может инициироваться администрацией или «лидерами мнений» и выражается как в открытых призывах к дискуссиям, активности, так и в вежливом, предельно корректном обращении с «чужими» с целью привлечь их на свою сторону рациональными аргументами и конструктивным диалогом. В таких сообществах уровень агрессии к «чужим» крайне низок: любое обидное или провокационное поведение (комментарии, обращения, обозначения) не приветствуются, так как сообщество позиционирует себя как «открытое для всех» и «демократичное». В некоторых случаях не

---

²⁴⁵ Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // Журнал политических исследований. 2019. Том 3 № 3. С. 79-93.

только модераторы могут инициировать посты, но и подписчики, а также любой пользователь социальной сети (например, поделиться своей проблемой или личной историей, попросить совета).

3. Высокая степень солидарности со стороны подписчиков. Солидарность проявляется в активном одобрении высказываний подписчиков / администрации комментариями, лайками, репостами; словами поддержки, благодарности. В отличие от субъект-объектных сообществ, в которых солидарность обычно выражается в объединении против «чужих», в данном случае солидарность выражается во взаимной поддержке, взаимопомощи. Очень большое внимание уделяется чувствам и мыслям собеседника, особенностям изложенной им проблемы или ситуации, стремлению не обидеть его даже случайно. Визуально сопоставить субъект-объектные и субъект-субъектные виртуальные сообщества можно в Таблице 3.3.

Таблица 3.3 Субъект-объектные и субъект-субъектные виртуальные сообщества

Параметры	Субъект-объектные сообщества	Субъект-субъектные сообщества
Роль администрации	Модератор — субъект управления, тогда как сообщество — объект.	Модератор — один из субъектов взаимодействия, наряду с подписчиками и неподписчиками.
Активность администрации	высокая	низкая
Степень контроля со стороны администрации	высокая	средняя/низкая
Нацеленность на привлечение новых членов	низкая	высокая
Уровень солидарности	высокая	средняя/низкая
Уровень агрессии	высокая	низкая
Степень разделения «свой-чужой»	высокая	низкая/отсутствует

Второе основание классификации связано с соотношением между управляемостью и самоорганизацией. Управляемость может как противостоят самоорганизации, так и способствовать ей, отличаться от самоорганизации коренным образом или, напротив, быть практически ее синонимом. Здесь можно выделить такие подходы:

- *управляемость как противоположность самоорганизации.* В классической синергетике и теории управления управляемость по своей сути противоположна самоорганизации²⁴⁶. Поскольку синергетика рассматривает управление как точечное воздействие, которое само по себе просто несколько корректирует естественный ход самоорганизации, управляемость может существовать только в момент этих точечных управленческих воздействий на самоорганизующуюся систему. Иначе говоря, как только возникает самоорганизация, управляемость исчезает. В классической теории управления управляемость, напротив, является важной характеристикой, которая нивелирует самоорганизацию. Традиционное управление подразумевает стихийность и непредсказуемость самоорганизации. Если управляемость позволяет достичь цели, то самоорганизация – уводит от ее достижения. Управляемость, таким образом, это искусственный конструкт, а самоорганизация естественное явление, не поддающееся планированию и контролю.
- *управляемость как самоорганизация или предпосылка самоорганизации.* Такое понимание управляемости характерно для социологического подхода. В силу того что самоорганизация – это процесс, а управляемость – это качество процесса, в социологической трактовке управляемость является такой же предпосылкой самоорганизации, как и управление. По мнению социологов, без управляемости невозможно ни управление, ни самоорганизация²⁴⁷.

Третье основание классификации касается того, насколько участники взаимодействия равноправны с точки зрения координации и обмена ресурсами. Л.В. Сморгунув использует эту классификацию для

²⁴⁶ Рубцова М. В. Управляемость как основополагающая социолого-управленческая категория // Вестник Томского государственного университета, 2009. №320. С.53-57.

²⁴⁷ Рубцова М. В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. 2007. № 12 (декабрь). С. 35-36.

анализа внутрисетевого управления, что вполне применимо, на наш взгляд, при исследовании виртуальных сообществ²⁴⁸.

Основываясь на типологии К. Прована и П. Кениса²⁴⁹, можно выделить три типа внутрисетевого управления:

1) *самоорганизующиеся сообщества* еще можно обозначить как «сети участия» или субъект-субъектные сообщества. Управление в таких сообществах или ограничено формальными процедурами и правилами или осуществляется неформально – путем взаимодействия и соучастия наиболее заинтересованных и активных субъектов (администраторов/модераторов). В некоторых случаях, таким сообществам может быть присуща высокая степень децентрализации, обеспечивающая свободное непрерывное взаимодействие всех субъектов (подписчиков).

2) *сообщества с лидирующей организацией* (субъект-объектные сообщества с активным модератором/администратором) представляют собой группы с характерной централизованной организацией управления. В них проявления активности, солидарности субъектов, а также их коммуникативные практики скоординированы каким-либо одним членом сообщества, выполняющим функцию лидера. Лидирующая организация часто устанавливается самими членами сообщества, которые считают эту модель управления наиболее эффективной.

3) *сообщества административного управления* (субъект-объектные сообщества с пассивным модератором/администратором или с формальной регуляцией модератора) предполагают, что административная существует в некоторых заданных границах. Эта модель является также централизованной, но в отличие от сообществ с лидирующей организацией в данном случае администрация не является в строгом смысле слова субъектом управления и выразителем своего интереса (например, модератор только банит нарушителей пра-

²⁴⁸ Сморгун Л. В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть, 2016. №6. С. 12

²⁴⁹ Provan K., Kenis P. (2007) Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness. – Journal of Public Administration Research and Theory. Vol. 18, № 4. P. 231.

вил). Административное управление сообществом устанавливается либо самими его членами (подписчиками, «лидерами мнений»), либо посредством мандата, данного им администратором. Специфику сетевых структур в виртуальных сообществах можно увидеть в Таблице 3.4.

Таблица 3.4. Сетевые структуры управляемости в виртуальных сообществах

Сетевая структура	Специфика
Самоорганизующие сообщества	Самоорганизующаяся ассоциация активных субъектов: например, замкнутых сообществ, субкультур, неформальных движений, специфических идеологий
Сообщества с лидирующей организацией	Активная позиция модератора, модератор не только банит, но и активно вмешивается в дискуссии и поддерживает тех, кто выражает точку зрения сообщества
Сообщества административного управления	Модератор существует только номинально, либо исполняет строго определенную функцию (например, удаляет комментарии, нарушающие правила сообщества), не являясь активным участником внутрисетевого взаимодействия

Представленные в таблице типы сетевой управляемости являются идеально типическими конструкциями, которые лишь в общем виде позволяют понять особенности формирования и деятельности сообществ в киберпространстве.

Если говорить о сетевом управлении, то можно также выявить координационную и кооперационную управляемость. Эти термины употребляются в частности А.С. Шерстобитовым и О.А. Кусик при анализе проблемы управляемости в контексте развития криптовалют²⁵⁰. Данные авторы выделяют два подтипа стратегий мягкого регулирования со стороны государства: координационную (лидирующая роль у государства) и кооперационную (государство — равноправный актор). Это разделение актуально при анализе управляемости виртуальных сообществ. В таком случае, под координационной управляемостью мы будем понимать такую управляемость, где имеет место четкая координация со стороны субъекта, тогда как кооперационная — предполагает свободную кооперацию субъектов. Иными словами, виртуальные со-

²⁵⁰ Шерстобитов А. С., Кусик О. А. Криптовалюты как вызов управляемости: публичная политика современных государств в различных сетевых и политико-административных контекстах // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 2. С. 88–99.

общества могут использовать в качестве коммуникативной стратегии как координацию, так и кооперацию.

Таблица 3.5. Соотношение координационной и кооперационной управляемости

	Координационная управляемость	Кооперационная управляемость
Стратегия	Координация объекта субъектом	Кооперация субъектов
Специфика взаимоотношений в сообществе	Администратор/модератор — главный (единственный) субъект управления	Администратор/модератор — один из равноправных членов сообщества. Делегирует возможность остальным самоорганизовываться и разрабатывать «правила игры».

Таким образом, мы выявили основные подходы к пониманию управляемости, сделав акцент на проявлении данного феномена в виртуальных сообществах.

Таблица 3.6. Классификация подходов к пониманию управляемости

Основание классификации	Вид управляемости	Вид управляемости
Роль субъекта и объекта	Субъект-объектная	Субъект-субъектная (коммуникативная)
По отношению к саморганизации	Противоречит саморганизации	Саморганизация (предпосылка саморганизации)
Тип сообществ	Сообщества с лидирующей организацией, сообщества административного управления	Самоорганизующиеся
Стратегия	Координационная	Кооперационная

Визуально их сопоставить возможно с помощью Таблицы 3.6.

3.3.Эволюция моделей управляемости в Интернете

Субъект-субъектная управляемость в киберпространстве

Концепции развития субъект-субъектной управляемости в киберпространстве связаны с идеей расширения инструментов демократического обсуждения и принятия решений. Использование технических средств для обеспечения субъект-субъектной управляемости рассматривалось еще на этапе введения телеграфа и радио²⁵¹. Внедрение каждой новой технологии, позволяющей преодолевать физическое

²⁵¹ См. напр.: *Jankowski, N. W.* (1988) *Community Television in Amsterdam. Access to, Participation in and Use of the Lokale Omroep Bijlmermeer.* Amsterdam: University of Amsterdam; *Jankowski, N., Prehn O., Stappers J.* (1992) *The People.s Voice. Local Radio and Television in Europe.* London: John Libbey Media.

расстояние между людьми ведет к всплеску дискуссии о том, как улучшить системы управления и подключить к ним больше субъектов управления. Интернет не оказался исключением. Его распространение достаточно быстро связали с расширением принципов демократического управления, так как Интернет может рассматриваться как площадка для общественных дебатов и мониторинга принятия решений местными и государственными органами власти²⁵². С распространением Интернета были связаны оптимистические надежды на «переопределение демократических практик, направленных на содействие культурному плюрализму и признанию новых идентичностей»²⁵³ и «расширение гражданских прав»²⁵⁴.

Период 1990-х годов стал периодом нарастающего оптимизма по поводу развития новых демократических инструментов и коммуникативных практик в обеспечении управляемости. Появился ряд терминов, обозначающих новые управленческие технологии: «теледемократия», «кибердемократия», «электронная демократия», «виртуальная демократия»²⁵⁵. Были предложения создать новые процедуры демократического принятия решений как набора сайтов, ведущих людей к соуправлению обществом²⁵⁶. Новые эксперименты с киберпространством породили веру, что виртуальная среда является той самой инновацией, которая обеспечит достаточные стимулы для вовлечения граждан в процесс принятия политико-управленческих решений.

Нельзя сказать, что период 1990-х был временем иллюзий о демократическом потенциале Интернета. Часть политологов высказывали

---

²⁵² Johnson F. (1996) Cyberpunks in the White House. In J. Dovey (ed.), *Fractal Dreams*, 78-108. London; Odasz, Frank. 1995. Issues in the Development of Community Cooperative Networks. In B. Kahin and J. Keller (eds.), *Public Access to the Internet*, 115-136. Cambridge: MIT Press.

²⁵³ Teixeira L. (2013) Virtual Democracy and Models of Political Democracy: Reflections on the Case of the First Conference on Virtual Transparency and Social Control. // Conference: 13th European Conference on e-Government (ECEG). Univ Insubria, Dept Theoret & Appl Sci, Como, ITALY JUN 13-14. P. 526-534

²⁵⁴ Rimmer P.J., Morris-Suzuki T. (1997) The Japanese Internet: visionaries and virtual democracy // E(a)sterisk Space III Workshop SINGAPORE, SINGAPORE publ.: MAY 11-16, 1997.

²⁵⁵ Hacker K.L., Todino M. (1996) Virtual Democracy at the Clinton White House: An Experiment in Electronic Democracy. *Javnost, the Public* 3, 1. P. 71-86.

²⁵⁶ См., напр.: Held D. (1995) *Democracy and the Global Order*. Oxford: Polity Press. Held, David. 1996. *Models of Democracy*. Oxford: Polity Press

сомнения, что новая технология повысит заинтересованность граждан и местных сообществ в управлении и соответственно выведет управляемость общества на новый уровень. Критики указывали на следующие препятствия распространения всеобщей демократии через киберпространство:

1. Не все люди заинтересованы в вовлечении в политическое управление. На самом деле они могут рассматривать политическую деятельность как периферийную для них. Пользователи Интернета, вовлеченные в политические дискуссии составляют мизерную группу от общего числа пользователей, и их число не увеличится при введении инструментов принятия политико-управленческих решений в сети Интернет²⁵⁷.

2. Технологические инновации как таковые мало что приносят в сложившиеся социальные отношения, и если граждане не интересовались общественными обсуждениями раньше, появление Интернета как новой площадки для дискуссий ничего в корне не изменит²⁵⁸.

3. Появление Интернета не улучшило показатели вовлеченности граждан в процессы управления. Например, явка избирателей на выборы осталась на низком уровне²⁵⁹.

4. Распространение Интернета не повысило свободу СМИ и самовыражения в целом²⁶⁰.

5. Широкие социальные слои не обладают необходимыми навыками для организации демократического обсуждения в сети Интернет²⁶¹.

---

²⁵⁷ Norris P., Jones D. (1998) Virtual Democracy. The Harvard International Journal of Press/Politics. Vol 3(1) Spring.

²⁵⁸ Brants K. (1996) Policing Democracy: Communication Freedom in the Age of the Internet. Javnost. The Public 3, 1, pp. 57-70.

²⁵⁹ См., напр.: Cathy B. (1996) Manchester: Democratic Implications of an Economic Initiative. Javnost. The Public 3, 1, pp. 103-116.

²⁶⁰ См., напр.: отчеты организации Freedom and the Media // URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-media/freedom-media-2019>

²⁶¹ Williams F., Pavlik J. (1995) The People's Right to Know: Media, Democracy, and the Information Highway. Hillsdale: Lawrence Erlbaum.

6. Для обеспечения субъект-субъектной управляемости через Интернет потребуется однородная популяция, созданная на основе общности интересов, что мало достижимо в условиях глобализации²⁶². Наиболее успешными сетевыми сообществами могут быть местные сообщества, управляющие территориальным развитием²⁶³. Но и в этом случае расширение сферы реальной политической активности на низовом уровне с помощью средств сети Интернет крайне ограничено и будет ограниченным до тех пор, пока не произойдет перестройка системы социальных отношений²⁶⁴.

Новый виток оптимизма по достижению субъект-субъектной управляемости с помощью новых технологий появился после широкого распространения социальных сетей²⁶⁵.

После Арабской весны авторы стали обращать внимание на то, что использование социальные сетей стало новым способом организации инакомыслия и позволяет лидерам социальных движений, использующим онлайн-приложения и системы цифрового контента, организовывать коллективные действия местных протестных групп, а также быстро устанавливать мосты для взаимодействия с международными общественными движениями и обмена политическими взглядами. На фоне некоторых политических достижений активистов возникло оптимистическое восприятие социальных сетей как способа эффективно противостоять контролю государства. В прошлом авторитарные режи-

---

²⁶² *Hansson Th.* (2012) "Social self in a virtual world," Working Papers 2012/08, Blekinge Institute of Technology, Department of Industrial Economics.

²⁶³ *Teixeira L.* (2013) Virtual Democracy and Models of Political Democracy: Reflections on the Case of the First Conference on Virtual Transparency and Social Control. // Conference: 13th European Conference on e-Government (ECEG). Univ Insubria, Dept Theoret & Appl Sci, Como, ITALY JUN 13-14. P. 526-534

²⁶⁴ *Rimmer, P.J., Morris-Suzuki T.* (1997) The Japanese Internet: visionaries and virtual democracy // E(a*) Space III Workshop SINGAPORE, SINGAPORE publ.: MAY 11-16, 1997.

²⁶⁵ *Wall M. A.* (2007) Social Movements and Email: Expressions of Online Identity in the Globalization Prothesis." *New Media and Society* 9 (2): 258-277. См. также: *Monshipouri M.* (2016) Information politics, protests, and human rights in the digital age; *Kitzberger P.* (2017) Against the current: The emergence of a media democratization policy agenda in Latin America. *Global Media and Communication*; *Wallis J., Given L. M.* (2016) "#digitalactivism: New Media and Political Protest." *First Monday* 21 (2). doi:10.5210/fm.v21i2.5879

мы могли контролировать СМИ во время политического кризиса, но в эпоху цифровых технологий контролировать медиа гораздо сложнее²⁶⁶.

Успехи уличных протестов позволили говорить Д. Мерча о достижении демократической гражданственности на практике. Уличные протесты привлекают значительное число последователей, которые рассказывают о своем участии и последствиях коллективных действий в социальных сетях. Широкомасштабное использования социальных сетей приводит к ограничению координационного потенциала бюрократических организаций²⁶⁷.

Вместе с тем, победа социальных сетей была недолгой. Дальнейший анализ влияния социальных сетей на политическую мобилизацию показал, что, во-первых, государства разработали новые эффективные механизмы контроля за контентом в социальных сетях²⁶⁸, во-вторых сама мобилизация происходит только во время кризиса: в виртуальной среде уже существуют неактивные онлайн-сети – текущие культурные группы, разделяющие общие интересы, они могут как организовывать направленное воздействие, так и подвергаться этому воздействию со стороны других групп²⁶⁹. С этой точки зрения пространство социальных сетей должно рассматриваться не как зона гарантированной демократической гражданственности, основанной на субъект-субъектной управляемости, а как зона острого конфликта интересов между разными группами и постоянной борьбы за влияние в киберпространстве²⁷⁰.

---

²⁶⁶ Hussain M. M., Howard, P. N. (2013) State power 2.0: Authoritarian entrenchment and political engagement worldwide. *State power 2.0: Authoritarian entrenchment and political engagement worldwide*. pp. 1-194.

²⁶⁷ Mercea D. (2016) Civic participation in contentious politics: The digital foreshadowing of protest. *Civic participation in contentious politics: The digital foreshadowing of protest*. pp. 1-234.

²⁶⁸ См., напр.: Darling, J. (2016) *Networks of protest in Latin America*.// *Information politics, protests, and human rights in the digital age*. Cambridge University Press. pp. 151-174; Hussain, M. M., Howard, P. N. (2013) *State power 2.0: Authoritarian entrenchment and political engagement worldwide*. pp. 1-194; Kant R., Titifanue J., Tarai J., Finau G. (2018) Internet under threat?: The politics of online censorship in the pacific islands. *Pacific Journalism Review*, 24(2), pp. 64-82.

²⁶⁹ Odou P., Roberts G. H., Roux D. (2018) Co-producing cyber protest: Mesomobilization in the digital age. *Consumption Markets and Culture*, 21(1), pp. 42-64.

²⁷⁰ См., напр.: Darling J. (2016) *Networks of protest in Latin America*.// *Information politics, protests, and human rights in the digital age*. Cambridge University Press. pp. 151-174.

Субъект-объектная управляемость в киберпространстве

Несмотря на то, что распространение Интернета вначале вызывало положительные оценки с точки зрения распространения демократических средств обеспечения управляемости общества, доктрины виртуальной диктатуры также рассматривались научным сообществом. Идея, что новые технические средства скорее всего будут рассматриваться для подавления личности, а не для её развития была выдвинута еще Франкфуртской школой²⁷¹. Достаточно подробно раскрыл идеи субъект-субъектной управляемости М. Фуко, который описал ее обеспечение как процесс создание институтов, стратегий и правовых и политических инструментов, с помощью которых осуществляется власть²⁷². Идеи Фуко были восприняты исследователями, занимающими критическую позицию по отношению к современной неолиберальной политике и стали применяться к оценке проектов, реализуемых посредством Интернет.²⁷³

Отдельным направлением исследования субъект-объектной управляемости стало исследование воздействия социальных сетей на политические взгляды пользователей. Социальные сети стали рассматриваться как технологические инструменты в избирательных кампаниях. Если в исследованиях 2000-2010 годов, использование социальных сетей подчеркивало положительные стороны политика, его инновационность²⁷⁴, то в последующих исследованиях появились негативные коннотации, усиливающие страх перед сетями как источником дезинформации и формирования социально опасных политических групп. Одним из острых социальных явлений был объявлен кибербуллинг, и

²⁷¹ См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

²⁷² Foucault M. (2006) Seguridad, Territorio, Poblacion: Curso en el College de France: 1977-1978. Buenos Aires: Fondo de Cultura Economica.

²⁷³ См. напр.: Salinas A. L.A. (2019) Vivienda social en la periferia de la Ciudad de M?xico como mecanismo de acumulaci?n de capital y control social. Revista de Urbanismo, 40, 1-13.

²⁷⁴ Williams C. B., Gulati G. J. J. (2013) Social networks in political campaigns: Facebook and the congressional elections of 2006 and 2008. New Media and Society, 15(1), pp. 52-71.

его влияние на идентификацию людей с определенной социальной и политической группой²⁷⁵, были раскрыты механизмы влияния интернет-запугивания на случайных пользователей, его повсеместный характер, подчеркивалась необходимость создания стратегий профилактики и вмешательства в жизнь социальные сети для предотвращения угроз²⁷⁶.

Следующей социальной проблемой, нарастающей вместе с ростом социальных проблем стало усиленное возможностями Интернета распространение дезинформации. Как отмечает А. Барфар, эпидемия политической дезинформации в социальных сетях отчасти спровоцировала переход к эпохе постправды. Исследователь изучил когнитивные и аффективные реакции, вызванные политической дезинформацией в «Facebook», как самой популярной мировой социальной сети. Посредством текстового анализа комментариев пользователей почти 2100 политических постов из популярных источников в «Facebook» он обнаружил, что хотя по сравнению с реальными новостями политическая дезинформация получила значительно меньше аналитических откликов от последователей «Facebook», ответы на политическую дезинформацию были наполнены «злостью и невежеством», а для пользователей социальных сетей характерен низкий уровень когнитивного мышления. При этом исследователь не обнаружил прямого влияния политических взглядов пользователя на уровень комментариев, поэтому невежливость и в политических дискурсах в Интернете не следует приписывать конкретной политической силе²⁷⁷.

В связи с общим резким ростом дезинформации в социальных сетях, значительная часть современных материалов о социальных сетях посвящена новым методам выбора и формирования контента, кото-

---

²⁷⁵ *Melonashi E.* (2017) Social media and identity: Understanding identity communication and creation through social media. Research paradigms and contemporary perspectives on human-technology interaction. pp. 62-83.

²⁷⁶ *Campbell M. A.* (2005) Cyber bullying: An old problem in a new guise? Australian Journal of Guidance and Counselling, 15(1). pp. 68-76.

²⁷⁷ *Barfar A.* (2019). Cognitive and affective responses to political disinformation in facebook. Computers in Human Behavior, 101. pp. 173-179.

рые не позволили бы пользователю сети оказаться в ловушке однотипной идеологической информации, показали бы ему ситуацию с позиции разных точек зрения и политических групп. Большой проблемой текущих механизмов показа информации является привязка показываемого контента к персональной информации. Эта идея продуктивная для маркетинга, оказалась контрпродуктивной для распространения политической идеологии.

Большинство систем выбора новостных статей в социальных сетях привязывают свои фильтры к контенту с помощью автоматической персонализации. В результате пользователи часто не знают о противоположных точках зрения, что приводит к информационным «слепым точкам» и потенциально поляризованным мнениям. Пользователи могут быть осведомлены о теме, но могут быть ознакомлены только с одной точкой зрения на данную тему. На самом деле, по мнению ученых, рекомендательные системы имеют такой же потенциал для поиска разнообразных точек зрения и должны помочь пользователям найти их²⁷⁸. Не все пользователи принимают новые стратегии поиска и продолжают фокусироваться на узконаправленной информации²⁷⁹.

Стратегии поиска нынешних пользователей противоречат результатам исследований 2000-х годов, когда подчеркивалось, что использование Интернета может повлиять на общую неоднородность сетей политических дискуссий людей. В основе этих выводов лежал тезис о непреднамеренности, в соответствии с которым, ограничения процессов избирательного воздействия в сочетании с ослабленными социальными границами, обнаруживаемыми в онлайн-среде, предполагают, что люди могут подвергаться, по крайней мере, некоторым дополнитель-

---

²⁷⁸ *Tintarev N., Sullivan E., Guldin D., Qiu S., Odjik D.* (2018) Same, same, but different: Algorithmic diversification of viewpoints in news. Paper presented at the UMAP 2018 - Adjunct Publication of the 26th Conference on User Modeling, Adaptation and Personalization, 7-13.

²⁷⁹ *Sacharidis D.* (2019) Diversity and novelty in social-based collaborative filtering. Paper presented at the ACM UMAP 2019 – Proceedings of the 27th ACM Conference on User Modeling, Adaptation and Personalization, pp. 139-143.

ным политическим различиям в Интернете, хотя бы непреднамеренно²⁸⁰. Несмотря на то, что сейчас этот вывод не подтверждается, продолжают попытки разнообразить новостную среду и снабдить ее анализом ситуации с разных точек зрения, несмотря на то, что пользователь может настойчиво выбирать только одну из них. Несколько научных конференции были посвящены решению данной проблемы²⁸¹.

Даже такие активные попытки не допустить однонаправленности информации для конкретного пользователя не могут предотвратить создание эхо-камер так как значительная часть социальные медиа-платформ побуждает граждан обитать в «онлайновых пузырях» и «эхо-камерах»²⁸². В качестве одной из причин, почему пользователи отвергают различие в точках зрения, продолжая оставаться в «информационном пузыре», является страх перед риском оказаться в меньшинстве. Однако описывая современное действие «спирали молчания» ученые показывают, что механизм ее воздействия не так однозначен и иногда оппозиционная информация, наоборот побуждает тех, кто в меньшинстве на активное отстаивание собственной точки зрения²⁸³.

В исследовании коллектива авторов под руководством Дж. Сирриани и вовсе делается вывод, что «качество мудрости, извлекаемой из онлайновых сообществ, снижается, так как сообщество становится менее идеологически разнородным»²⁸⁴. Одной из причин такого снижения является то, что пользователи, как правило, не используют разнооб-

---

²⁸⁰ Brundidge J. (2010) Encountering "difference" in the contemporary public sphere: The contribution of the internet to the heterogeneity of political discussion networks. *Journal of Communication*, 60(4). pp. 680-700.

²⁸¹ См., напр.: Tintarev N., Sullivan E., Guldin D., Qiu S., Odjik D. (2018) Same, same, but different: Algorithmic diversification of viewpoints in news. Paper presented at the UMAP 2018 - Adjunct Publication of the 26th Conference on User Modeling, Adaptation and Personalization, 7-13.

²⁸² Eady G., Nagler J., Guess A., Zilinsky J., Tucker J. A. (2019) How many people live in political bubbles on social media? evidence from linked survey and twitter data. *SAGE Open*, 9(1).

²⁸³ Duncan M., Pelled A., Wise D., Ghosh S., Shan Y., Zheng M., McLeod D. (2020) Staying silent and speaking out in online comment sections: The influence of spiral of silence and corrective action in reaction to news. *Computers in Human Behavior*, 102, 192-205.

²⁸⁴ Sirrianni J., Liu X., Rahman M. M., Adams D. (2019) An opinion diversity enhanced social connection recommendation re-ranking method based on opinion distance in cyber argumentation with social networking. Paper presented at the Proceedings – 2019 IEEE International Conference on Cognitive Computing, ICC3 2019 - Part of the 2019 IEEE World Congress on Services. pp. 106-113.

разный, вызывающий новый идеи контент, только потому, что он противоречит их предыдущему мнению. Можно пытаться искусственно увеличить разнообразие мнений в социальной сети пользователя, и тогда, он вероятно, все-таки будет взаимодействовать с более разнообразным контентом. По крайней мере часть пользователей имеют тенденцию взаимодействовать с контентом, поддерживаемым их социальными связями, даже если это противоречит их личному мнению. Но это сложный процесс, который потребует создания новой системы «кибераргументации». Дж. Сиррианни предлагает один из вариантов создания такой системы на основе методов искусственного интеллекта и интеллектуального анализа данных для извлечения и анализа мнений пользователей, на основе аргументированных данных по важным вопросам, а затем используем самые отдаленные мнения для переоценки рекомендаций. По мнению Дж. Сиррианни, новый метод повысит рекомендуемое разнообразие примерно на 15%, и при этом надо будет переупорядочивать около 50% первоначальных рекомендаций по социальным связям²⁸⁵.

Ряд исследований хоть и подчеркивает необходимость свободы Интернета, отмечает, что существующая ситуация неприемлема для обеспечения свободы мнений. Поэтому предлагаются различные механизмы цензуры и самоцензуры, например, «концепция отрицательного шифрования» для создания нейтральных статей, составленных двумя критиками, представляющими обе стороны обсуждения. Те получатели, которые знают информацию о полномочиях (например, ключ и кодовую книгу), могут общаться друг с другом, извлекая реальную информацию из статей, подобных нейтральным. Людей с противоположной позицией не могут претендовать на чтение сообщения, которое поддерживает конкретные политические идеи²⁸⁶.

---

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Wang M., Chi P. (2019) Blurring political leanings of messages on social networks using deniable steganography. IEEE Access, 7, 87692-87703.

Подводя итог описанию механизмов обеспечения субъект-объектной управляемости в киберпространстве, мы видим, что институциональное поддержание власти (по Фуко) происходит по нескольким причинам:

Во-первых, как это ни странно, сами механизмы показа новостной информации пользователю социальных сетей, сайтов, электронной почты создают базу для обеспечения субъект-объектной управляемости в киберпространстве, так как они основаны на предположении об его предпочтениях, вытекающих из его авторизированной информации. Поэтому пользователю фактически показывается та информация, которую он хочет видеть, исключая неприятные или противоположные точки зрения. Киберпространство на основе заложенных в его функционирование механизмов искусственного интеллекта создает поток однонаправленной информации, укрепляя пользователя в его взглядах, заблуждениях, стереотипах. Несмотря на то, что задача разнообразить информацию, подаваемую новостной лентой, технологически достижима, пользователи выбирают те ресурсы, которые позволяют укрепляться в своем мнении, так как уже произошла их идентификация с определенными ценностями.

Во-вторых, социальные сети и механизмы общения в них только усугубляют эту проблему, так как позволяют придерживаться определенных ценностей коллективно. Онлайн-сообщества могут фильтровать и без того однонаправленную информацию, полностью ограничивая кругозор пользователя. Текущие исследования показывают процесс напряженной борьбы исследователей за более сбалансированное мнение пользователя в социальных сетях, но даже в самых оптимистичных прогнозах они обещают небольшой рост разнообразия информации (до 15%).

Таким образом, хотя появление Интернета в целом и социальных сетей в частности и вызвало всплеск оптимизма по поводу создания новой платформы для обеспечения субъект-субъектной управляемо-

сти, дальнейшее развитие этих инструментов привело исследователей к печальным выводам о появлении узких и замкнутых сообществ и уменьшении кругозора и интересу к разным точкам зрения со стороны пользователя. Фактически Интернет и социальные сети стали инструментом обеспечения субъект-объектной управляемости.

Глава 4. Политизированные виртуальные сообщества России

в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ

Глава сосредоточена преимущественно на исследовании политизированных виртуальных сообществ России в социальной сети «ВКонтакте» с использованием метода сетевого анализа. При этом, важнейшей подзадачей, которая предваряет собственно сетевой анализ, выступает проблема формирования выборки политизированных виртуальных сообществ. При формировании выборки учитывались концептуальные положения сформулированные во второй главе этой монографии «Виртуальные сообщества в эпоху постправды»²⁸⁷. Итоговая выборка, сформированная согласно описанной в данной главе методике, послужила базой для эмпирических исследований с помощью других методик в последующих главах. Эмпирические данные были собраны летом 2019 г.

Формирование выборки исследования:

проблемы и результаты

Согласно данным исследовательской компании Alexa, ведущей исследовательской организацией в мире в области интернет-трафика, социальная сеть «ВКонтакте» является самым популярным социальным медиа в России. Об этом, в частности, говорят данные за сентябрь 2019 г., согласно которым «ВКонтакте» является вторым по популярности сайтом среди интернет-пользователей в России, уступающий только поисковику «Google»²⁸⁸. Именно поэтому в настоящем исследовании сделан акцент именно на изучении политизированных виртуальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Конечно, в специальной литературе встречается достаточно много публикаций по результатам исследований политической коммуникации в сервисе

²⁸⁷ См. также: *Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А.* Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп ВКонтакте // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 79-93.

²⁸⁸ Top sites - Russia // Alexa.com URL: <https://www.alexa.com/topsites/countries/RU>

микроблогов «Twitter». В частности, нельзя не упомянуть исследования С. С. Бодруновой, К. Р. Нигматуллиной, Б. Этлинга, М. Жеребцова, Д. Стукаля и др.²⁸⁹. Однако, в последние годы «Twitter» потерял популярность в России до такой степени, что даже не вошёл в топ-50 сайтов, согласно уже упоминавшемуся рейтингу компании Alexa.

К сожалению, большое количество исследований с использованием метода сетевого анализа страдают многочисленными ограничениями. Чаще всего сетевые исследования посвящены отдельным аспектам сетевой коммуникации: к примеру, таких как сетевой дискурс²⁹⁰ или вербальная агрессия²⁹¹. Другие ограничения сетевых исследований связаны с тем, что они охватывают достаточно ограниченные географические сегменты сети. В частности, известное исследование С. Сулова сосредоточено исключительно на сетевом пространстве Санкт-Петербурга²⁹², а исследование И. В. Мирошниченко с коллегами — на Краснодарском крае и его органах государственной власти и местного самоуправления²⁹³. Анализ политического дискурса в социальных сетях можно строить вокруг тем обсуждений и при помощи анализа, так называемых, «хештегов»²⁹⁴. Но и в таком случае есть проблемы с обоснованием выборки, так как не всегда хештеги охватывают все посты по конкретной теме.

---

²⁸⁹ Нигматуллина К. Р., Бодрунова С. С. Методика качественного анализа дискуссий в Twitter // Медиаскоп. 2017. № 1. С. 15; Kelly J., Barash V., Alexanyan K., Etling B., Faris R., Urs G., Palfrey J. G. Mapping Russian Twitter // The Berkman Center Research Publication. 2012. Vol. 760. P. 1-60. doi:10.5465/amr.2011.0193; Zhrebtsov M., Goussev S. Kremlin tweets: the politics of social media in Russia // 113th american political science association conference. 2017. 30 p.; Stukal D., Sanovich S., Bonneau R., Tucker J. The Use of Twitter Bots in Russian Political Communication // PONARIS Eurasia Policy Memo. 2019. No. 564. 10 p.

²⁹⁰ Ачкасова В. А., Трохинова О. И. Сетевые средства этнической мобилизации: исследование роли призывов в межэтнических конфликтах // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 5-11.

²⁹¹ Vykov I., Balakhonskaya L., Gladchenko I., Balakhonsky V. V. Verbal aggression as a communication strategy in digital society // Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop. ComSDS 20018. P. 12-14.

²⁹² Сулов С. И. Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «ВКонтакте» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 69-87.

²⁹³ Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А., Ячменник К. В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 1. С. 150-163.

²⁹⁴ Федорченко С. Н. Хэштеги в формировании политической повестки и методологический потенциал Big Data // Журнал политических исследований. 2019. № 1. С. 14-26.

Вообще, проблема обоснования выборки в специальной литературе описывается достаточно слабо. Так, в статье Е. В. Щекотина с коллегами были выделены оппозиционные группы «правых радикалов» и «сторонников А. Навального»²⁹⁵. При этом, для поиска групп «правых радикалов» использовался довольно большой ряд «лингвистических маркеров праворадикальных настроений и ориентаций на основе отбора и анализа специфического праворадикального контента». В него вошли следующие слова и словосочетания: «(бороться|сражаться) & («с хачами»|«с чурками»| «с хачиками»|«с кавказцами»|«с неграми»|«с жидами| «с предателями»), «братъ свободу», «валилово», (выступать против|нападение) & (хохлы|хач|чурка|хачик| кавказец|негр|жид| тварь|мусульмане|ислам), «вязалово», (давить|валить|затыкать| ненавидеть|протестуй| сопротивляться|сдохни|долой| казнить|убивать| расстреливать|уничтожить|уничтожать| презирать) & (тварь|предатель|бандерлог|хунта|бандеровец|хохлы| хач|чурка|хачик|кавказец|негр|жид), (зачистить|очистить) &(тварь|предатель| бандерлог|хунта|бандеровец|хохлы| хач|чурка|хачик|кавказец|негр| жид), «люли», «месиво», (презирать|разжигать) & (ненависть|убийство|репрессии| превосходство|революция|терроризм), «разрушать», «резня», «судилище», «хватит молчать», «хватит прислуживать», «путинская мразь», «пятая колонна», «рашизм», «революция», «кремлевское корыто», «кровавая тюрьма»²⁹⁶. В итоге, в выборку праворадикальных групп вошло 11 сообществ. К сожалению, авторы не представили обоснование выборки для групп «сторонников Навального».

Поиск групп в социальной группе «ВКонтакте» обычно осуществляется с помощью встроенного сервиса поиска групп (см. рис. 4.1). При этом, поиск групп ведется только в названиях (заголовках) групп,

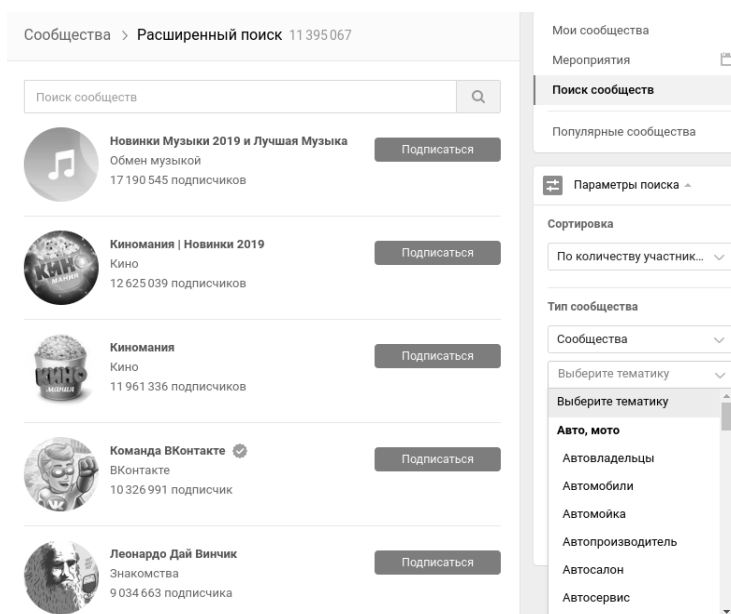
---

²⁹⁵ Щекотин Е. В., Гойко В. Л., Барышев А. А., Кашиур В. В. Влияние парламентских выборов в России на мобилизацию сторонников непарламентской оппозиции // Вестник науки Сибири. 2017. № 3(26). С. 90-107.

²⁹⁶ Там же, с. 97.

что может приводить к формированию крайне нерепрезентативных выборок. К примеру, при запросе по ключевому слову «экология» в автоматическую выборку попадает на два порядка больше групп коммерческого характера, продающих разного рода «экологические» товары и услуги, чем политизированных онлайн-сообществ. Таким образом, проблема заключается в разработке такого алгоритма действий, который бы позволял в обезличенном и автоматизированном режиме сформировать выборку политизированных виртуальных сообществ России. Надо также принять во внимание тот факт, что на момент сбора данных в июле 2019 г. в социальной сети «ВКонтакте» насчитывалось около 190 млн. групп и сообществ. Поиск релевантных групп в таком массиве данных представляется весьма нетривиальной задачей.

Рис. 4.1. Окно поиска сообществ «ВКонтакте»

С самого начала исследования с помощью сетевого анализа мы хотели получить карту политизированных виртуальных сообществ России в социальной сети «ВКонтакте» по состоянию на лето 2019 г. Такая визуализация становится мало выполнимой задачей, если в выборке присутствует слишком много групп. Поэтому, в качестве первоначаль-

ных критериев отбора речь шла о крупнейших сообществах (не менее 1000 участников), достаточно активных (минимум 1 пост за последний месяц), и предполагающие возможность дискуссии (комментарии включены). Поскольку одним из требований нашей выборки было наличие комментариев, постольку не все крупнейшие группы «ВКонтакте» по политической тематике попали в нашу выборку. К примеру, в нашей выборке не оказалось группы «РосПил — война коррупции»²⁹⁷. В этой группе была закрыта возможность комментирования.

Для того чтобы полученная нами картина виртуальных сообществ могла претендовать на какую-то степень репрезентативности и объективности, мы пошли по пути составления списка наиболее частотных ключевых слов, которые используются для описания идеологических направлений и общего интереса к политической тематике. Проблема идеологических дискурсов и идеологической самоидентификации в России является крайне актуальной. Как показывает практика, политические взгляды и идеологические предпочтения можно изучать с помощью традиционных опросных методов, когда респонденты сами причисляют себя к определенному сегменту политического спектра²⁹⁸. Обычно респонденты сами выбирают одну из нескольких идеологий: анархизм, коммунизм, либерализм, консерватизм, национализм, социализм и т.п. При этом, была установлена позитивная возможность использования опросных методов и для определения коммуникационных предпочтений разных групп интернет-пользователей²⁹⁹. В данном исследовании ставилась задача идентификации виртуальных сообществ всего спектра политических идеологий, даже тех, которые можно совершенно спокойно называть маргинальными и которые практически не известны неспециалистам. Поэтому в нашей выборке мы ста-

---

²⁹⁷ РосПил — война коррупции // Vkontakte. 2019. URL: <https://vk.com/rospil>

²⁹⁸ *Попова О. В.* Политическая самоидентификация жителей Санкт-Петербурга: по данным эмпирического исследования 2015 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 2. С. 30-41.

²⁹⁹ *Мартьянов Д. С., Быков И. А.* Идеологическая сегрегация и цифровое неравенство в российском Интернет-сообществе // Социодинамика. 2018. № 4. С. 43-55.

рались охватить и такие идеологические дискурсы и комплексы политизированных воззрений как либертарианство, феминизм, «зеленые», патриотизм, а также нейтральные политизированные сообщества.

Очевидно, что идеологические дискурсы опираются на ключевые слова и фразы, с помощью которых их можно идентифицировать. Для составления списка ключевых слов мы выделили несколько наиболее популярных групп, которые очевидным образом соответствовали конкретным идеологическим течениям, а затем воспользовались сервисом автоматического анализа Popsters³⁰⁰ и произвели автоматическое реферирование контента этих групп. Из общего списка слов, выявленных методом реферирования были выбраны по 10 наиболее часто встречаемых слов, характерных для каждой идеологии.

Затем мы использовали онлайн-сервис составления социальных ассоциаций Sociation³⁰¹, чтобы расширить список, сформированный методом автоматического реферирования. Для этого 5 экспертов сформировали список из 5-10 слов по каждой идеологии, который был объединен со списком, полученным методом автоматического реферирования. Третья часть слов была предложена экспертами, дополнившими общий список теми ключевыми словами, которые, по их мнению, имели отношение к каждой из идеологий, но были не учтены при формировании списка на первых двух этапах.

На последнем этапе формирования списка ключевых слов в ходе экспертного анализа был произведен отсев менее релевантных слов. В итоге был составлен список из 100 ключевых слов, которые по нашему мнению могли быть использованы для автоматического поиска политизированных интернет-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» с помощью специального алгоритма. Полный список ключевых слов включал следующие слова и словосочетания: *«анархия, безвластие,*

---

³⁰⁰ <https://popsters.ru/>

³⁰¹ <https://sociation.org/>

беспредел, бюрократия, власть, война, выборы, геноцид, геополитика, глобальный, голосование, государство, гражданин, Гринпис, губернатор, движение, демократия, депутат, Дума, Единая Россия, женщина, жертва, загрязнение, закон, идеология, империя, кандидат, капитализм, коммунизм, коммунист, консерватизм, конституция, коррупция, КПСС, культура, Ленин, либерализм, лидер, манипуляция, Маркс, матриархат, менталитет, митинг, мусор, Навальный, народ, нацизм, национализация, национализм, национальность, нация, независимость, новости, общество, окружающая среда, парламент, партия, патриархат, патриотизм, пенсия, политика, порядок, права, правительство, природа, пропаганда, против, протест, Путин, рабочий, равенство, равноправие, революция, реформа, Россия, русский, самодержавие, свобода, сексизм, серп и молот, социализм, справедливость, СССР, Сталин, страна, строй, США, фашизм, феминизм, хачи, царь, церковь, чиновник, экология, эмансипация, Энгельс». Данный подход напоминает метод, использованный в уже упоминавшемся исследовании Щекотина с коллегами. Похожую методику использовали Н. Н. Зильберман и Н. А. Мишанкина для выявления интернет-групп с рефлексией о «советском прошлом» использовались поисковые запросы по двум ключевым словам – «СССР» и «Советский Союз»³⁰².

Первоначально, созданный с помощью специалистов Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета, алгоритм в автоматическом режиме выдал список из 19243 групп и страниц, которые удовлетворяли первоначальным требованиям по активности и по соответствию ключевым словам. Очевидно, что проведение ручной верификации данных в сжатые сроки было неразумным. Поэтому критерии были несколько ужесточены: из поиска были исключены страницы (оставлены только

---

³⁰² Зильберман Н. Н., Мишанкина Н. А. «Советское» в рефлексии пользователей интернет-сообществ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 43.

группы), уменьшен период активности (до 10 дней) и увеличено количество подписчиков (до минимум 4000 человек). В результате этих манипуляций мы ожидали существенного уменьшения общего количества групп. Так и случилось. При повторном поиске было выявлено 2693 группы, которые и были подвергнуты оценке вручную. Из выборки были исключены номинальные сообщества, в которых дискуссия в комментариях либо отсутствовала, либо носила крайне непостоянный характер. Также из выборки были исключены многочисленные сообщества, которые несмотря на формальное наличие ключевых слов не являлись политизированными. В результате ручного отсева у нас осталось всего 65 групп, которые, тем не менее, сформировали выборку, в которой оказались представленными все необходимые идеологические сегменты. В каждом сегменте оказалось сразу несколько виртуальных сообществ. Таким образом, произошло стихийное квотирование выборки.

Таблица 4.1. Категории и примеры ключевых слов и групп в «ВКонтакте»

Категории виртуальных сообществ	Примеры ключевых слов	Примеры групп
Часть «А» - дискурсивные сообщества		
Общеполитические	Политика, власть	Новости Горного Алтая
Либеральные	Гражданин, право, свобода, закон	Классический либерал
Консервативные	Национальный, Россия, страна	ДВИЖЕНИЕ «ЦАРСКИЙ КРЕСТ»
Социал-демократические	Социализм, равноправие, капитализм, рабочий	Русский социализм
Коммунистические	СССР, Сталин, Ленин, коммунизм	Иосиф Сталин
Националистические	Империя, русский	ВЕЛИКАЯ РУСЬ! Русские не сдаются!
Анархистские	Анархизм, против, революция	Классическая анархия
Феминистские	Женщина, феминизм, сексизм	Школа феминизма
Часть «Б» - институционализованные сообщества		
Государственные структуры	Государство, правительство	Государственная Дума
Политические партии	Партия	Справедливая Россия
СМИ	Новости	РИА Новости
Общественные организации	Общество	Гринпис

Вторая часть выборки также была сформирована с помощью встроенного механизма поиска групп в «ВКонтакте». Однако в данном случае выбор групп осуществлялся вручную и заключался в подборе групп по категориям «СМИ», «хобби» (политика), «политические партии», «общественные организации». Критерии по активности и количеству подписчиков были те же, что и в первой части выборки. При выборе групп в категории «СМИ» мы также ориентировались на данные компаний «Медиалогия» и «Медиаскоп», которые ежемесячно размещают на своих сайтах рейтинги наиболее популярных СМИ России»³⁰³. Оказалось, что не все крупнейшие СМИ имеют официальные группы в «ВКонтакте», которые мы могли бы отнести к виртуальным сообществам и которые бы удовлетворяли всем необходимым требованиям. Также было добавлено большое количество политических партий, которые ранее не были отобраны с помощью ключевых слов. К примеру, группу ЛДПР невозможно найти в поиске по ключевому слову «партия». В табл. 4.1 представлены примеры категорий виртуальных сообществ, ключевых слов и самих групп, попавших в окончательную выборку. В конечном итоге в выборку вошло 115 виртуальных сообществ самой массовой российской социальной сети «ВКонтакте». Для наиболее заинтересованных читателей следует указать, что полный список групп и их сегментирование по идеологическим направлениям представлены в приложении 1.

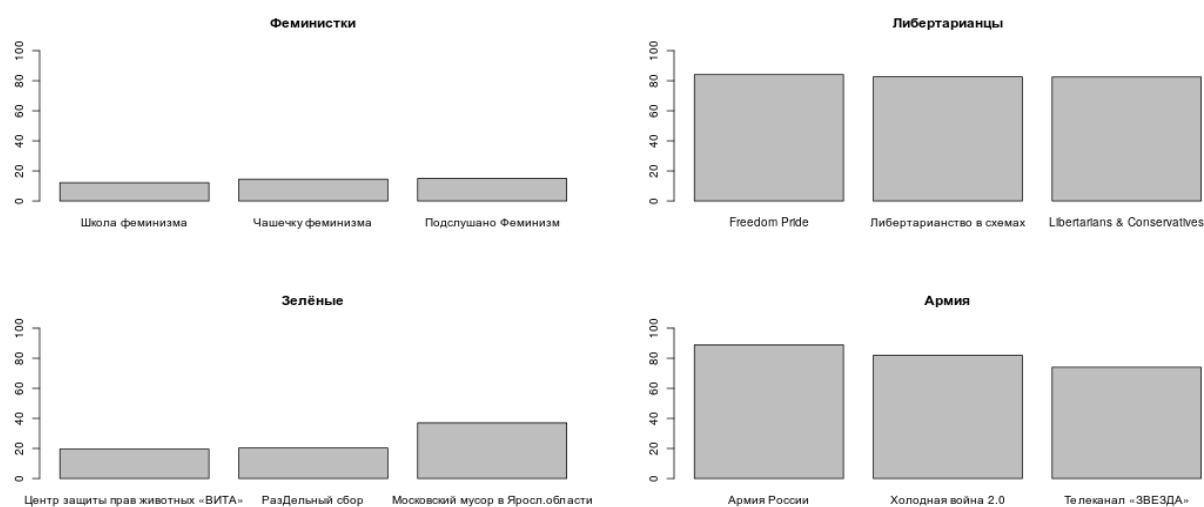
Аудитория политизированных виртуальных сообществ: социально-демографические характеристики

После формирования выборки групп последовал этап «выкачивания» данных. Оказалось, что речь идет о по-настоящему больших данных. Так, в нашей выборке виртуальные сообщества насчитывали от нескольких тысяч до нескольких миллионов членов. К примеру, группа

³⁰³ Медиалогия <https://www.mlg.ru/>, Медиаскоп <https://mediascope.net/>

«РИА Новости» в «ВКонтакте» насчитывала 2 407 319 подписчиков, а группа «Лентач» – 2 125 808 подписчиков. Однако нам удалось собрать данные о том, какие пользователи являются членами виртуальных сообществ с целью выявления наиболее влиятельных сообществ и направленности информационного влияния, а также данные о социально-демографических характеристиках членов сообществ (возраст, пол, страна проживания, город, вуз, идеологические воззрения). Данные о пересечениях сообществ (членстве в группах) были «выкачаны» полностью, данные о социально-демографических характеристиках для небольших групп (до 10 тыс. Подписчиков) тоже полностью, а для больших групп — частично на основе случайно выборки в 10 тыс. человек, что вполне достаточно для создания представления о социальном составе каждой группы.

Рис. 4.2. Доля мужчин в группах разной тематической и идеологической направленности (в %)

В плане гендерного распределения было выявлено, что большинство участников политизированных сообществ относятся к мужчинам. Медианный показатель доли мужчин в группах составил 67,49 % (арифметическая средняя — 61,91 %). Особенно большое число мужчин оказалось в группах консервативной и военной темати-

ки. Наименьшее число — в группах экологической и феминистской тематики. На рис. 4.2 представлено наглядное сравнение процента мужчин в такого рода группах: слева можно видеть процент участников мужского пола в феминистских и экологических сообществах, а справа — либертарианских группах и группах по армейской тематике.

В результате анализа возрастной структуры участников виртуальных сообществ было выяснено, что они в целом очень молоды. Это отражает специфику аудитории членов социальной сети «ВКонтакте», которая формировалась и функционирует как социальная сеть для молодежи. Медианный возраст вошедших в выборку групп варьируется от 19 до 40 лет. Нам не удалось выявить значимой возрастной разницы между сегментами идеологической направленности. К примеру, группы средств массовой информации охватывают весь диапазон возрастов: от Телеканала СПАС (медианный возраст — 38 лет) до «Медузы» (медианный возраст — 24 года). Также сообщества с коммунистической ориентацией нашлись среди разных поколений: «Революционная рабочая партия» (25 лет), «Иосиф Сталин» (31 год), «СССР 2.0» (33 года), «Союз Красных Групп и всех верных СССР» (40 лет). Единственный сегмент с ярко-выраженной молодежной аудиторией — это группы анархистов: «Мама анархия» (19 лет), «Панк и политика» (25 лет), «оДЕКВАТНАя Анархия™ (25 лет) и «Классическая анархия» (26 лет). Очевидно, что анархистские сообщества привлекают внимание самой молодой аудитории социальной сети.

Попытки анализа других социально-демографических характеристик столкнулись с некоторыми трудностями. Оказалось, что всего 69,8 % участников виртуальных сообществ указали в качестве места проживания Россию. При этом, 30,18 % участников не указали города проживания. Понятно, что пользователи имеют полную возможность экспериментировать со своими профилями и довольно часто указывают совершенно гипотетические места обитания. Более того, 89,22 %

пользователей просто не указали в своем профиле вуз, который они окончили. Признаться, эта цифра поставила нас в тупик, и этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Более интересной стала информация о политических предпочтениях пользователей. Как известно, «ВКонтакте» позволяет своим пользователям указать один из девяти вариантов политических взглядов: (1) индифферентные, коммунистические, социалистические, умеренные, либеральные, консервативные, монархические, ультраконсервативные, либертарианские. Оказалось, что всего 9,98 % пользователей политизированных виртуальных сообществ в принципе указали один из девяти вариантов. Иными словами, более 90 % пользователей политизированных сообществ не сочли нужным подтвердить свой интерес к политике. Даже в группах четкой идеологической ориентацией процент пользователей с соответствующей идеологией не так высок. К примеру, рекордсменом выступили группа «Либертарианская партия России (ЛПР)», в которой 12,13 % подписчиков отметили в своих профилях, что их политические взгляды либертарианские. На втором месте оказалась группа «Коммунистическая партия РФ (КПРФ)», в которой 9,41 % участников имели коммунистические взгляды, а ещё 3,52 % – социалистические. Всё это говорит о слабой идеологической самоидентификации пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Граф политизированных виртуальных сообществ в «ВКонтакте»: общая характеристика

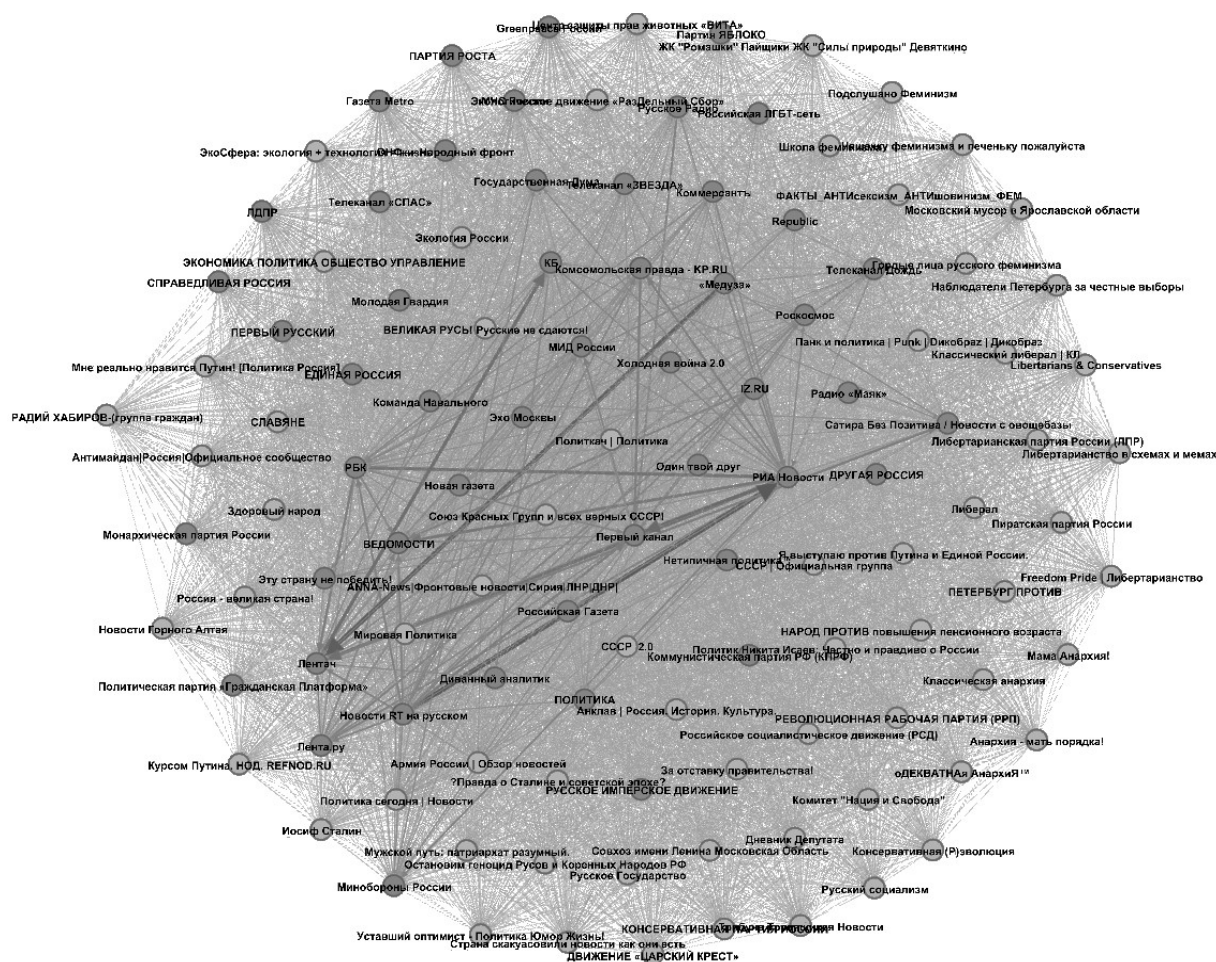
Сетевой анализ связей между сообществами производился с помощью программы Gephi³⁰⁴. В качестве основного критерия был выбран факт членства пользователей в тех или иных сообществах. Было установлено, что все группы, включенные в выборку, связаны

---

³⁰⁴ Открытая платформа визуализации графов Gephi // Gephi URL: <https://gephi.org/>

между собой через своих подписчиков. Разумеется в каких-то случаях речь шла об одном общем подписчике (например, между группой «Центр защиты прав животных «Вита»» и группой «РАДИЙ ХАБИРОВ»), а в каких-то — о 285818 общих членах (на пример, «Новости RT на русском» и «РИА Новости»). Визуализация связей между группами с помощью алгоритма Expansion показала, что в центре построенного графа находятся преимущественно институционализованные сообщества, а дискурсивные сообщества — преимущественно на периферии (рис. 4.3).

Рис. 4.3. Карта политизированных виртуальных сообществ в «ВКонтакте» (июль 2019 г.)

На рис. 4.4 представлена карта политизированных виртуальных сообществ дискурсивной части выборки (Часть «А»). Мы видим, что в

центре графа находятся несколько сообществ, которые условно можно отнести к сообществам мейнстримной тематики, связанной с внешней политикой и патриотической тематикой. В каком-то смысле можно говорить о наличии некоего центрального кластера. Вместе с тем, большинство из сообществ находятся на периферии графа вне зависимости от идеологического спектра. Очевидно, такая ситуация связана с тем, что на фоне институционализированных групп интересов виртуальные сообщества, основанные на принципе обмена мнениями оказываются в слабой позиции. У них не хватает организационных и коммуникативных ресурсов для продвижения в социальной сети.

Рис. 4.4. Карта политизированных виртуальных сообществ в «ВКонтакте» (часть «А», июль 2019 г.)

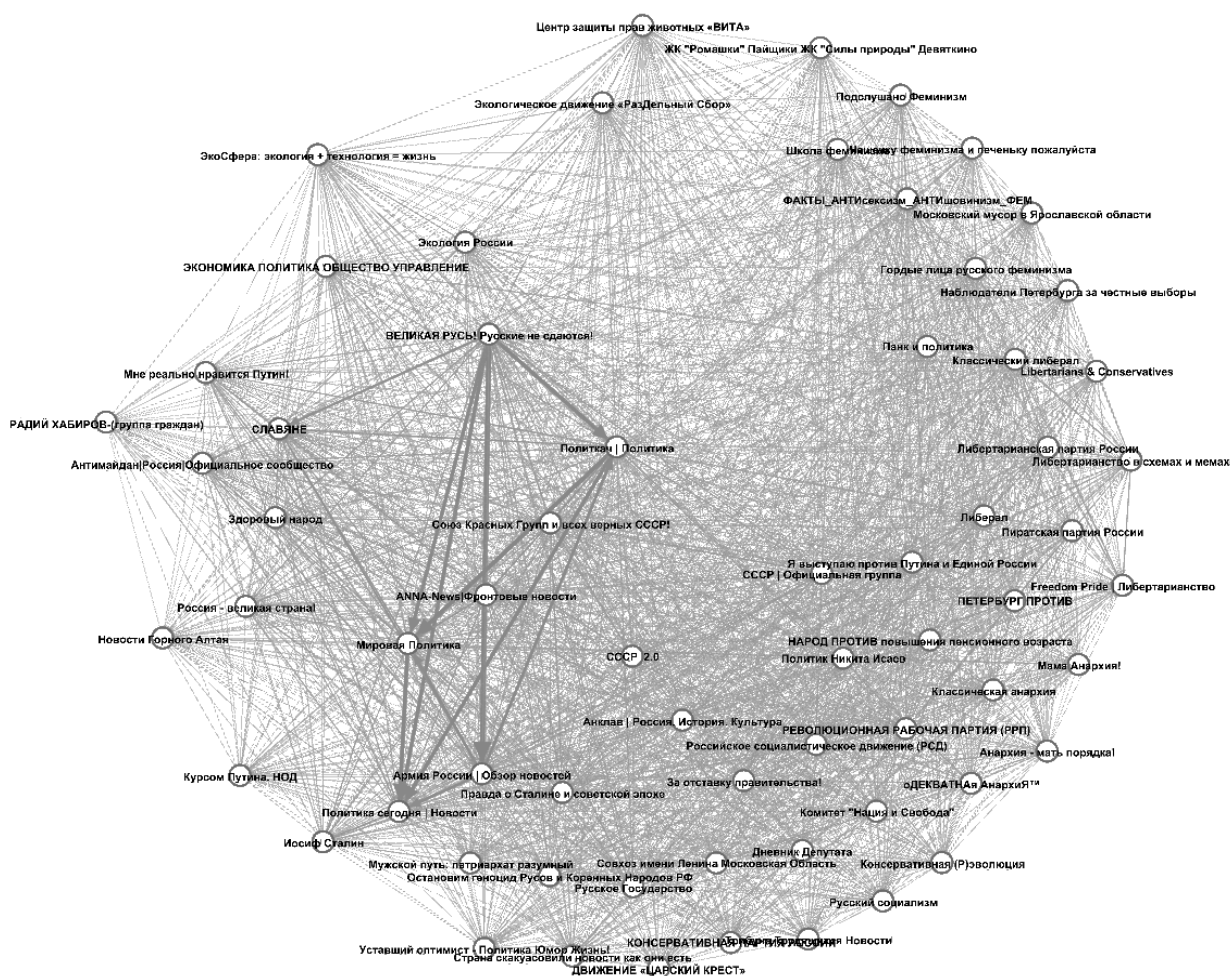
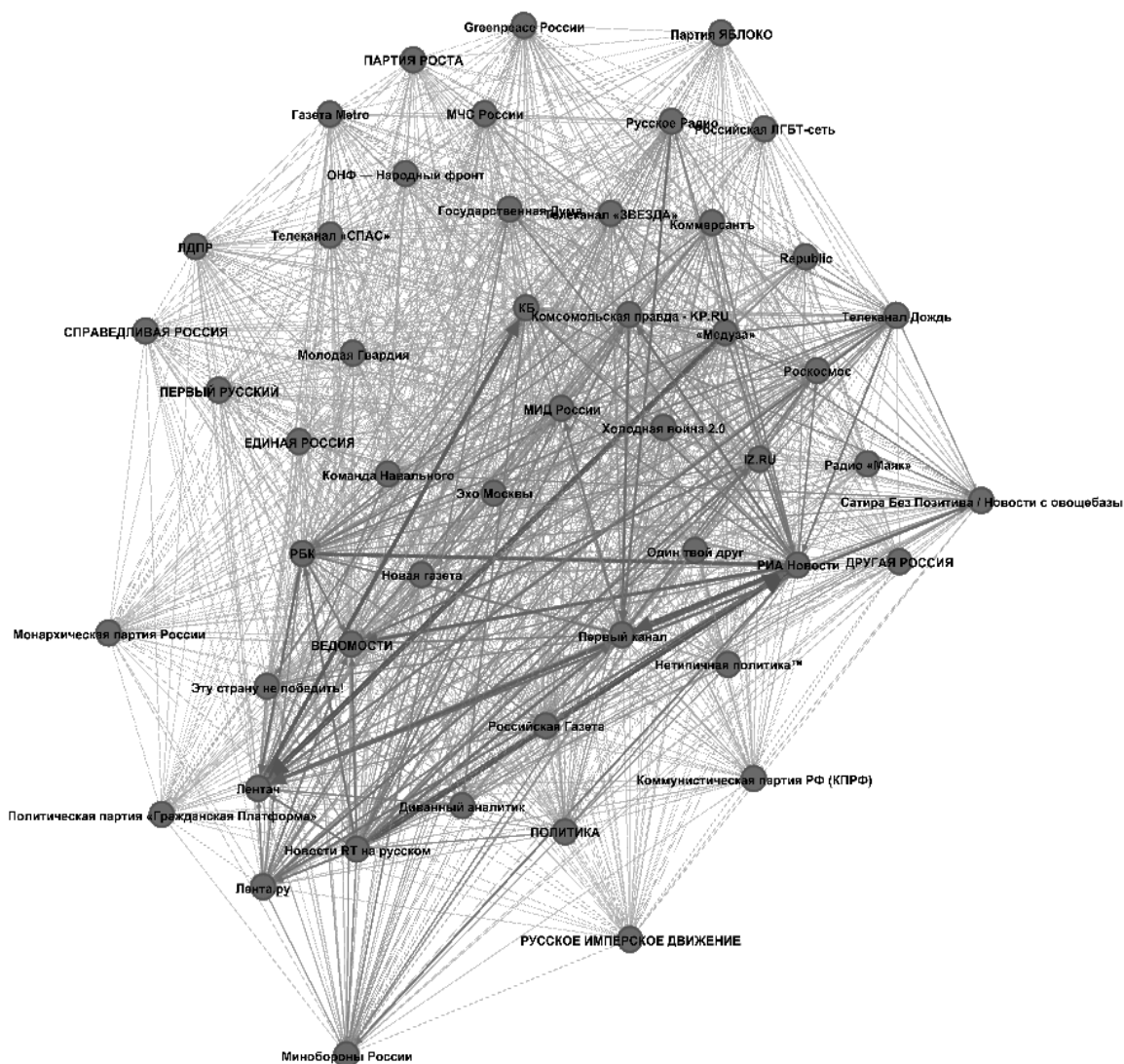

Рис. 4.5. Карта политизированных виртуальных сообществ в «ВКонтакте» (часть «Б», июль 2019 г.)

Совершенно иная картина складывается в части «Б» (см. рис. 4.5). Хорошо видно, что большинство групп находятся в центре общего графа. При этом, большинство центральных групп относятся к средствам массовой информации. «Первый канал», «РИА Новости», «Лентач», «Медуза», «Эхо Москвы», «Ведомости», «РБК» и другие СМИ фактически доминируют в графе и формируют самые сильные связи. Очевидно, что масс-медиа обладают максимальными коммуникационными ресурсами для привлечения внимания пользователей, в то время как

другие институционализованные группы типа политических партий, министерств и других официальных структур могут продвигаться за счет организационного ресурса. Не все результаты визуализации на первый взгляд выглядят понятными. Так, группы «Партия Яблоко» и «Партия Роста» находятся на самом краю графа, почти также далеко от центра как и группы «Русское монархическое движение» и «Монархическая партия России». Это кажущийся удивительным факт объясняется достаточно просто, если мы посмотрим на количество подписчиков и интенсивность общения в группах, которые на момент исследования находились на примерно одинаковом уровне. Очевидно, что большинство политизированных виртуальных сообществ из части «А» относятся к разряду маргинальных или, что более точно передает смысл сетевого анализа, периферийных.

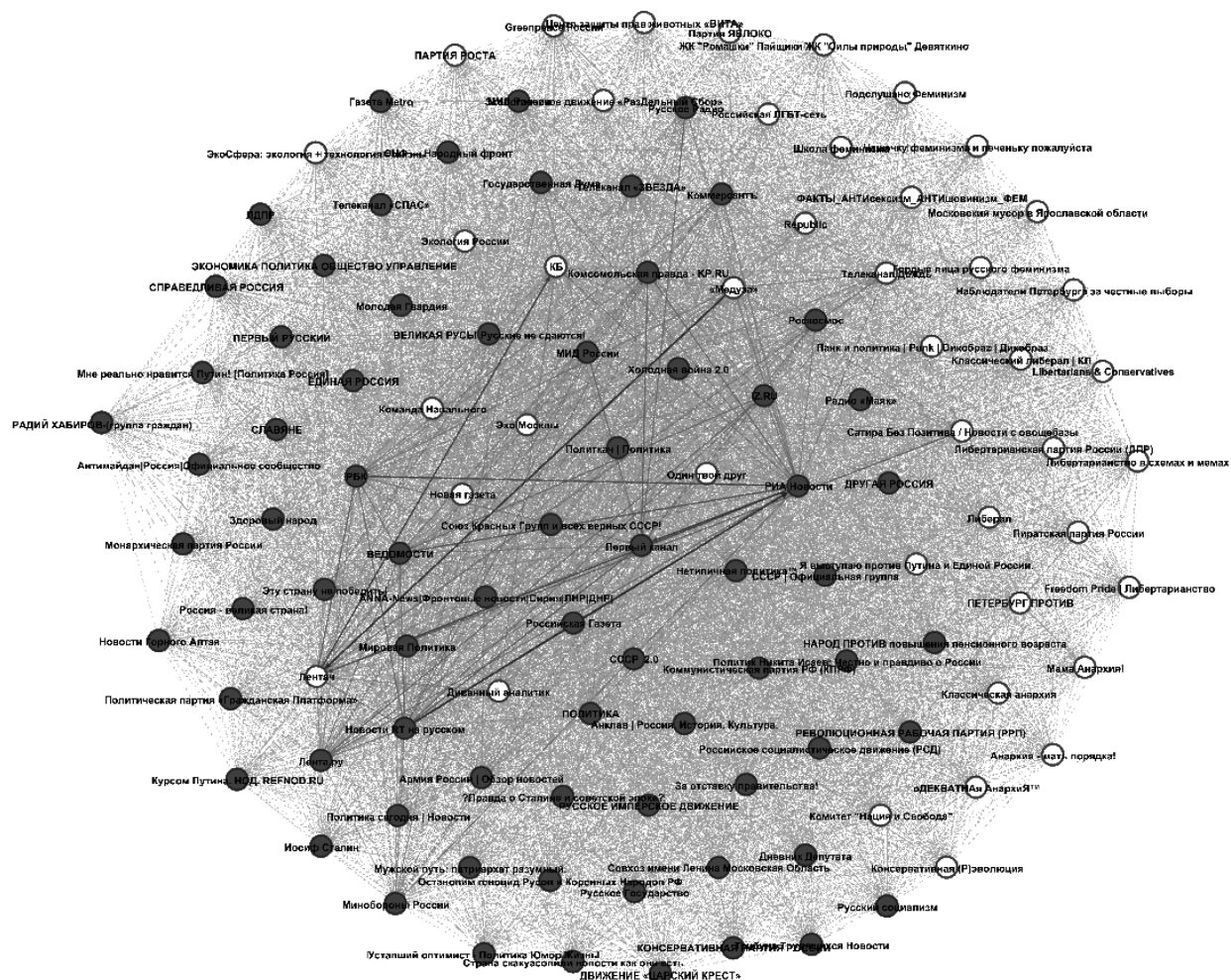
Сегрегация политизированных виртуальных сообществ в «ВКонтакте»

Также нами была предпринята попытка выявления кластеризации политизированных виртуальных сообществ с использованием алгоритма Expansion и понятия модулярности, то есть меры качества кластеризации. Изложенная ниже методика частично опирается на разработки Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета³⁰⁵. В свете теории графов сообщество – это определенная группа вершин, где связи внутри группы гораздо плотнее, чем вне группы. Таким образом, мы можем попытаться выявить наличие структуры в нашей выборке.

---

³⁰⁵ Анализ и визуализация эго-сети на примере аккаунта сети «ВКонтакте» с помощью «Gephi» // Центр социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета. 3 сентября 2015 г. URL: <https://rcsoc.spbu.ru/v-pomoshch-polzovatelyam/433-gephi-analiz-i-vizualizatsiya-ego-seti-na-primere-akkaunta-vkontakte-vk-com.html>

Рис. 4.6. Официальный и оппозиционный кластеры политизированных виртуальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

Самой популярной и общепризнанной мерой качества для данной задачи является значение модулярности (modularity). Функционал был предложен Ньюманом и Гирваном в ходе разработки алгоритма кластеризации вершин графа³⁰⁶. Модулярность количественно описывает неформальное определение структуры сообществ, данное выше. В нашем случае если значение модулярности равно 0,51, мы можем увидеть формирование двух больших сегментов или кластеров (рис. 4.6). 62,61 % выборки относится к государственно-патриотическому

³⁰⁶ Newman M., Girvan M. (2004) Finding and evaluating community structure in networks // Physical Review. Vol. 69. pp. 26-113.

(«лоялистскому») сегменту (темные узлы), оставшиеся 37,39 % – к оппозиционно-западническому («антилоялистскому») сегменту (белые узлы). В специальной литературе уже встречались попытки деления информационного пространства России на два больших сектора – провластный и оппозиционный³⁰⁷. Более того, в чем-то это разделение воспроизводит исторический раскол на «западников» и «славянофилов».

Ранее нами уже предпринималась попытка выявления идеологической сегрегации интернет-пользователей в Санкт-Петербурге с помощью метода опроса с последующим анализом стандартизированных остатков, который показал, что утверждать о существовании эхокамер в Рунете можно лишь отчасти, с большими оговорками³⁰⁸. Существенным ограничением метода телефонного опроса является его оторванность от реальных пользователей сети Интернет. В данном случае мы попытаемся визуализировать существующие разломы между идеологизированными виртуальными сообществами и сообществами крупнейших СМИ.

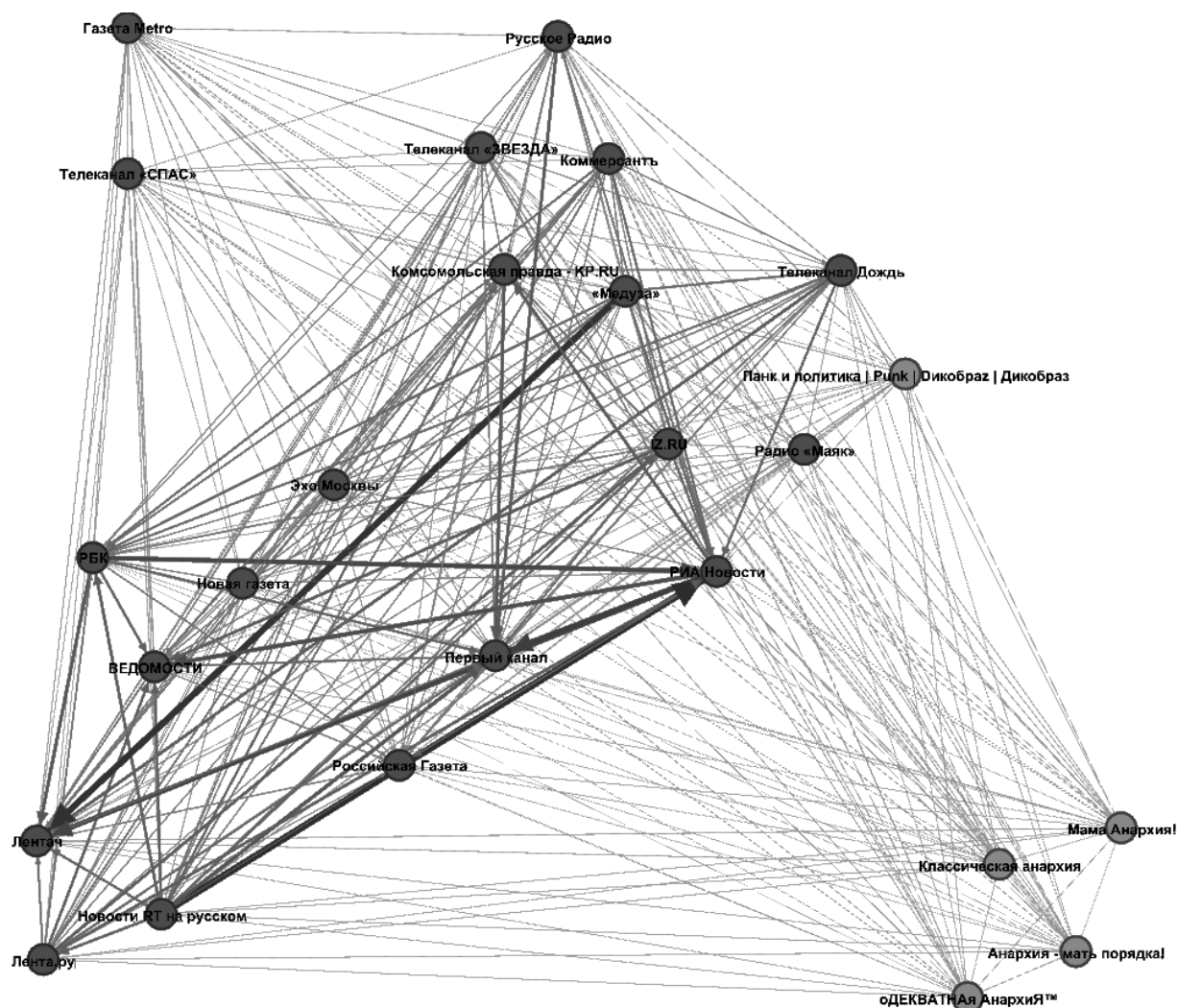
На рис. 4.7 представлены виртуальные сообщества анархистов, вошедших в выборку (всего 5). Четыре из них находятся очень близко друг к другу, только одно сообщество «Панк и политика» располагается в значительном удалении. При этом, виртуальные сообщества анархистов находятся на достаточном удалении от групп СМИ за исключением уже упоминавшегося сообщества «Панк и политика». При этом, нужно учитывать, что виртуальные сообщества анархистов относятся к оппозиционному кластеру графа.

---

³⁰⁷ *Toepfl F., Litvinenko A.* (2018) Transferring Control from the Backend to the Frontend: A Comparison of the Discourse Architectures of Comment Sections on News Websites Across the Post-Soviet World // *New Media and Society*. Vol. 20(8). pp. 2844-2861.

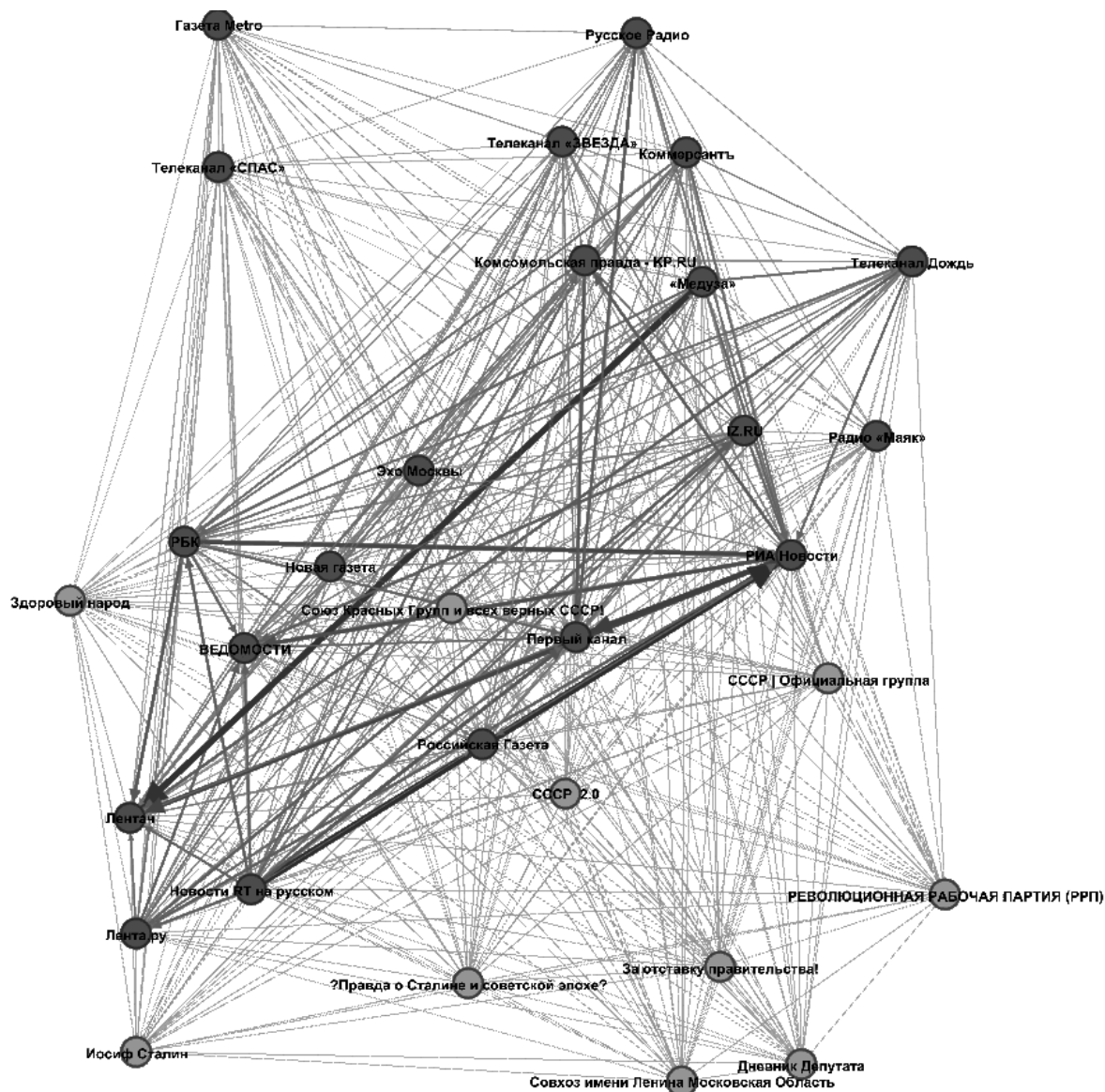
³⁰⁸ *Martyanov D., Bykov I.* (2017) Ideological Segregation in the Russian Cyberspace: Evidences from St. Petersburg // *Digital Transformation and Global Society*. St Petersburg: Springer, 2017. pp. 259-269.

Рис. 4.7. Виртуальные сообщества анархистов и группы крупнейших СМИ в социальной сети «Вконтакте»

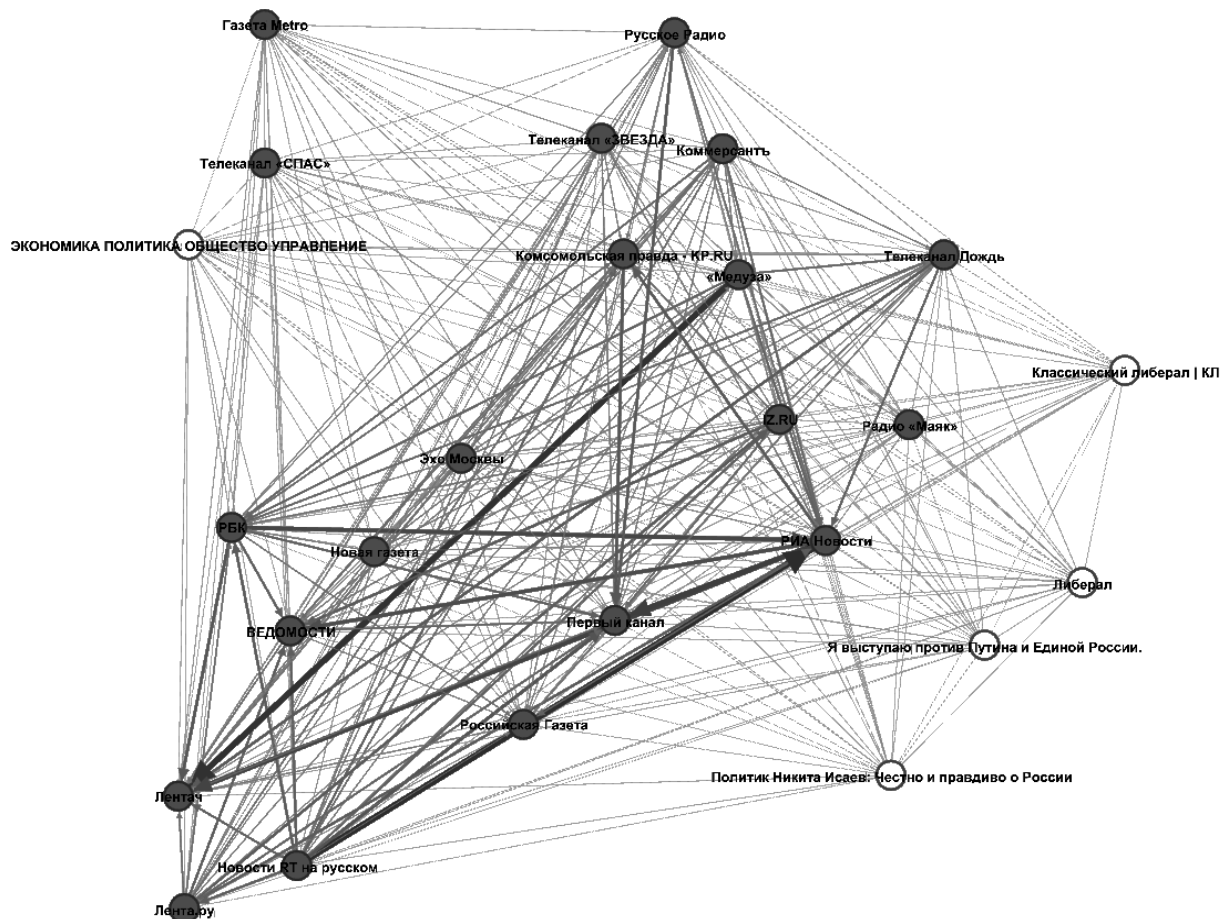
На рис. 4.8 представлены виртуальные сообщества коммунистов, вошедших в выборку (всего 10). В данном случае очень четко видно, что группа коммунистических сообщества очень сильно разрознена: половина из них находится на периферии, а другая — ближе к группам СМИ. При этом, коммунистические сообщества относятся к сектору про-властных виртуальных сообществ.

Рис. 4.8. Виртуальные сообщества коммунистов и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

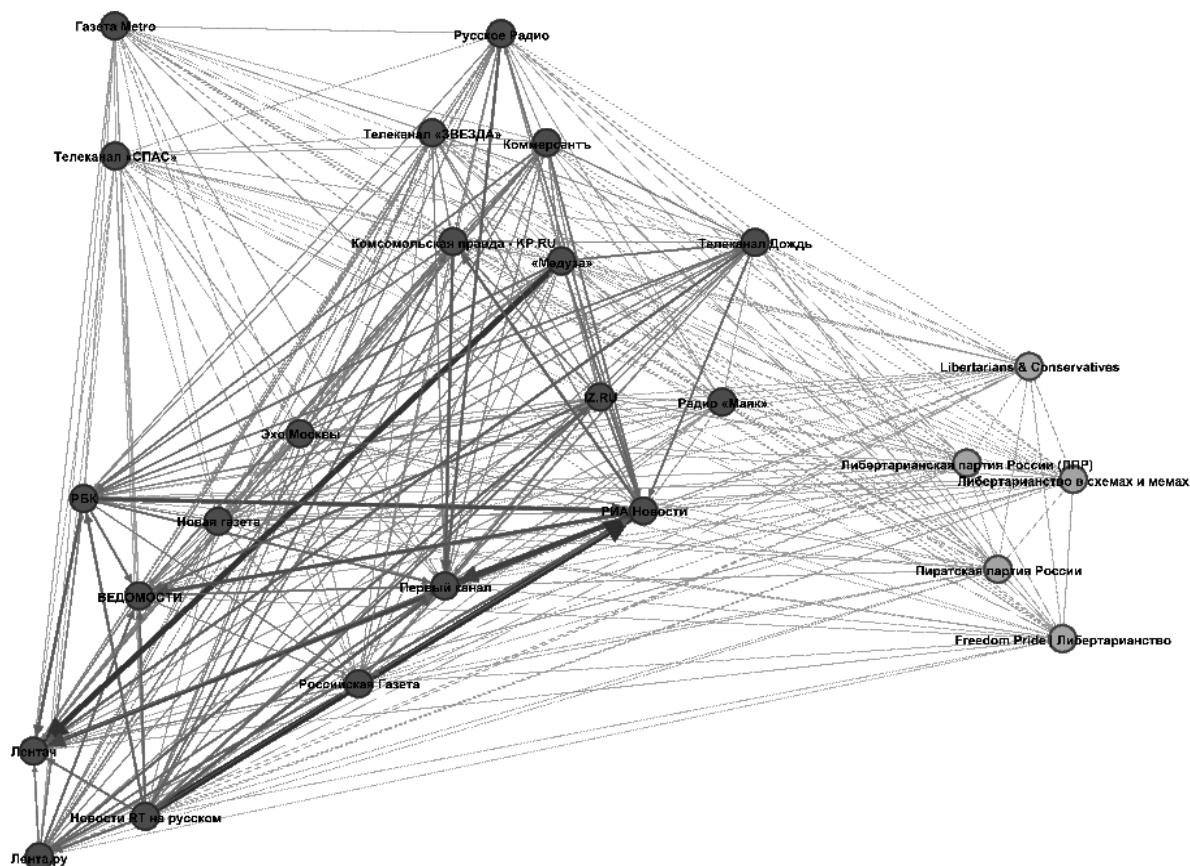
На рис. 4.9 представлены виртуальные сообщества сторонников либерализма, вошедших в общую выборку (5). В данном случае сообщества либералов не формируют тесной группы, находясь в позиции полупериферии. Часть виртуальных сообществ сторонников либерализма относятся к сектору оппозиционного дискурса, а часть — к про-властному (см.: «Экономика Политика Общество Управление» и «Политик Никита Исаев»). Очевидно, речь может идти о, так называемых, «системных либералах».

Рис. 4.9. Виртуальные сообщества сторонников либерализма и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

На рис. 4.10 представлены виртуальные сообщества сторонников либертарианства, вошедших в общую выборку (всего 5). В данном случае сообщества формируют тесную когорту, находясь в позиции периферии и оппозиционного дискурса. Сторонники либертарианской идеологии сформировали в Рунете сплоченные группы и какими бы малочисленными они не были, стоит обратить пристальное внимание на их деятельность.

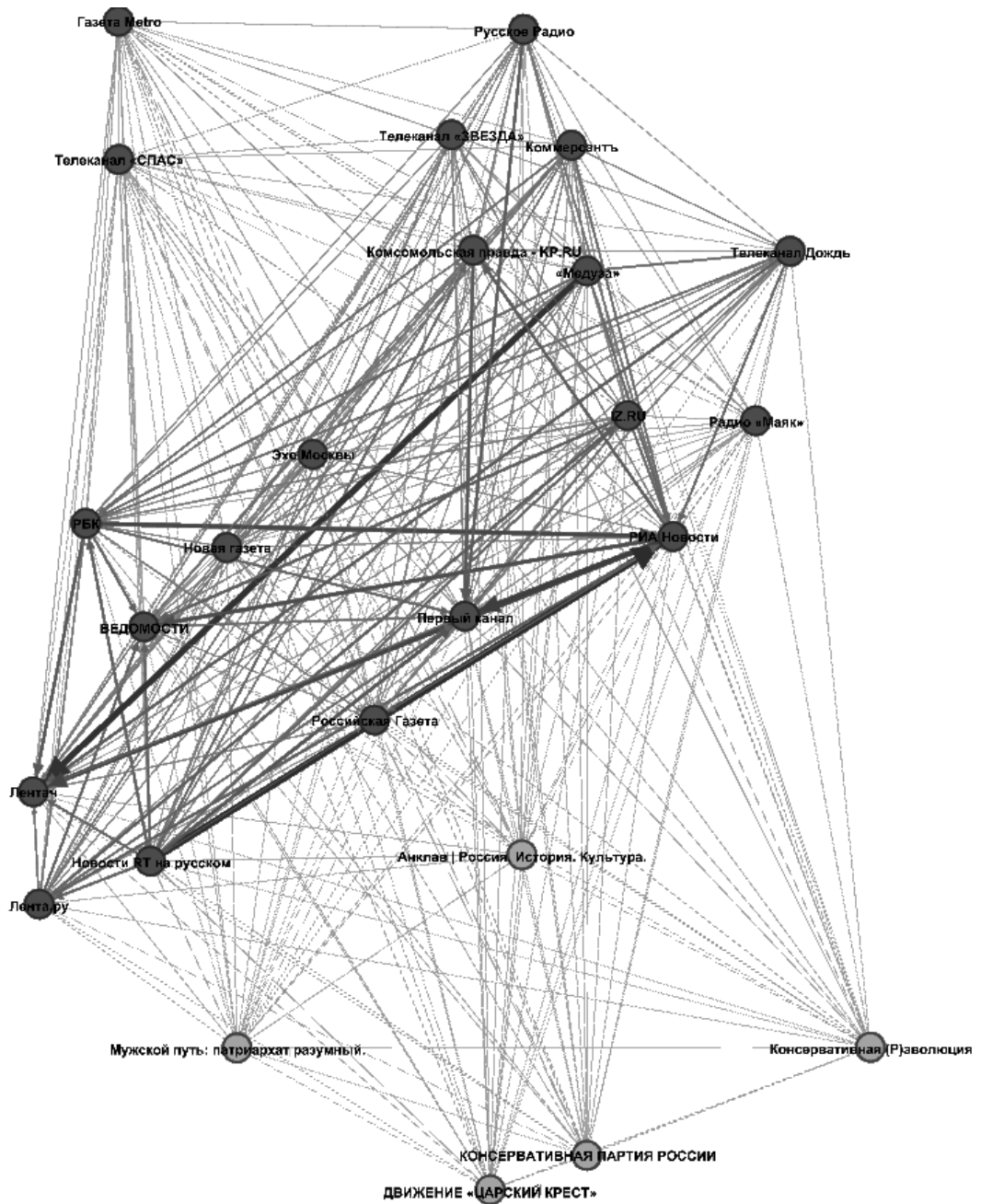
Рис. 4.10. Виртуальные сообщества сторонников либертарианства и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

На рис. 4.11 представлены виртуальные сообщества сторонников консерватизма (всего 5). Они довольно разобщены, находясь в позиции периферии и полупериферии. Как и в случае с сообществами коммунистов, разобщенность консерваторов связана с тем, что часть из них относятся к оппозиционному сегменту (это группа «Консервативная революция»), а другая часть — к про-властному (все остальные).

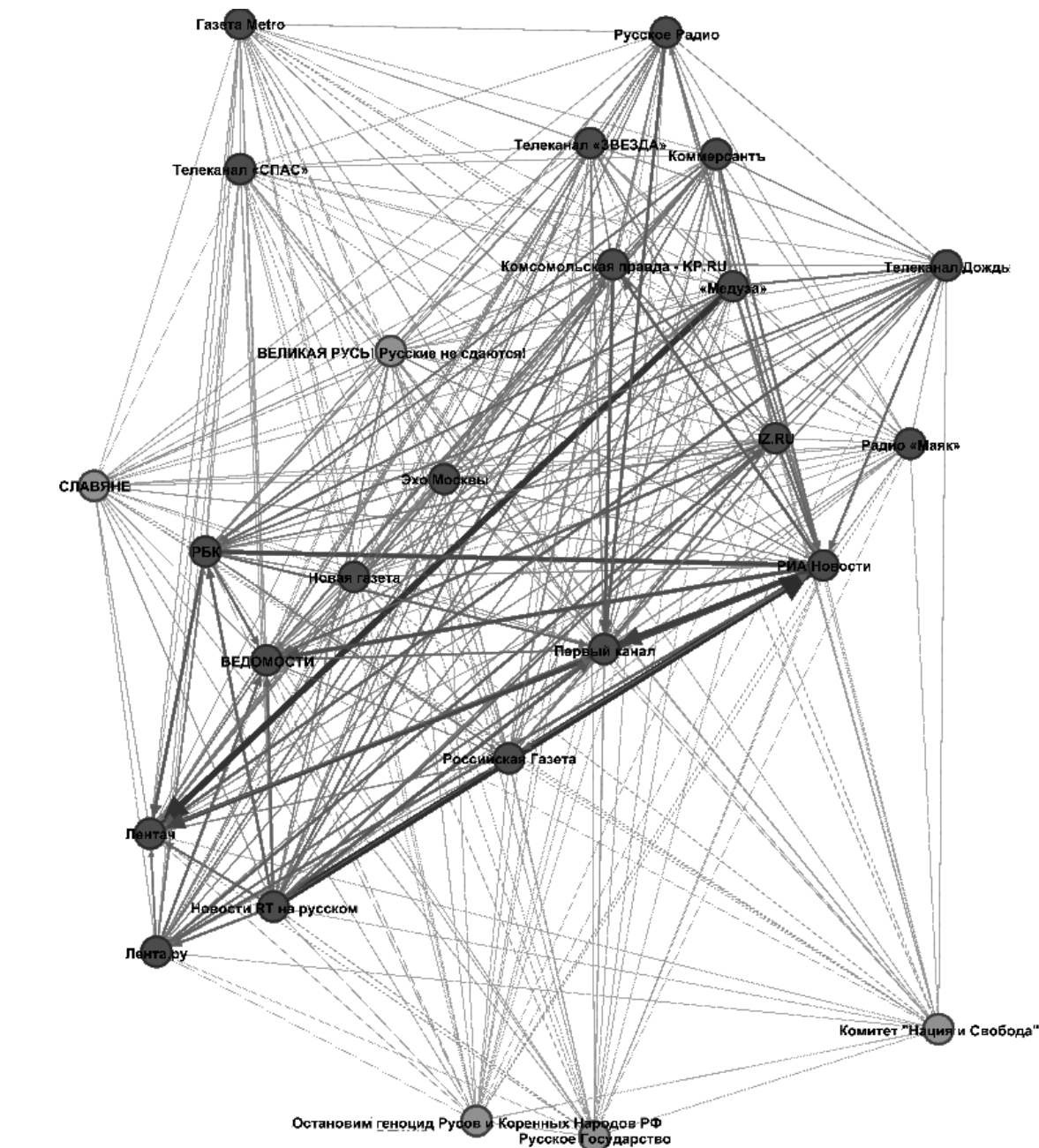
Рис. 4.11. Виртуальные сообщества сторонников консерватизма и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

На рис. 4.12 можно увидеть сообщества националистов (всего 5). Они тоже очень сильно разбросаны по графу от периферии до центра. Одна из этих групп относится к сектору оппозиционного идеологического дискурса (группа Комитет «Нация и Свобода»). Опять же мы видим, что причиной разобщенности идеологической группы находится в

области отношения к дихотомии про-властных и оппозиционных отношений.

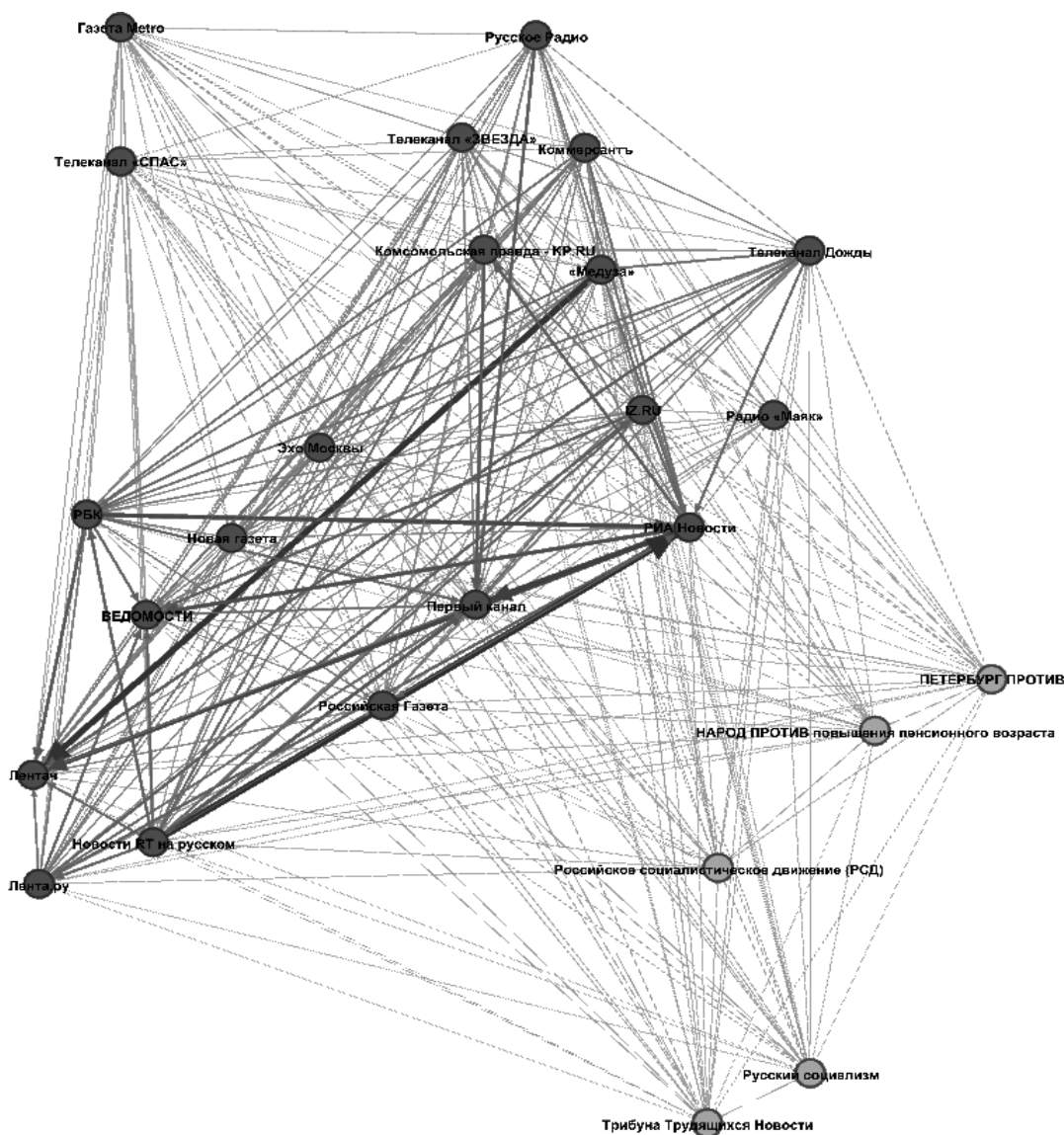
Рис. 4.12. Виртуальные сообщества националистов и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

На рис. 4.13 представлены виртуальные сообщества сторонников социализма (всего 5). Они тоже разбросаны и причина та же: одна из

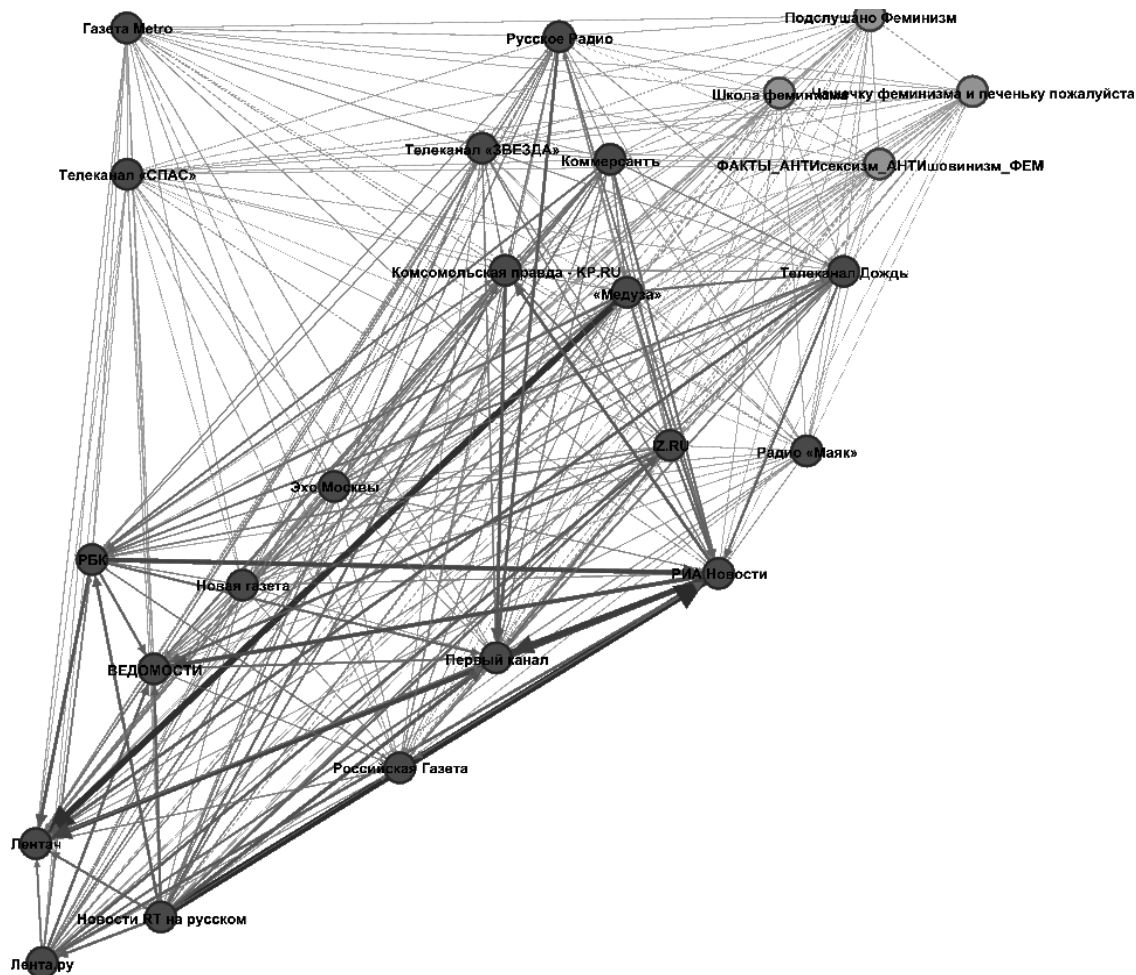
этих групп относится к сектору оппозиционного идеологического дискурса (группа «ПЕТЕРБУРГ ПРОТИВ»).

Рис. 4.13. Виртуальные сообщества сторонников социализма и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

На рис. 4.14 представлены виртуальные сообщества сторонников феминизма (всего 5). Они формируют сплоченную группу оппозиционного сектора, находясь на периферии графа политизированных сообществ «ВКонтакте». Можно сказать, что это второй случай сильной сегрегации виртуальных сообществ после группы либертарианцев.

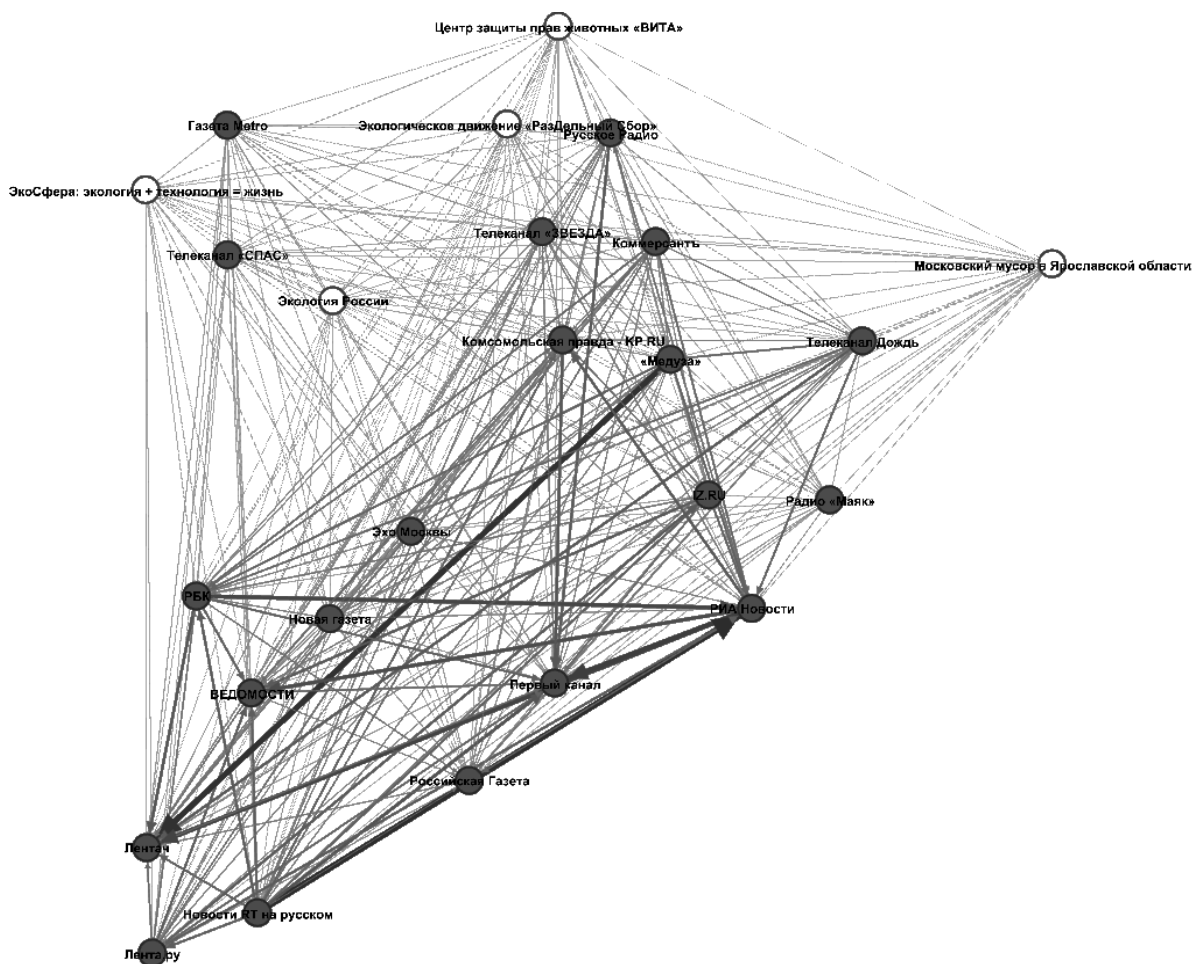
Рис. 4.14. Виртуальные сообщества сторонников феминизма и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

На рис. 4.15 представлены виртуальные сообщества «зеленых» (всего 5). Они довольно разобщены, находясь в позиции периферии и полупериферии. Как и в случае с сообществами коммунистов, националистов и социалистов, нам бы хотелось утверждать, что разобщенность «зеленых» связана с тем, что часть из них относятся к оппозиционному сегменту, а другая — к про-властному. Однако, это не так — все сообщества «зеленых» относятся к оппозиционному сегменту графа. Вероятно, их разобщенность связана с ситуационной зависимо-

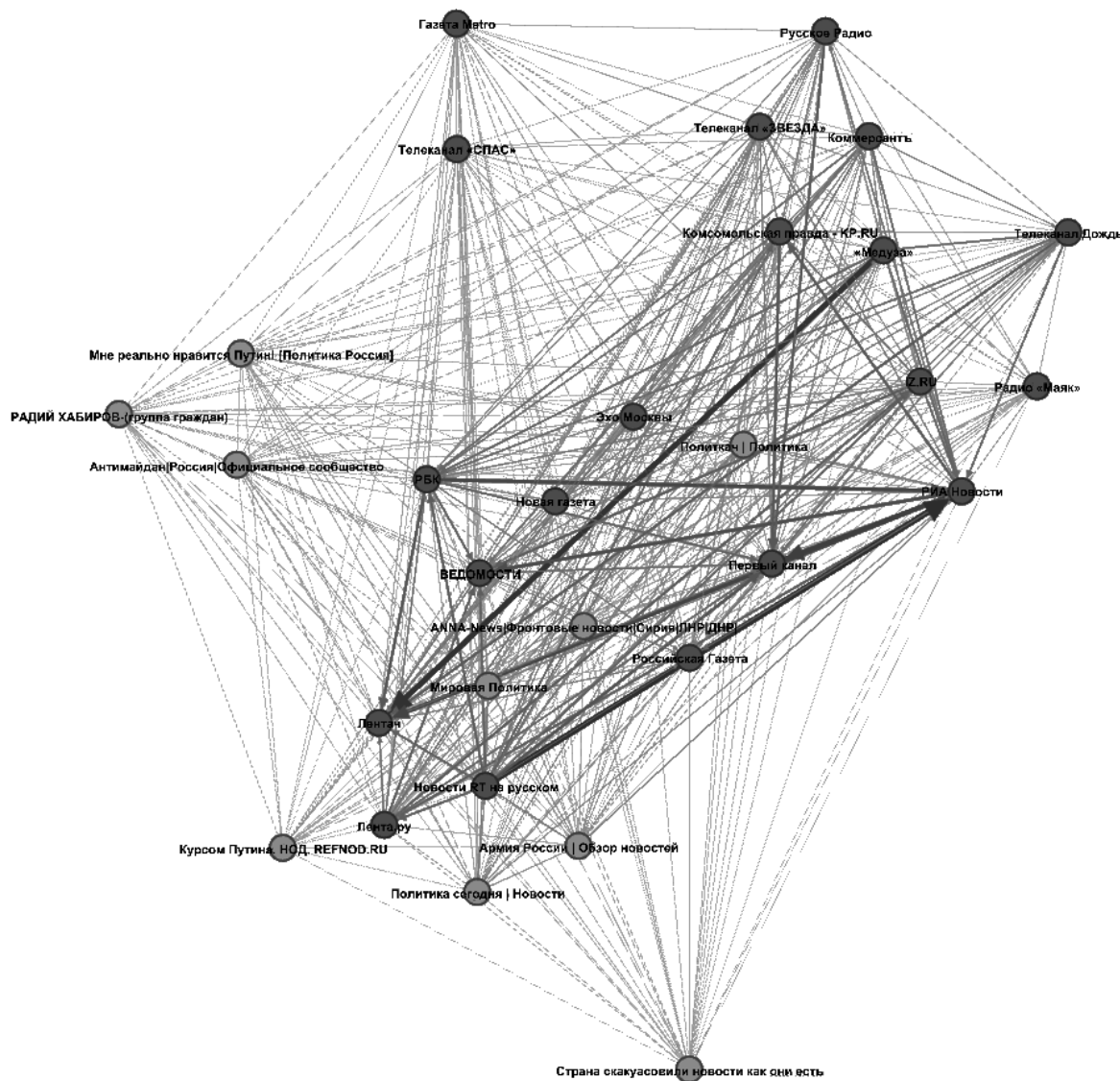
стью и разноплановой деятельностью «зеленых»: от проблем с мусором до защиты прав животных.

Рис. 4.15. Виртуальные сообщества «зеленых» и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

На последнем рис. 4.16 представлены виртуальные сообщества сторонников патриотизма (всего 10). Они очень сильно разобщены, находясь в позиции от центра до периферии. При этом, все они относятся к сегменту про-властного дискурса. Как и в случае с сообществами «зеленых» можно предположить, что их разобщенность связана с ситуационной зависимостью и разноплановой деятельностью «патриотов»: от проблем внешней политики и вооруженных сил до фан-групп Президента Путина и исторического наследия.

Рис. 4.16. Виртуальные сообщества сторонников патриотизма и группы крупнейших СМИ в социальной сети «ВКонтакте»

Выводы

К основным выводам главы следует отнести следующее. Во-первых, совершенно очевидно, что создание выборки политизированных виртуальных сообществ в «ВКонтакте» относится к числу нетривиальных задач. С одной стороны, выборка не должна быть слишком большой, так как это создаст весьма большие требования к выгрузке данных и

потребность в серьезных вычислительных мощностях. С другой стороны, необходимо создать такой алгоритм, который бы охватил весь спектр политических взглядов и идеологий. Попыток создания подобных панорамных картин виртуального пространства очень мало. Представленная методика имеет серьезные ограничения, вызванные работой поискового алгоритма социальной сети «ВКонтакте», который осуществляет поиск названиях групп. Однако, использование метода ключевых слов для формирования репрезентативной по отношению к современному идеологическому спектру выборки вполне возможно и дает положительный результат.

Во-вторых, в соответствие с нашим определением виртуальных сообществ в нашей выборке присутствовали группы, в которых осуществляется активная коммуникация между членами по поводу общих тем и вопросов. Политика реализуется через политическую коммуникацию и с помощью неё, а дискурсивные практики характеризуют суть современных политических процессов. Сетевой анализ политизированных виртуальных сообществ России в социальной сети «ВКонтакте» подтверждает эту тенденцию, так как в центре графа находятся группы средств массовой информации.

В-третьих, попытка выявления кластеризации графа политизированных виртуальных сообществ социальной сети «ВКонтакте» с помощью критерия модулярности показала, что 62,61 % выборки относится к государственно-патриотическому («лоялистскому» или «провластному») сегменту, оставшиеся 37,39 % – к оппозиционно-западническому («антилоялистскому») сегменту. Некоторые предыдущие исследования также указывали на существование двух сегментов. Наше исследование в какой-то степени подтверждает это наблюдение, хотя мера модулярности носит умеренный характер.

В-четвертых, анализ сплоченности и положения идеологизированных виртуальных сообществ показал, что имеет место три основных варианта группировки:

1. Сплоченные когорты (либертарианцы, феминизм, анархисты)
2. Разобщенные из-за идеологического раскола внутри когорт (социалисты, либералы, консерваторы, националисты)
3. Разобщенные в силу разнообразия деятельности и ситуативного характера (коммунисты, зеленые, патриоты).

Глава 5. Конверсационный анализ виртуальных сообществ

5.1. Общие положения конверсационного анализа

Методология конверсационного анализа (КА) изначально разрабатывалась в рамках этнометодологии Х. Саксом в 1960-х годах и с тех пор успешно применяется в ряде социальных и институциональных контекстов. Данное направление в первую очередь связано с именами социологов Э. Щеглоффа, Дж. Аткинсон, Дж. Херитэджа, Д. Грейтбач, Г. Гарфинкеля, Дж. Батона и Дж. Ли³⁰⁹.

КА исходит из предпосылки, что человеческие действия и речь являются строго упорядоченными на всех уровнях. Соответственно, аналитики, осуществляя микроанализ повседневного разговора, пытаются понять, как участники социальных интеракций упорядочивают коммуникацию, конструируют свое собственное поведение, интерпретируют поведение другого, устанавливая таким образом нормально протекающее взаимодействие.

По сути КА представляет собой систематическое исследование того, как достигается порядок посредством речи-во-взаимодействии (talk-in-interaction) с особым фокусом на процессуальности и контекстуальности этого взаимодействия. При этом контекст трактуется максимально широко: и как предшествующее высказывание коммуниканта, так и в целом практики конструирования разговора на определенную тему в определенной ситуации.

Особенности проведения КА

При проведении КА задача исследователя состоит не столько в том, чтобы «показать, как обыденные действия можно анализировать

---

³⁰⁹ Atkinson J. M., Heritage J., Oatley K. (ed.). Structures of social action. – Cambridge University Press, 1984; Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. – Prentice Hall, 1967; Heritage J. Analyzing news interviews: aspects of the production of talk for an 'overhearing' audience // Handbook of Discourse Analysis, vol. III: Discourse and Dialogue. – 1985; Greatbatch D. Aspects of topical organization in news interviews: the use of agenda-shifting procedures by interviewees // Media, Culture & Society. – 1986. – Vol. 8. – №. 4. – Pp. 441-455; Button G., Lee J. R. E. (ed.). Talk and social organisation. – Multilingual Matters, 1987. – Vol. 1; Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn taking for conversation // Studies in the organization of conversational interaction. Academic Press, 1978. Pp. 7-55; Сакс Х., Щеглофф Э.А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. №. 1. С. 142-202.

методами социологии, а выявить, как они анализируются самими участниками»³¹⁰. Для любого разговора присуща естественная анализируемость, то есть участники коммуникации организуют свое взаимодействие таким образом, чтобы оно было легко декодировано и понято другими участниками. Таким образом, исследователи имеют возможность не применять особые социологические или лингвистические техники, а «изучать естественно опознаваемые действия, которые опознаются участниками конкретной ситуацией, но точно так же они опознаваемы любыми людьми, поскольку производятся в своей конкретности как общие феномены порядка»³¹¹.

Основоположник КА Х. Сакс полагал, что основная задача социолога при проведении КА состоит в выявлении не статистической общности, а неких закономерностей, механизмов, правил, которые проявляются в конкретных случаях³¹². Более того, при проведении КА исследователь должен отказаться от практики заранее сформулированных гипотез, а опираться только на полученные эмпирические данные. Считается, что абсолютно все детали, даже такие на первый взгляд незначительные как вздохи или смех участников, являются важными для анализа и рассматриваются конверс-аналитиками как заслуживающие пристального внимания. По мнению, Дж. Херитэджа, «особенности естественной речи актуализируются в каждой детали интеракции, так что нельзя пренебречь ни одной из них как малозначимой, случайной или «неправильной»»³¹³.

В конверсационном анализе можно выделить несколько ключевых элементов:

---

³¹⁰ Корбут А. Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ //Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. №. 1. С. 123

³¹¹ Там же.

³¹² Сакс Х., Щеглофф Э.А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре //Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. – №. 1. – С. 143

³¹³ Цит. по Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода //Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2002. №. 15. С. 38

- Очередность высказываний – turn-taking (организация участия собеседников в разговоре, получение права говорить как борьба за влияние между участниками);
- организация последовательности sequence organisation (организация очередности собеседников в согласованные действия);
- исправление – repair (нарушения организации взаимодействия и исправление самими участниками).

Стратегии КА идеально подходят для исследований взаимодействия, в которых ставятся вопросы: как «реализуется» разговорное общение, как участники ориентируются на социальный порядок, как говорящие сами воспроизводят социальный порядок на базовом уровне для достижения общего понимания и конструируют действия друг друга. КА базируется на идее, что взаимодействие организовано структурно и систематически, и что оно опосредовано или осуществляется посредством использования последовательных паттернов. Чтобы обнаружить такие последовательные модели и ориентацию участников, необходимо провести индуктивный анализ, в котором такие модели не являются результатом предварительно сформулированного теоретического анализа.

Проблемы применения КА

В настоящее время все большее количество исследователей обращаются к конверсационному анализу не только для анализа обыденных разговоров и естественно протекающих повседневных взаимодействий, но и для исследования интеракций в различных институциональных условиях, в частности в процессе компьютерно-опосредованной коммуникации. Сегодня разрабатываются аналитические инструменты, позволяющие интерпретировать взаимодействия обладающих интерактивными ресурсами пользователей в технологически опосредованном контексте.

Тем не менее, В. Тудини и А. Лиддикоат выделяют ряд ключевых проблем при непосредственном применении концепций и методов КА для исследования компьютерно-опосредованной коммуникации³¹⁴. Авторы указывают, что поскольку КА разработан в первую очередь для изучения взаимодействия в процессе повседневного разговора, проблема применения вызвана прежде всего различием между письменными и мультимодальными формами речи в онлайн-средах и устными разговорами в традиционном понимании. Более того в различных институциональных контекстах трансформируются как определенные правила взаимодействия, так и доступные для вовлеченных в коммуникацию участников речевые практики.

Одной из ключевых проблем использования КА является идея *построения очередности* в письменных взаимодействиях. Исследователи сходятся во мнении, что система очередности в интернете сильно ограничена самой средой разворачивания общения. В то время как в устной беседе говорит, как правило, один человек за раз³¹⁵, в интернет-общении все участники имеют возможность писать и публиковать сообщения одновременно. Таким образом, последовательность появления сообщений зависит не от права очередности говорить, а от скорости набора текста, скорости соединения между компьютером/телефоном участника дискуссии и сервером. Следовательно, в компьютерно-опосредованной коммуникации скорее осуществляется не борьба за право отправить сообщение как таковое, а отправить его как можно быстрее, не допустив большого временного лага в публикации, поскольку, чем дальше сообщение помещается от его референта, тем выше вероятность того, что оно будет неправильно понято или проигнорировано³¹⁶. Подобная устоявшаяся практика коротких и быстрых сообщений в онлайн-средах затрудняет публикацию более

³¹⁴ Tudini V., Liddicoat A. J. Computer-mediated communication and conversation analysis //Language, education and technology. 2017. Pp. 1-12

³¹⁵ Сакс Х., Щеглофф Э.А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре //Социологическое обозрение. – 2015. – Т. 14. – №. 1. – С. 145

³¹⁶ González-Lloret M. Conversation analysis of computer-mediated communication //Calico Journal. – 2013. – Vol. 28. – №. 2. – P. 312

длинных постов в плане взаимодействия. Более того, отсутствие со стороны слушающих невербальных подсказок существенно сужает круг стратегий, которые участники могут использовать для распределения очередности. Как правило, взгляд, выражения лица, интонация и жесты недоступны в компьютерно-опосредованной коммуникации, а их субститутами отчасти выступают адаптированные для интернет-коммуникации средства выражения – эмоджи, призванные помочь в интерпретации сообщения. Определенные трудности для интерпретации вызывает и то, что опубликованное сообщение может быть воспринято получателем как законченное и полное, тем самым указывая на переход очереди, хотя это может не соответствовать действительности. Тем не менее, участники зачастую используют различные методы распределения очередности высказывания, особенно в ситуации коллективного обсуждения, в которых ходы сильно смещены из-за одновременного существования большого количества сообщений от нескольких участников³¹⁷. Например, участники имеют возможность направить адресованное конкретному участнику сообщение, тем самым точно индексируя очередность высказывания.

Исследователи выделяют еще одну проблему при проведении конврсационного анализа в онлайн-среде, а именно *организацию последовательности*. В интернет-среде организация последовательности кажется хаотичной, сильно нарушенной, без какой-либо *смежности*, главным образом из-за того, что интерактивные участники не могут контролировать точную синхронизацию размещения сообщений³¹⁸. То есть они не знают точно, где во взаимодействии будет размещено их сообщение. Однако исследователям удалось обнаружить т.н. «виртуальную смежность», в которой сообщения собеседников, независимо

---

³¹⁷ Ibid. P.311

³¹⁸ *González-Lloret M.* Conversation analysis of computer-mediated communication //Calico Journal. 2013. Vol. 28. №. 2. pp. 308-325.

от места расположения, явно ориентированы на указание предыдущих сообщений в беседе³¹⁹.

Еще одна проблема связана с ролью Интернета как технологической площадки для взаимодействия, и влиянием онлайн-среды на то, как взаимодействие разворачивается и как оно понимается самими участниками. В настоящее время говорят о квазиприсутствии участников, поскольку онлайн-среда способствует созданию ощущения разделяемого всеми контекста, хотя на самом деле участники делятся друг с другом лишь частью контекста, при этом еще и опосредованного технологиями.

Несмотря на все сложности применения КА для исследования компьютерно-опосредованной коммуникации, представляется оправданным использовать его в качестве аналитической стратегии для выявления коммуникативных и поведенческих особенностей функционирования виртуальных сообществ.

5.2. Сентимент-анализ текстов виртуальных сообществ

Возрастающее количество контента в интернет-пространстве представляет собой ценный источник информации, позволяющий фиксировать и анализировать трансформацию настроений, мнений, взглядов, эмоций, реакций пользователей в отношении различных тем, отдельных лиц, политиков, организаций и государства в целом. Более того, возможность выявлять изменения в мнениях отдельных социальных групп представляется важной, как с точки зрения эффективного управления, так и профилактики экстремистских и радикальных идей, распространяемых через виртуальные сообщества. Основная проблема, с которой сталкивается исследователь, это слишком большой массив данных, который практически невозможно проанализировать без применения специальных компьютерных программ. В настоящее время, несмотря на развитие методов компьютерной лингвистики, таких

---

³¹⁹ Schönfeldt J., Golato A. (2003) Repair in chats: A conversation analytic approach// Research on Language and Social Interaction. Vol.36. pp. 241-284.

как анализ тональности текста (сентимент-анализ, англ. Sentiment analysis, англ. Opinion mining), актуальной остается задача эффективного автоматического анализа, направленного на выявление в тексте эмоционально окрашенной лексики, и определения таким образом отношения автора к тому или иному событию, явлению.

Поскольку в рамках данного исследования был получен большой массив постов и пользовательских комментариев, для автоматического определения эмоциональной окраски текста мы попробовали использовать сервис Repustate³²⁰, который поддерживает анализ текста на разных языках, в том числе и на русском. Repustate позволяет обрабатывать данные как целый документ или разделять на части с помощью методов обработки естественного языка, чтобы найти в них апеллирующие к чувствам элементы. В итоговом документе все настроения оцениваются в диапазоне [-1;1].

Для проверки были отобраны комментарии пользователей «ВКонтакте» к нескольким постам в группе «Иосиф Сталин»³²¹. В процессе выяснилось, что несмотря на заявленную высокую точность результатов, с определением тональности сервис справляется не всегда успешно. Приведем ряд иллюстрирующих данное замечание примеров:

1. Комментарий к посту о том, что 10 февраля 1945 советская подводная лодка С-13 капитана 3-го ранга Александра Маринеско потопила двумя торпедами германский транспорт «Генерал фон Штойбен»³²² *«Я тоже героя не вижу, утопил немецкий корабль с детьми и женщинами на борту. Нужно расстрелять его было за это»* (0.966963268122) программа оценивает как крайне положительные по эмоциональному настрою;
2. Комментарий к посту о самом быстром росте экономики страны при Сталине *«ты 1990 года рождения, охренеть как хорошо*

---

³²⁰ <https://www.repustate.com/>

³²¹ https://vk.com/wall-107172091_16285

³²² https://vk.com/wall-107172091_12529 (10 февраля 2019)

ты помнишь СССР и был политически зрелым прямо с пелёнок» (0.86) оценен как положительный по тональности, несмотря на попытку комментирующего дискредитировать своего оппонента в силу его возраста³²³.

3. Комментарий к посту о Василии Сталине *«Все Хрущъ гнида»*, в котором автор, используя инвективную лексику, обвиняет Н. Хрущева, программа оценивает как нейтральный (0)³²⁴;
4. Комментарий к посту с вопросом о необходимости поставить в Москве памятник И. Сталину *«Несмотря на неоднозначность личности, всё-таки думаю памятник поставить стоит»* (-0,97) как крайне негативное высказывание³²⁵.

В результате проведенного пилотажного исследования, направленного на автоматическое определение тональности комментариев пользователей «ВКонтакте», нам удалось выявить ряд проблем, с которыми сталкиваются как исследователи, использующие результаты sentiment-анализа в своей работе, так и разрабатывающие инструменты для его проведения:

1. Разговорный язык, использующийся в социальных сетях, постоянно, с одной стороны, развивается (появляются новые слова, в них закладывается новый смысл), а, с другой, видоизменяется. Например, пользователи в комментариях зачастую пренебрегают нормами и правилами русского языка, что затрудняет автоматический анализ. Более того, в отдельных случаях интернет комментаторы намеренно искажают слова для придания им негативной окраски. Ярким примером служит написание России как «Рассия» и т.д.

2. Сложность зафиксировать саркастические и иронические утверждения. Это одна из самых сложных задач в этой области, особенно

---

³²³ https://vk.com/wall-107172091_11761 (4 февраля 2019)

³²⁴ https://vk.com/wall-107172091_16285 (21 марта 2019)

³²⁵ https://vk.com/wall-107172091_15247 (16 марта 2019)

из-за отсутствия согласия среди исследователей о том, как формально определить и количественно выразить иронию или сарказм;

3. Сложность автоматической фиксации имплицитных смыслов, заложенных в тексте, поскольку культурные факторы, языковые нюансы и различные контексты существенно влияют на интерпретацию сообщения.

5.3. Описание исследования

Цель проведения конверсационного анализа – определение поведенческих характеристик акторов виртуальных сообществ и выявление механизмов формирования эхо-камер в русскоязычном Интернете. Для этого в первоначальную выборку были отобраны 10 наиболее комментируемых и 10 слабо комментируемых постов из всех 115 сообществ. Дополнительными критериями отбора выступали:

а) Временные рамки: февраль, март, апрель, май 2019 года.

б) Временная представленность постов (примерно 2-3 поста в месяц).

в) В каждом сообществе отбираемые посты не должны были представлять серию публикаций об одном и том же событии. Например, о «деле Голунова» в выборку мог попасть только один пост, также один – по пенсионной реформе, один – по прямой линии Президента и т.п.

Таким образом всего было отобрано 2214 постов (от запланированных 2280) с суммарным количеством комментариев 391127. Поскольку конверсационный анализ, по справедливому замечанию Д. Бодена, является «вероятно самым микро во всей микросоциологии³²⁶», то он не предполагает работу с таким большим массивом данных, а скорее ориентирован на использование микро-выборки. Тем не менее в рамках данного исследования было проанализировано 10970 комментариев, отобранных из 22 сообществ, являющихся типичными представи-

---

³²⁶ Boden D. (1990) People are talking: Conversation analysis and symbolic interaction //In McCall, Michal M., et al. Symbolic Interaction and Cultural Studies. University of Chicago Press, 1990. P. 248.

телями выявленных классов дискурсивных практик и представляющих разный идеологический спектр (Табл. 5.1).

Таблица 5.1 Сообщества в выборке для проведения конверсационного анализа

Идеологический дискурс / Название сообщества	Количество комментариев
Государство	872
Государственная Дума	597
МЧС России	275
Партии	1729
ЕДИНАЯ РОССИЯ	875
Коммунистическая партия РФ (КПРФ)	704
Монархическая партия России	150
СМИ	4763
Медуза	1913
Новости RT на русском	840
Радио «Маяк»	667
Новая газета	609
Лента.ру	391
Российская Газета	343
Коммунизм	778
Иосиф Сталин	470
Союз Красных Групп и всех, верных СССР!	261
Совхоз имени Ленина Московская Область	47
Патриотизм	1032
Политика сегодня Новости	1032
Национализм	611
Комитет "Нация и Свобода"	428
Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ	183
Энвайронментализм	123
Московский мусор в Ярославской области	123
Либерализм	199
Libertarians & Conservatives	199
Феминизм	321
Подслушано Феминизм	321
Хобби	321
Диванный аналитик	321
Другое	221
Панк и политика Punk Дикобраз Дикобраз	221
Общий итог	10970

Все попавшие в выборку комментарии были закодированы по следующим параметрам:

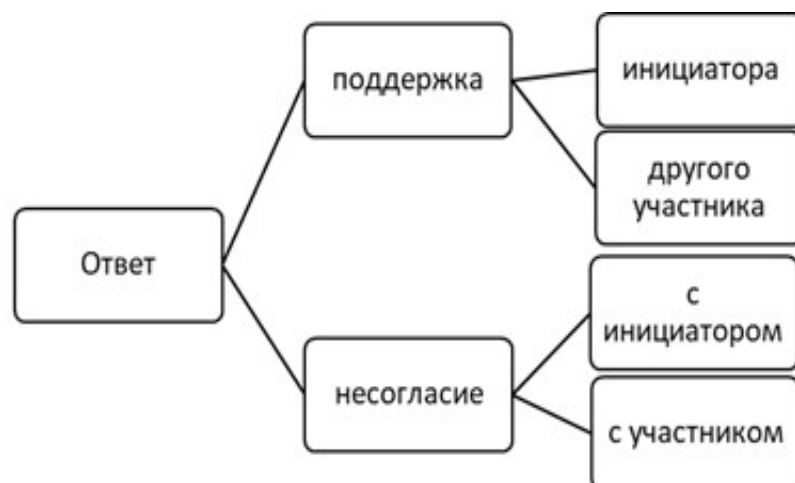
1. **Согласие/несогласие с постом.** Необходимо было определить поддерживает ли комментатор идеи, содержащиеся в посте.
2. **Направленность комментария.** Необходимо было определить кому адресовано данное сообщение? Варианты:
  - Комментарий утверждение (утвердительное сообщение без четко сформулированных вопросов. Например, *«Это правильно!»*);
  - Комментарий вопрос (Участник ставит в комментарии какой-либо вопрос всему сообществу, не называя конкретных имен участников: *«А они спрашивать народ когда нибудь пробовали? Народ решил поднять цены на сигареты?»*);
  - Вопрос участнику (персональный вопрос в комментарии). Например, *[id13668568|Дмитрий], не кажется ли Вам, что пришла пора предать суду Горбачева и Ельцина?*;
  - Ответ участнику (ответ участнику в какой-либо дискуссии. *[id413145690|Петрушин], что они наверно и сделают, а потом деньги на это разделят*);
  - не определено (в случае рекламных комментариев и т.д);
  - удален для тех комментариев, которые были удалены модератором.
3. **Стилистика.** Необходимо было определить, в какой форме представлено мнение в комментарии. Варианты:
  - Оскорбление героев поста (в посте про Т. Голикову, например, *«Твари антинародные воровские», «На кол с*ку посадите»*);
  - Оскорбление участника дискуссии (*«Триколор был до Власова ...недоумки»*);
  - Юмор/ирония;
  - Издевка / издевательство / «тролльничество»;

- Культурно (относительно интеллигентно, без мата, оскорбления и пр.);
- Аудио;
- Видео;
- Картинка;
- Смайл как законченная мысль (когда вместо ответа одни смайлы);
- Ссылка на внешний ресурс;
- не определено (в случае рекламных комментариев).

4. **Ответ/неответ.** Возможные варианты:

- Собственная точка зрения (участник выражает свое мнение, эмоцию никому конкретно);
- Инициатор дискуссии (с этого комментария разворачивается какое-либо обсуждение);
- Ответ поддержка инициатора;
- Ответ поддержка другого участника;
- Ответ несогласие с инициатором;
- Ответ несогласие с участником;
- Ответ самого инициатора.
- Не определено (в случае рекламных комментариев).

Рис. 5.1 Схема кодирования «Ответ/неответ»

Таким образом в процессе кодирования фиксируются особенности поведения комментаторов, которые выстраиваются в схемы поведения типичные для данного сообщества.

5.4. Особенности поведения комментаторов политизированных сообществ

Пространство комментариев виртуальных сообществ представляет собой крайне неоднородную среду. Если обратиться к соотношению комментариев без указания точного адресата и комментариев, представляющих ответ кому-нибудь из участников сообщества, то можно увидеть, что большая часть выбранных для анализа виртуальных сообществ представляет собой дискуссионные площадки, на которых пользователи не только выражают свое собственное мнение, но и активно взаимодействуют, обсуждая посты между собой (Приложение. 2). Подобное поведение пользователей характерно для диалоговой модели коммуникации, когда участники общаются непосредственно между собой, независимо от центра распространения информации. Важной характеристикой диалоговой модели является горизонтальное равенство участников информационного обмена, что вкупе с относительной анонимностью позволяет автору искренне и открыто высказывать свое мнение.

Видимое исключение представляет группа «Русское Радио», в большей степени соответствующая регистрационной модели, в рамках которой центр запрашивает и получает информацию от периферийного источника. Так, «Русское радио» регулярно проводит опросы своих подписчиков и принимает индивидуальные музыкальные заявки от слушателей.

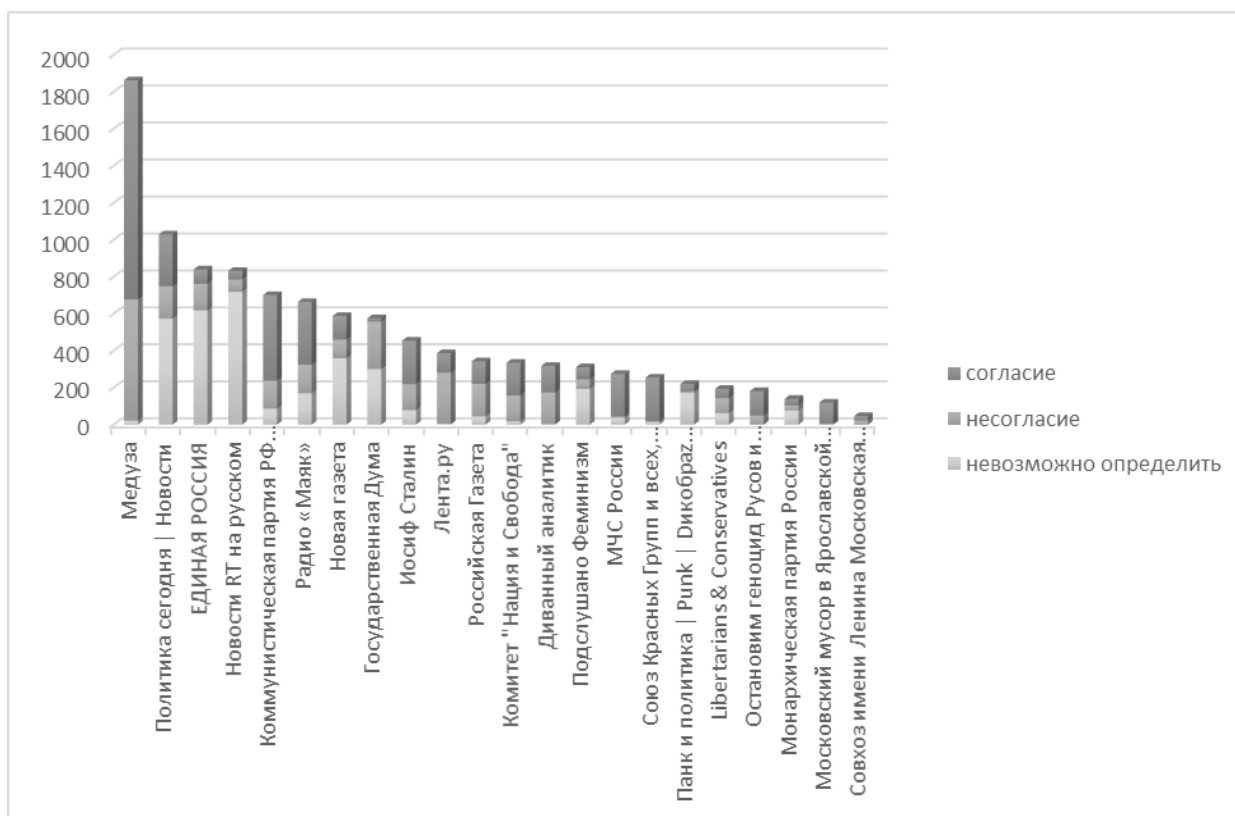
Единение в комментариях?

Для определения характера дискуссии в комментариях была предпринята попытка зафиксировать согласие/несогласие автора комментария с постом, опубликованном в сообществе. Зачастую в комментариях достаточно сложно определить однозначную авторскую позицию, поскольку дискуссия может разворачиваться на совершенно отвлеченную тему, не имеющую ничего общего с изначальным сообщением. Такие сообщения кодировались как «невозможно определить».

Из гистограммы частот распределения признака можно заметить несколько сообществ с признаками эхо-камер, в которых участники проявляют единодушное согласие с публикуемыми материалами: «Московский мусор в Ярославской области», «МЧС России» и «Союз Красных Групп и всех, верных СССР» (Рис. 5.2). Если первая группа представляет собой относительно небольшое закрытое сообщество эоактивистов Ярославской области, выступающих за запрет трансфера твёрдых коммунальных отходов в регионы, то группа «МЧС России» является уникальным сообществом, с одной стороны, представляющим орган государственной власти, и, с другой, практически не встречающим неодобрения со стороны пользователей ВК. Причиной подобного положительного отношения к группе является тематическая направленность публикуемых постов: викторина по форме пожарного ведра, героические истории спасения людей из пожара, животных, сообщения о гибели работников МЧС во время выполнения служебных заданий. Группа «Союз Красных Групп и всех, верных СССР» объединяет участников, ностальгирующих по СССР и считающих его распад – великой геополитической катастрофой. В комментариях дискуссия часто разворачивается по схеме «хорошо тогда – плохо сейчас», хотя назвать взаимодействие пользователей в рамках данного сообщества истинной дискуссией достаточно сложно, так как основная задача ком-

ментаторов скорее выразить свое мнение в многоголосье таких же однообразных мнений.

Рис. 5.2 Соотношения согласия/несогласия с постом в комментариях

Для всех остальных групп характерен достаточно высокий уровень несогласия в комментариях. Во многом подобные результаты можно объяснить самой структурой «ВКонтакте» как площадки и ее системными ограничениями: пользователи имеют возможность выразить свою поддержку какого-нибудь мнения или идеи лайком, а единственным способом продемонстрировать свое несогласие остается только комментирование. Соответственно, те кто не согласен с сообщением вынужден отвечать, и таким образом количество несогласных комментариев становится больше, чем комментариев поддерживающих. Действительно, если посмотреть на соотношение лайков у комментариев, выражающих согласие или несогласие, то можно заметить, что пользователи чаще ставят лайки комментариям, идеи которых они разделяют и поддерживают их содержание, чем пишут сами. Особенно ярко это особенность проявляется в сообществе «Медуза», в котором пользо-

ватели склонны выражать свое отношение к публикуемому материалу и комментариям, и лайками (Рис. 5.3).

Рис. 5.3 Соотношение согласия/несогласия с постом и лайками («Медуза»)

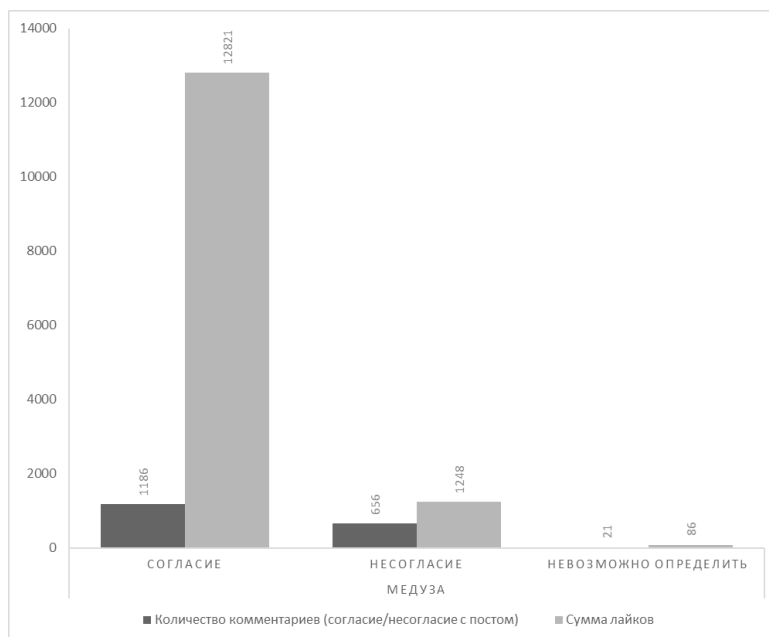
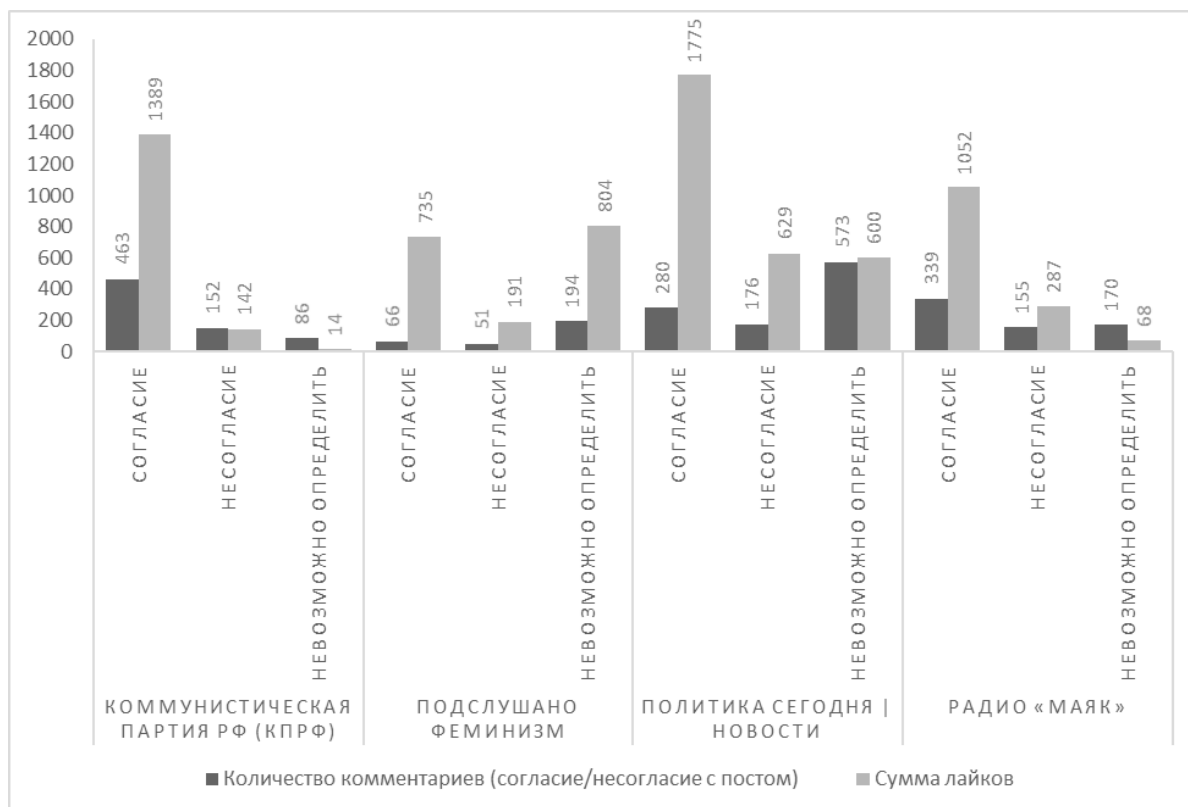

Рис. 5.4 Соотношение согласия/несогласия с постом и лайками в «Политика сегодня», «Коммунистическая партия РФ (КПРФ)», «Радио «Маяк», «Подслушано феминизм»

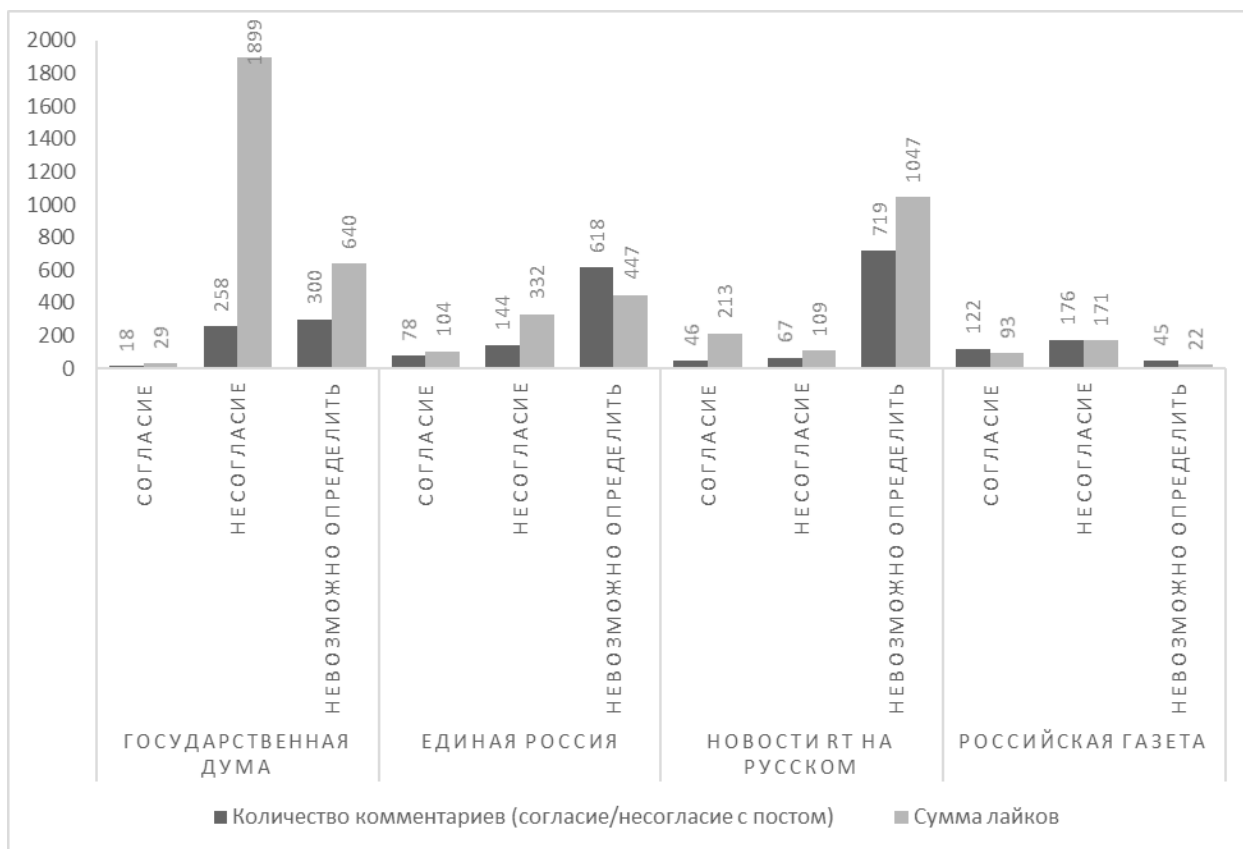

Схожая тенденция поведения пользователей наблюдается и в других сообществах независимо от их идеологической направленности

(Рис. 5.4). На графике отчетливо видно преобладание лайков у тех комментариев, которые выражают поддержку постам групп.

Рис. 5.5 Соотношение согласия/несогласия с постом и лайками в сообществах «Государственная Дума», «Единая Россия», «Новости RT на русском», «Российская газета»

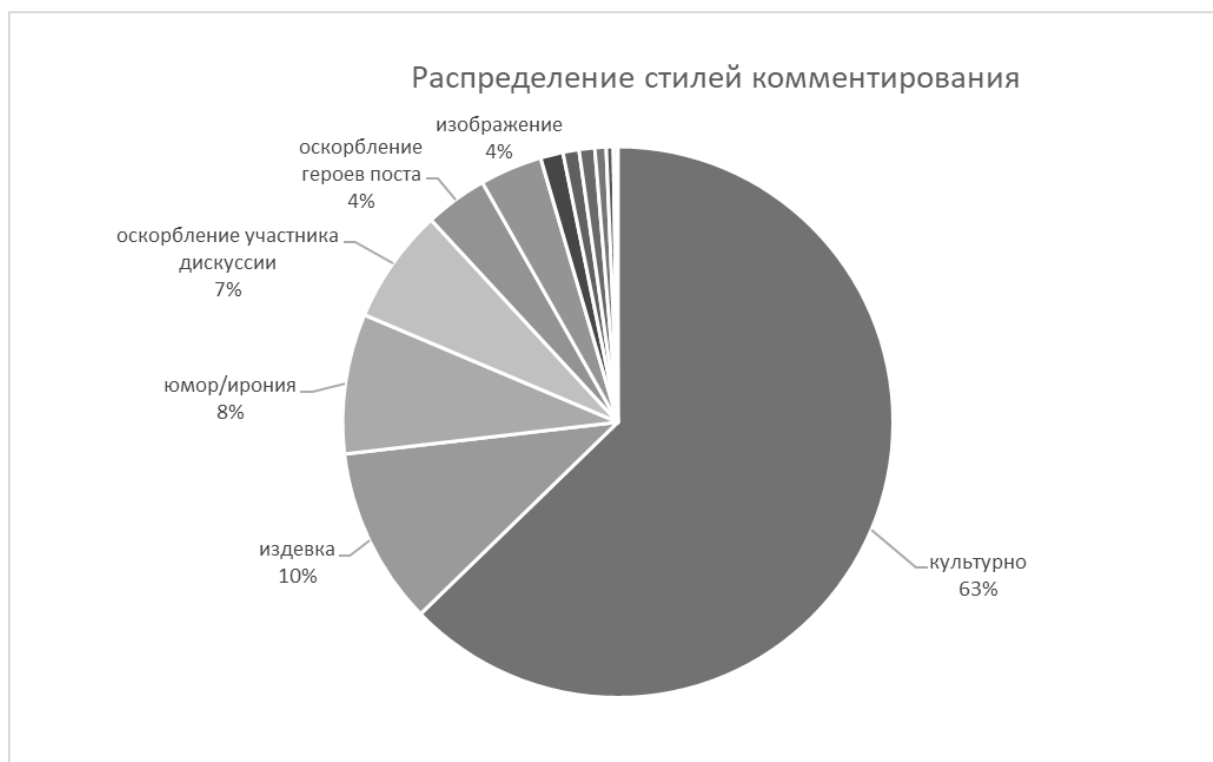

Особый интерес вызывают сообщества, являющихся трансляторами официального политического дискурса: «Единая Россия», «Государственная Дума», «Российская газета», «Новости RT на русском». Для них характерно преобладание как категории «невозможно определить», что может свидетельствовать об уходе комментирования от темы поста, так и несогласия с изначальной темой. В то же время можно наблюдать большое количество лайков у комментариев, в которых отражено несогласие, что может указывать на оппозиционность дискурса комментаторов (Рис. 5.5).

Примечательно, в ноябре ВК анонсировал, что до конца 2019 года пользователи получат возможность ставить дизлайки к комментариям. Таким образом, с помощью дизлайков пользователи смогут выразить свое несогласие с мнением комментатора, не вступая при этом с ним в дискуссию.

Необходимо отметить, что в целом пользователи выбранных для анализа сообществ чаще прибегают к **«культурному»** выражению собственного мнения (Рис. 5.6 и Табл. 5.2).

Рис. 5.6 Распределение стилей комментирования

Безусловно, стиль изложения подавляющего большинства интернет-пользователей относится не к литературно-художественному, а разговорному, для которого свойственно обилие просторечной лексики, употребление простых и неполных предложений, так как комментирование в социальных сетях обусловлено спонтанностью и потребностью пользователей как можно быстрее изложить свою точку зрения. Более того зачастую комментаторы намеренно пренебрегают правилами орфографии и пунктуации, и допускают ошибки для привлечения внимания и возникновения дискуссии.

Еще одной характерной стилистической особенностью общения в Интернете является использование **юмора, иронии, сарказма и троллинга** как способа продемонстрировать свое отношение к событиям реального мира и отношения к виртуальным собеседникам.

Следует признать, что точно идентифицировать, к какой категории относится комментарий, представляет собой сложную задачу как для исследователя, так и для самого участника обсуждения. Поскольку погруженный в онлайн-среду, в которой участники находятся в разных точках сенсомоторного пространства и не разделяют один и тот же контекст, комментатор иногда попадает в ситуацию коммуникативного тупика. Он не имеет возможности понять лексическую игру и смысл сказанного, когда выражаемое значение противоположно подразумеваемому.

Таблица 5.2 Распределение стилей комментирования и лайки пользователей

Стилистика	Кол-во комментариев	% комментариев	Сумма лайков
культурно	6872	62,64%	20832
издевка	1141	10,40%	2368
юмор/ирония	900	8,20%	4333
оскорбление участника дискуссии	740	6,75%	828
оскорбление героев поста	403	3,67%	2538
изображение	401	3,66%	1166
смайлы как законченная мысль	146	1,33%	86
комментарий удален	119	1,08%	0
видео	101	0,92%	113
ссылка на внешний ресурс	73	0,67%	107
не определено	45	0,41%	11
аудио	24	0,22%	46
стикер	5	0,05%	1
Общий итог	10970	100,00%	32429

И иронию, и троллинг можно обнаружить во всех исследуемых нами сообществах, но в большей степени они свойственны пространствам, в рамках которых сталкиваются носители полярных точек зрения, например, новостным пабликам или группам, отражающим официальную государственную позицию. В этих сообществах подобный стиль комментирования во многом базируется на психологическом механизме защиты: люди стремятся трансформировать социально-политические проблемы в комическое, таким образом, по-новому переосмысляя менее травмирующую реальность. Показательно, что 16 процентов комментариев с иронией и сарказмом были направ-

лены именно на критику действующей власти. Например, «Анастасия, боюсь, мы все умерли в 2012 и попали в лимб...никто не увидел переход, но, спустя 7 лет Лимбо даёт о себе знать.... Интересно, я сейчас не оскорбил власть?», «все верно, продадут Курилы, а жители в подарок», «Золотые люди всё о людях заботитесь не жалеете себя отдохнуть вам надо», «На мрачных лицах чиновников, слушавших послание: - красть нужно сейчас, завтра может быть поздно. (с)», «Боже..... какая забота... какое недоумение в честных искренних глазках этой дамы отражается». В 5 процентах комментариев пользователи указывали на сложное материальное положение населения страны: «ну лучше в сирии помочь, еще куданибудь бабло вывезти, сами то отлично живем. за то вата вон радуется как)) и в ящике все отлично говорят, а то что к странам третьего мира по показателям приближаемся , владея столькими ресурсами сколько другим и не снилось это ничего».

В межличностном взаимодействии троллинг, ирония служат завуалированной формой прямого оскорбления: то, что человек не позволяет себе сказать прямо, с помощью разнообразных специфических приемов речевой выразительности конструирует в ироническое и саркастическое замечание. 18 процентов всех комментариев, отмеченных как иронические или как издевка, были адресованы именно другим участникам: «Молодец, дядя Сэм помнит о своих работниках)», «Уезжайте Наталья уезжайте)Без Вас разберемся)», «ну я понимаю. менять мнение в результате анализа фактов это свойство образованных интеллектуальных людей».

Если издевка и ирония подразумевают скорее шуточный тон комментария, то оскорбления как героев поста, так и других участников представляют собой нескрываемую вербальную агрессию. В условиях относительной анонимности собеседников, делающих оскорбления практически безнаказанными, подобные высказывания широко распространены (Табл. 5.3).

Таблица 5.3 Стилистика комментариев от общего количества комментариев в сообществе

Стилистика	троллинг	юмор	оскорбление героев поста	оскорбление участника дискуссии
Libertarians & Conservatives	15%	3%	1%	12%
Государственная Дума	9%	12%	3%	4%
Диванный аналитик	0%	1%	0%	16%
ЕДИНАЯ РОССИЯ	13%	20%	1%	7%
Иосиф Сталин	17%	14%	4%	4%
Комитет "Нация и Свобода"	1%	2%	8%	10%
Коммунистическая партия РФ (КПРФ)	4%	5%	4%	8%
Лента.ру	1%	2%	6%	16%
Медуза	4%	6%	5%	2%
Монархическая партия России	34%	3%	0%	5%
Московский мусор в Ярославской области	5%	0%	0%	0%
МЧС России	0%	20%	0%	1%
Новая газета	29%	6%	3%	14%
Новости RT на русском	23%	4%	2%	6%
Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ	0%	0%	2%	6%
Панк и политика Punk Дикобраз Дикобраз	24%	7%	0%	12%
Подслушано Феминизм	20%	7%	2%	1%
Политика сегодня Новости	11%	10%	5%	13%
Радио «Маяк»	11%	15%	3%	1%
Российская Газета	1%	3%	4%	12%
Совхоз имени Ленина Московская Область	0%	0%	0%	2%
Союз Красных Групп и всех, верных СССР!	7%	7%	16%	0%

Авторы оскорбляющих комментариев используют ряд речевых приемов для дискредитации, унижения адресата своей речи, выражения негативного отношения и пренебрежения, а именно нарушающую нормы речевого этика и общественной морали обценную лексику, лексику со сниженной стилистической окраской, лексику с негативной коннотацией, негативную номинацию. Приведем ряд характерных примеров: *«Ян, тебя первым и пристрелю!»*, *«Новиков, пшёл на Х...й щенок сопливый»*, *«Виталий, тупорылое бот быдло ничего не умеет, кроме как оскорблять. Типичный ЧЛЕН единой россии»*, *«Виктор, более того ты проститутка на содержании врага»*, *«Автор мразь и лжец . С*ка настоящее смотри ублюдок»*, *«Виктория, ты зоофилка и Чернильная шлха!!!»*, *«Так, петушня, клювы свои позакрывали. Долбиться вам никто не запрещает, только не надо за права свои в ин-*

тернете воевать, в России у вас все равно их никогда не будет)))», «Жалкие завистливые поганые мразоты», «Гнида усатая», «Окуните ее паскуду в мир нищеты с минимальной зарплатой уборщицы общественных туалетов годика на три с лишением на тот же срок права пользования ее имуществом и никаких покровителей власти. А там посмотрим где у нее вырастут понятия».

Можно предположить, что эмоционально-экспрессивная лексика оскорблений является следствием аффективной раскрепощенности комментаторов, которая обусловлена культурой поведения индивидов в условно анонимном виртуальном пространстве.

В 7% случаев комментарий представляет собой креолизированный текст (содержит не только вербальные, но также иконические элементы, изображения, видео- и аудиоэлементы). Можно выделить два функциональных направления использования изображений комментаторами. Во-первых, комментаторы обращаются к изображениям как к дополнительным аргументам при вербализации своей точки зрения. Во-вторых, эмоционально реагируя на тот или иной раздражитель (новость о каком-либо событии), автор публикуемого изображения выполняют функцию эмоционального настраивания других комментаторов. Например, в сообществе «Лента.ру» комментаторы, использующие изображение в качестве реакции на новость, опубликованную в посте, через комический эффект способствуют формированию консолидированного согласия в интерпретации сообщения другими участниками, способными декодировать заложенные в нем имплицитные смыслы. Юмористические картинки, вызывающие ответную реакцию в виде лайков от аудитории, как правило, связаны с высмеиванием государства и отрицанием его роли. Можно предположить, что эффект комического особенно эффективен, когда объектом вышучивания является близкая и наболевшая проблема, которая затрагивает всех пользователей. В этом смысле изображение Президента на фоне фла-

га обладает меньшим эмоциональным воздействием и не становится источником юмора.

При анализе комментариев сообщества «Союз Красных Групп и всех, верных СССР!» удалось зафиксировать повышенный уровень агрессивности комментариев после публикации серии изображений, основной фрейм которых можно описать как «восхваление лидеров СССР и острая критика действующей власти».

Использование видео в качестве способа выражения своей точки зрения в большей степени характерно для комментаторов группы «Коммунистическая партия РФ (КПРФ)». При этом следует признать подобную стратегию комментирования малоэффективной, поскольку она не инициирует дискуссию пользователей, видео остается без ответа и даже не открывается теми, кому оно адресовано. *«Леонид, предлагаете посмотреть видео, которое скорее похоже на навязывание чужих мыслей и доводов и расписываете всё как факт. Да и видео слишком долгое, что даже не хочется тратить на него свои Мбайты».*

Являясь по способу выражения примером письменной коммуникации, комментирование в социальных сетях по своей природе является скорее устной коммуникацией, для которой в свою очередь присуще широкое использование паралингвистических средств: мимики, жестов, пауз, интонации, повторов. Частично преодолеть это несоответствие была призвана система знаков – эмоджи (смайлов), используемая авторами сообщений для отражения своих чувств и эмоций.

Несмотря на колоссальную популярность в интерактивном общении смайлов, в настоящем исследовании был зафиксирован противоположный результат. Лишь 1,3% комментариев представляли из себя набор смайлов как выражение своей позиции, и в 8% комментариев смайлы использовались как визуальное подкрепление своего мнения. Подобные результаты можно объяснить трансформацией письменной ментальности пользователей и

ориентацией комментаторов на точность донесения и понимания сообщения. Следует признать, что эмоджи достаточно трудно декодируются: используются ли они в данный момент для отражения отношения автора к теме поста или к комментарию другого пользователя? Особую сложность представляет ситуация, когда предыдущие комментаторы отстаивали противоположные точки зрения. В этом смысле текст универсален, так как он быстрее и точнее передает идею.

Таблица 5.4 Среднее количество знаков в одном комментарии

Группа	Среднее кол-во знаков
Libertarians & Conservatives	304
Подслушано Феминизм	234
Монархическая партия России	216
Комитет "Нация и Свобода"	213
Медуза	190
Государственная Дума	179
Коммунистическая партия РФ (КПРФ)	150
Новая газета	144
ЕДИНАЯ РОССИЯ	143
Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ	142
Союз Красных Групп и всех, верных СССР!	117
Российская Газета	116
Политика сегодня Новости	114
Диванный аналитик	107
Московский мусор в Ярославской области	89
Иосиф Сталин	88
Лента.ру	88
Новости RT на русском	83
Совхоз имени Ленина Московская Область	78
МЧС России	66
Панк и политика Punk Дикобраз Дикобраз	62
Радио «Маяк»	50
Среднее количество	139

Для того, чтобы понять, сколько же слов требуется комментаторам для отражения своей точки зрения, было подсчитано среднее количество знаков в одном комментарии (Табл. 5.4).

Можно заметить, лидирующие позиции по среднему объему одного комментария занимают группы либертарианцев и феминисток, позиционирующие себя как экспертов в различных сферах общественной жизни. Как правило, комментарии в этих сообществах развернуты

и могут состоять из некоторого количества подпунктов с аргументацией.

Пример развернутого комментария из сообщества «Libertarians & Conservatives»: *«У меня есть трое детей, которых воспитали я и моя жена. Мы своих детей не избивали и не насиловали, но воспитывали. А для того, чтобы воспитывать, нужны родительские права. Разве нет?»*

нет, для этого нужна презумпция (опровержимое предположение) лучшего исполнения родительских обязанностей непосредственно родителями. Она является основанием для признания правомерности определенной власти родителей над ребенком. Однако презумпция перестает действовать, если опровергнута в конкретном случае. В какой ситуации можно допустить переход опекуна над ребенком от биологических родителей к другим людям? Передача ребенка будет иметь юридическую силу, если есть убедительные основания полагать, что новые опекуны обеспечат ребенку лучший выход из состояния отсутствия самопринадлежности и последующую компенсацию, чем его родители.

Почему вы вообще говорите о детских домах? Я не спорю, что в государственных детских домах дети подвергаются абыюзу. Вы, как и комментатор ниже, имплицитно утверждаете, что спрос на детей ниже предложения? Если да, то можете ли вы доказать этот тезис?».

Пример развернутого комментария из сообщества «Подслушано Феминизм»:

«Есть разные доводы против женского священства, среди них можно выделить антропологический и литургический. Антропологический – указывает на подчиненность женщины и половую иерархию, обусловленную Божьим замыслом. Однако, противники данной точки зрения приводят связь половой иерархичности с грехопадением, последствия которого исправлены Христом. Второй аргумент,

приведенный к примеру Кураевым – литургический. Он апеллирует к тому факту, что священнослужитель являет собой "икону" Христа, и поэтому только может быть исключительно мужчиной. На мой взгляд, очевидна ошибочность материального подхода к "иконности" священнослужителя, поскольку мужская природа Христа является второстепенной по отношению к человеческой природе Спасителя. Наконец, существует проблема несоответствия женского священства Священному Преданию. Сторонники ординации женщин считают, что Предание – динамично и может меняться в зависимости от новых условий жизни, а противники - настаивают, что Предание либо неизменно, либо может быть изменено только при условии внутренних потребностей церковной жизни. Есть противоположный аргумент в пользу священства женщин из Послания к Галатам, что во Христе нет ни мужского пола, ни женского, хотя все зависит от толкования данной фразы (ведь трактуют также и как возможность спасения для мужчин и женщин), и это скорее уже современная протестантская трактовка».

В данных сообществах, претендующих на интеллектуальное превосходство, если человек допускает при написании орфографические или пунктуационные ошибки, то его могут обвинить в необразованности, особенно в ситуации, когда приведенные до этого в беседе аргументы исчерпали себя. Более того, если комментатор постоянно совершает ошибки, неграмотно излагает свои идеи, то уровень доверия к нему и степень принятия его позиции заметно падает, и он вынужден покинуть обсуждение.

Особенности развития дискуссии

Выявить закономерности в специфике формирования веток дискуссий и включения в них обсуждающих, которые были бы универсальны для групп всех идеологических ориентаций, представляется не просто сложным, а практически невозможным. Следует отметить, что в каж-

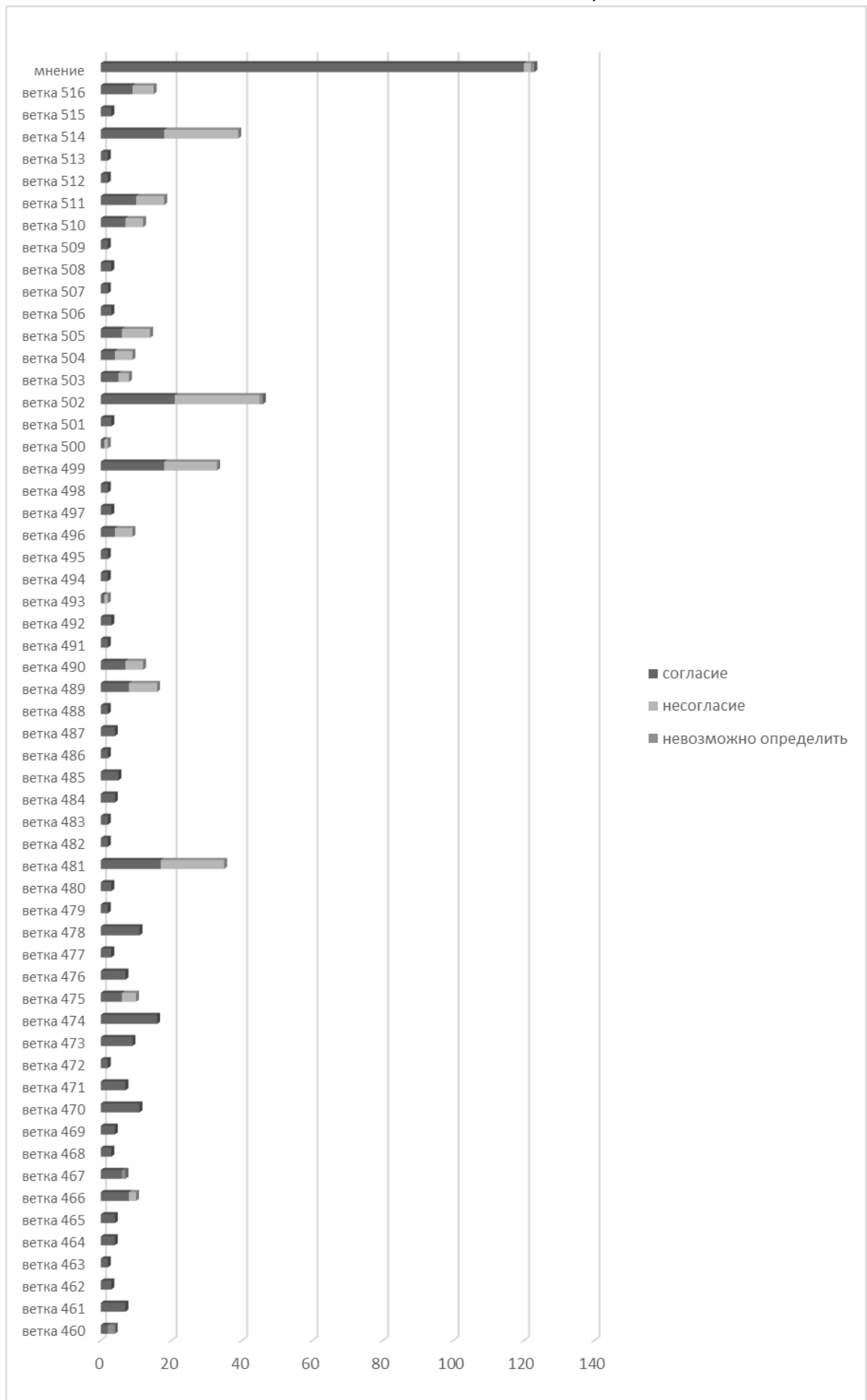
дом конкретном случае дискуссия развивается индивидуально в зависимости от количества участников в сообществе, темы, времени публикации поста. Тем не менее, можно выделить несколько свойственных всем пользователям паттернов поведения, независимо от того, в какой группе они состоят и комментируют.

Типичное поведение пользователей, особенно подписчиков пабликов СМИ и органов государственной власти, – это моментальная публикация с различной степенью экспрессивности **эмоционального отклика**, вызванного сообщением. При этом в процессе анализа было выявлено, что часть пользователей не дочитывают сообщение до конца, а фокусируются исключительно на заголовке, не пытаясь рационально переосмыслить полученную информацию. Косвенным подтверждением могут служить комментарии других пользователей, указывающим участникам на несовпадение того, о чем написано в посте/статье и что комментируют остальные. Например, пост Российской газеты «Малышей предлагают отчислять из детских садов за прогулы», в котором поднимается проблема очередей и дефицита мест в детских садах, в том числе из-за того, что ребенок записан в детский сад, но его не посещает, вызвал достаточно сильную эмоциональную реакцию подписчиков (*«Это круто уже и малыши кому-то мешают!!!», «..невинные дети – что за неординарные методы? они же ещё дети какие вам отчислять детей за прогулы? не смешите народ!»*) с ответным предложением отчислять депутатов Государственной Думы за неисполнение должностных обязанностей или обвинениями в том, что органы государственной власти работают неэффективно (*«дет.сады не могут построить, а валить надо на родителей!»*). Сообщения, апеллирующие к необходимости прочтения статьи целиком (*«Сколько человек из написавших комментарии дочитали до конца новость? Или все начинают гневаться и утопать в сарказме только после прочтения заголовка?»*) остаются проигнорированным. В то же время справедливо будет утверждать, что сами СМИ,

публикуя статьи с заголовками, в которых уже содержится оценка события, задают **вектор для дальнейшей эмоциональной интерпретации** сообщения со стороны пользователей. Характерным примером служит опубликованный в паблике «Медуза» пост с подводкой «*Очень_грустная история про село, где всем живется плохо, но те, кто пытается попросить о помощи, вызывают у остальных ненависть*» и статьей ««Та еще выскочка. И проучили ее поделом» Односельчане устроили *травлю* 12-летней девочки, написавшей письмо Путину». Используя тактику эмоционального настраивания (очень грустная история) и обобщения (все жители села завистливы), «Медуза» задала рамки, в которых должно протекать обсуждение данной темы. Как следствие, комментаторы представляют собой консолидированное сообщество с идентичным видением ситуации, отрицающее любые контраргументы, и нападающие на тех, кто их выдвигает (Рис. 5.7). Таким образом, можно заключить, что мнение и артикулируемые в дальнейшем тезисы формируют заголовки и лиды, а не сами новостные тексты.

Неожиданным было обнаружить однотипную систему аргументации и единение в комментариях паблика Государственной Думы в рамках обсуждения принятого закона об изменениях в системе учета обязательного пенсионного страхования. Подавляющее большинство комментаторов выступают против страхового номера индивидуального лицевого счёта, считая СНИЛС «*всемирной инвентаризацией душ*», «*заменой человеческого имени*», «*оскорблением верующих людей*», «*электронным концлагерем*», «*нарушением норм, установленных еще на Нюрнбергском процессе*», «*планомерным загоном в концлагерь*» и т. п. Интересно, что очень многие из комментаторов являются подписчиками сообщества «РИА КАТЮША ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ИНТЕРНЕТ СМИ» (около 30 тыс. участников), в котором активно публикуются статьи, дискредитирующие СНИЛС, и транслируются идентичные озвученным в паблике Государственной Думы идеи и оценки.

Рис. 5.7 Обсуждение статьи «Медузы» (согласие/несогласие в ветках дискуссии и высказанное как отдельное мнение)

Таблица 5.5 Распределение количества комментариев как отдельного мнения и включенного в ветку дискуссии

	Мнение	Кол-во веток	Кол-во сообщений в ветках	Всего комментариев	% инд. мнений от всех
Государство					
Государственная Дума	123	83	474	597	21
МЧС России	167	13	108	275	61
Партии					
ЕДИНАЯ РОССИЯ	120	84	755	875	14
Коммунистическая партия РФ (КПРФ)	124	71	580	704	18
Монархическая партия России	5	4	145	150	3
СМИ					
Медуза	288	144	1625	1913	15
Новости RT на русском	168	68	672	840	20
Радио «Маяк»	425	64	242	667	64
Новая газета	77	40	532	609	13
Лента.ру	109	28	282	391	28
Российская Газета	74	23	269	343	22
Коммунизм					
Иосиф Сталин	138	32	332	470	29
Союз Красных Групп и всех, верных СССР!	171	19	90	261	66
Совхоз имени Ленина Московская Область	7	7	40	47	15
Патриотизм					
Политика сегодня Новости	352	55	680	1032	34
Национализм					
Комитет "Нация и Свобода"	53	30	375	428	12
Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ	42	22	141	183	23
Энвайронментализм					
Московский мусор в Ярославской области	45	17	78	123	37
Либерализм					
Libertarians & Conservatives	17	14	184	199	8
Феминизм					
Подслушано Феминизм	29	29	292	321	9
Хобби					
Диванный аналитик	7	8	314	321	2
Другое					
Панк и политика Punk Дикобраз Дикобраз	38	16	183	221	
Общий итог	2577	872	8393	10970	

В данном случае удалось обнаружить пример интертекстуальности и трансляции дискурса эхо-камеры в публичное пространство.

Если рассматривать соотношение веток дискуссий и одиночных комментариев пользователей, то можно выделить ряд сообществ, в которых участники склонны не обсуждать пост, а высказывать свое личное мнение относительно этого поста (Табл. 5.5). К таким *Я-ориентированным виртуальным сообществам* с высоким процентом индивидуальных мнений можно отнести МЧС России (61%), радио «Маяк» (64%), Союз Красных Групп и всех, верных СССР (66%). К *Мы-ориентированным сообществам*, в которых пользователи в большей степени склонны к взаимодействию и дискуссии, относятся группы Монархической партии России (3%), Libertarians & Conservatives (8%), Подслушано Феминизм (9%), Диванный аналитик (2%), Комитет "Нация и Свобода" (12%).

Среди СМИ выделяются Медуза (15%) и Новая Газета (13%), в которых комментирование и обсуждение новостей чаще разворачивается в ветке дискуссии, чем вне ее пределов.

Схема разворачивания дискуссии

Свойственной практически для всех групп является следующая схема смены очередности высказывания в ветках дискуссий (Табл. 5.6).

Таблица 5.6 Смена очередности высказываний в ветках дискуссии

действие	описание действия	актор	время
инициатор дискуссии	осуждение темы поста	инициатор дискуссии	22.04.2019 9:20
ответ поддержка инициатора	осуждение темы поста	участник 1	22.04.2019 16:15
ответ несогласие с участником	критика действующей власти	участник 2	22.04.2019 16:24
ответ несогласие с участником	поддержка действующей власти	участник 1	22.04.2019 16:25
ответ несогласие с участником	критика действующей власти	участник 2	22.04.2019 16:32
ответ несогласие с участником	оскорбления/обвинения	участник 1	22.04.2019 16:33
ответ несогласие с участником	оскорбления/обвинения	участник 2	22.04.2019 16:35
ответ несогласие с участником	поддержка действующей власти	участник 1	22.04.2019 16:41
ответ инициатора	оскорбления/обвинения	инициатор дискуссии	22.04.2019 18:28
ответ несогласие с участником	критика действующей власти	участник 3	23.06.2019 21:43
ответ несогласие с участником	критика действующей власти	участник 3	23.06.2019 21:44
ответ поддержка участника	поддержка действующей власти	участник 4	24.06.2019 19:54

Первоначально инициатор комментирует тему поста сквозь оценочную призму «нравится/не нравится» и высказывает свое мнение.

Затем спустя несколько часов участник № 1 поддерживает инициатора и высказывает схожее мнение, что в свою очередь не совпадает с ценностными ориентирами участника № 2. Между этими участниками в течение 25 минут разворачивается спор, в котором противостоят два полярных мнения: поддержка действующей власти и ее критика. Достаточно быстро дискуссия трансформируется в обмен взаимными оскорблениями. Спустя 9 часов после своего первого комментария в ветку возвращается инициатор, возобновляя тон комментирования, заданный участниками. Спустя еще 27 часов появляется участник № 3, вербализирующий свою позицию с критикой действующей власти, на что спустя еще 24 часа реагирует участник № 4 с противоположной позицией.

Данная схема может незначительно видоизменяться в зависимости от численности группы и скорости реагирования участников, но последовательность действий практически всегда остается неизменной: инициатор дискуссии – поддержка/несогласие с инициатором – несогласие с участником. За исключением явно провокационных и оскорбительных комментариев выявить особые отличительные признаки, по которым можно было бы с высокой точностью предсказать, что комментарий активизирует дискуссию, невозможно. Как правило, дискуссию формирует набор рандомных сообщений, в которых заключены полярные ценности.

Из таблицы 5.7 можно заметить, что для всех групп за исключением «зеленых», характерно доминирование несогласия как с инициатором, так и с другими комментаторами. Важно отметить, что также непредсказуемо как ветки обсуждения начинаются, также они и заканчиваются. В выборку исследования попали и ветки, состоящие из двух опубликованных практически одновременно комментариев, так и ветки дискуссии, длившиеся почти месяц. При этом доля коротких веток, состоящих из 2-3 сообщений, составляет примерно 50% из всех случаев возникновения дискуссии. На общем фоне выделяются только

группы представителей узкой направленности, для которых характерно как более развернутое обсуждение (более 3 комментариев в ветке), так и более высокая включенность инициатора в процесс комментирования (Таб. 5.8).

Таблица 5.7 Процентное распределение возможных действий актора в процессе комментирования

Действие актора	Гос-во	Партии	СМИ	Коммунизм	Патриотизм	Национализм	Энвайронментализм	Либерализм	Феминизм	Хобби	Другое	Общий итог
собственная точка зрения	31%	16%	24%	40%	33%	15%	37%	9%	8%	3%	17%	24%
инициатор дискуссии	11%	9%	7%	7%	5%	8%	14%	7%	8%	2%	7%	8%
ответ инициатора	9%	16%	13%	14%	10%	26%	8%	25%	17%	7%	23%	14%
инициатор дискуссии удален	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	1%	1%	0%	0%	0%
ответ несогласие с инициатором	15%	20%	18%	16%	12%	21%	7%	27%	28%	18%	23%	18%
ответ поддержка инициатора	10%	7%	6%	10%	5%	7%	18%	3%	6%	6%	10%	7%
ответ несогласие с участником	12%	26%	28%	8%	30%	18%	7%	30%	26%	52%	17%	25%
ответ поддержка участника	8%	4%	2%	3%	4%	1%	10%	0%	5%	11%	4%	4%
комментарий удален	0%	2%	0%	0%	0%	3%	0%	0%	0%	0%	0%	1%
не определено	5%	1%	0%	1%	0%	2%	0%	0%	0%	0%	0%	1%
Общий итог	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Своеобразным признаком «умирания» комментариев служит публикация серии одиночных сообщений, отражающих собственную точку зрения участников и непоявление новых веток.

Таблица 5.8 Доля коротких дискуссий

Идеологии	2-3 комментария в ветке	Общее кол-во веток	Доля коротких веток
государство	55	96	57%
партии	74	159	47%
сми	196	367	53%
коммунизм	28	58	48%
патриотизм	35	55	64%
национализм	22	51	43%
энвайронментализм	10	17	59%
либерализм	3	14	21%
феминизм	7	29	24%
хобби	0	8	0%
другое	5	16	31%
Общий итог	435	870	50%

Потеря смысла в комментариях

Характерная особенность комментирования в интернет-пространстве заключается еще и в том, что связь комментария с первоначальной темой, активизировавшей дискуссию, теряется практически всегда. В определенный момент времени аргументы исчезают вместе со смыслом, и обсуждение свертывается до обмена эмоциональными высказываниями между двумя-тремя участниками. Например, в группе Государственной Думы при обсуждении законопроекта о регистрации домашних животных два пользователя, начав дискуссию на эту тему, в последствие перешли на личные оскорбления, растянувшись на десятки комментариев, забыв о первоначальном предмете дискуссии.

Интересным является вопрос: существуют ли предпосылки для оскорблений? В какой момент начинаются оскорбления? В ходе данного исследования было выявлено, что агрессия и оскорбления могут возникнуть в любое время, независимо от темы и идеологической направленности сообщества. Появление оскорблений в дискуссии зависит, в первую очередь, от появления в сообществе человека, который в соответствии со своими нравственными ориентирами, способен на оскорбления. Весьма распространенной для интернет-общения является ситуация, когда именно с агрессивного поведения участника-провокатора и начинается дискуссия.

Тролли в сообществах

Характерной особенностью поведения пользователей практически во всех исследуемых сообществах является *повышенная тревожность и мнительность относительно присутствия «троллей»*. Участники достаточно подозрительны и склонны видеть в других «троллей» и «ботов», в случае если точка зрения комментирующего не совпадает с той, которая является доминирующей в данной дискуссии или общепринятой в данном сообществе. Необходимо отметить

разнообразие выделяемых пользователями видов троллей: боты, кремлеботы, либероидные боты, украинские и прибалтийские боты, укроботы, хохлотролли, прохороботы, пригожинские троллины – в зависимости от того, какой набор ценностей, они поддерживают. Среди очевидных и описанных самими участниками признаков, позволяющим им идентифицировать «троллей», можно отметить:

- закрытая страница «Я вас не идентифицировала, закрытые страницы обычно безлики, а их обладатели святы как ясно солнышко, и их легко перепутать»;
- страница открыта, но на ней всего несколько фотографий;
- место рождения пользователя Украина;
- оскорбления, отсутствие аргументации, переход на личность.

Логика обвинения достаточно проста: если закрыта страница, то участник – тролль. Другой противоположной особенностью поведения является доказывание реальности своего существования и права на отличающееся мнение обвиненного в троллинге пользователя. Комментаторы готовы предоставить свой номер телефона для связи *«Вооот, в очередной раз это доказывает что ты бот или кто...я то не боюсь ничего если чё можешь дозвониться 89667917010»* или фотографию с паспортом *«похожа фотка в паспорте на те, которые я здесь выложил? А имя с фамилией?»*. Данное поведение особенно характерно для относительно небольших по количеству подписчиков сообществ, в которых посты комментируют определенное устоявшееся ядро пользователей, дорожащее своей цифровой репутацией. Более того участники узнают и помнят сообщения друг друга, и в случае несоответствия комментария всему накопленному о человеке знанию могут заподозрить его в «троллинге» и указать на это.

Обвинения в троллинге также зачастую используют для того, чтобы продемонстрировать пренебрежительное отношение к личности комментирующего и его мнению, при том, что человек может формально не соответствовать идентификационным критериям.

Для минимизации активности троллей комментаторы используют тактику игнорирования и призыва: *«Девочка, не трать на них нервы, это тролли. Им ничего не надо доказывать и объяснять. Они не поймут, потому что не хотят понимать. Просто игнорируй»*, *«Хватит кормить троллей!»*. В то же время подобные фразы с призывом не отвечать троллям являются эффективным способом максимально быстро прекратить ветку дискуссий.

Выводы

На основе проведенного анализа комментариев можно заключить, что в основе любой дискуссии на политическую тематику в виртуальном пространстве лежит оппозиция «за или против». При этом для всех идеологических и институциональных групп характерен достаточно высокий уровень несогласия в комментариях. С одной стороны, это можно объяснить заданным «ВКонтакте» форматом, когда согласные с постом пользователи поддерживают уже высказанную другим участником идею или мнение лайком, а несогласные вынуждены комментировать для выражения своей позиции. С другой стороны, в процессе взаимодействия участники виртуального общения не только презентуют свою точку зрения или выражают эмоциональное впечатление, но в том числе демонстрируют солидарность и защищают те или иные групповые ценности.

Характерной стилистической особенностью интерактивного общения является использование юмора, иронии, сарказма и троллинга как способа продемонстрировать свое отношение к событиям реального мира и отношения к виртуальным собеседникам. Подобное поведение, являющееся отражением психологической защиты, наиболее типично в «институциональных» сообществах, к которым относятся паблики СМИ и органов государственной власти.

Отличительной чертой поведения пользователей в виртуальном пространстве является эмоциональная несдержанность, конфликтность и склонность к вербальной агрессии в процессе отстаивания

своей позиции: дискуссии, начавшиеся по одной теме, как правило, через непродолжительное время отклоняются от первоначальной темы и переходят в раздел взаимных оскорблений. При этом важно отметить подвижность и даже размытость культурных норм в виртуальном пространстве. Символическая равностатусность участников коммуникативного взаимодействия рождает иллюзию вседозволенности, проявляющуюся в том числе в использовании обсценной лексики. Иную стратегию поведения демонстрируют представители феминистских и либертарианских групп. Для этих двух сообществ свойственно использование намеренно вежливого стиля общения при общем высоком уровне конфликтности дискуссии, однако, только феминистки используют «бан» и удаляют комментарии пользователей несогласных с групповыми ценностями. Можно предположить, что именно эта группа ближе к типу «эхо-камеры».

В целом необходимо отметить, что комментирование в российских виртуальных сообществах, с одной стороны, по своей внешней форме обладает всеми признаками дискуссии, но, с другой, по качеству содержания в большей степени соответствует обмену текстовой информацией. Коммуникация российских пользователей в политизированных сообществах представляется весьма далекой от идеальной дискурсивной коммуникации, направленной на достижение согласия, как ее понимал Ю. Хабермас.

Глава 6. Политический дискурс виртуальных сообществ

Креативность и структурность языка, создающие дискурсивное пространство, одновременно выполняют три ключевые функции: межличностную, содержательную и текстуальную³²⁷. Синкретичное сочетание указанных функций формирует особенности контекста, в котором стороны коммуникации обмениваются сообщениями, оказывая влияние социального характера (то есть проявляют собственные властные ресурсы) и демонстрируя собственное положение в координатной плоскости политического пространства³²⁸. Можно констатировать, что социальная власть реализует себя посредством языка³²⁹, позволяет создать и ретранслировать образы и идеологические ценности различных политических акторов.

Рассматривая политический дискурс как инструмент овладения, осуществления, удержания и перераспределения власти, П. Чилтон и К. Шаффнер выделяют три стратегических функции, которые выполняет политический дискурс³³⁰.

1. Принуждение. Власть может проявляться через ограничение использования языка «других», посредством цензуры и контроля доступа. Одной из форм проявления принуждения авторы называют побуждение к эмоциональной реакции (“stimulation of affect”), когда определенный дискурс приводит к машинальному, непроизвольному воздействию.

2. Легитимация и делегитимация. Дискурсивная легитимация, как правило, осуществляется посредством взаимосвязанных инструментальных и коммуникативных стратегий: апелляция к общим идеологи-

³²⁷ Овишьева Н.Л. К вопросу о различиях в понимании термина «дискурс» // Вестник ОГУ. – 2004. – №11. – С. 165-169.

³²⁸ Halliday M., Hasan R. Language, context and text: Aspects of language in a social semiotic perspective. – Oxford: Oxford University Press, 1989. – 126 p.

³²⁹ Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.

³³⁰ Chilton P.A. (2004) Analysing Political Discourse: Theory and Practice. Routledge. pp.45-46.

ческим ценностям, проекция харизматического лидера, апологизация, позитивная самопрезентация. В свою очередь, делегитимация реализуется через репрезентацию образа «других» (иностранцев, «внутренних врагов», официальной и неофициальной оппозиции) в негативном контексте. В основе техник данной категории лежит идея о различности и очерчивании границ (МЫ-ОНИ), для этого используются стратегии обвинения, осуждения, нападок и оскорблений.

3. Репрезентация и искажение (*representation and misrepresentation*). Политический контроль включает в себя контроль над информацией, по сути, контроль над дискурсом. П. Чилтон и К. Шаффнер выделяют количественный и качественный контроль. Количественный контроль заключается в преподнесении такого объема информации, которое явно не соответствует потребностям и интересам аудитории. Примером же качественного контроля может служить замалчивание важной информации, вербальное уклонение, отрицание, дефокусирование «нежелательных мест» посредством эвфемизации исходных данных.

Таким образом, дискурсивная интерпретация миропонимания политическими акторами способна целенаправленно трансформировать действительность и оказывать влияние на массовое сознание публики³³¹, а учитывая масштаб и скорость распространения информации в Интернете, представляется важным исследование политического дискурса сообществ в виртуальном пространстве.

Критический дискурс-анализ как центральный метод исследования

По справедливому замечанию Э. Будаева, весомое положение в современной политической науке занимает критический дискурс-анализ (КДА).³³² Наиболее актуальные и распространенные в мировой по-

³³¹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

³³² Будаев Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 12.

литической науке подходы, различающиеся внутри комплексного и гетерогенного направления критического дискурс-анализа, могут быть классифицированы следующим образом:

1) *Критический (диалектико-реляционный) дискурс-анализ Н. Фэркло*³³³. Глубинными теоретико-философскими посылами критический дискурс-анализ в рамках данного подхода схож с постулатами марксистской теории. Ключевыми понятийными элементами категориального аппарата диалектико-реляционного подхода являются «доминирование», «гибридизация практик», «технологизация», «сопротивление»³³⁴. Цель подхода – исследование специфических отношений (именно по этой причине «реляционный»), связывающих темпоральные, субъектно-объектные, пространственные, функциональные, аксиологические и социометрические параметры дискурса. Фактически, критический дискурс-анализ по Н. Фэркло предполагает идентификацию семиотической стороны общественного конфликта внутри политического дискурса.

2) *Социокогнитивный дискурс-анализ Т. ван Дейка*³³⁵. Данный подход фокусируется на исследовании проблематики отношений и взаимосвязей между дискурсом, социальной средой (обществом как таковым) и когнитивными системами. Социокогнитивный подход совмещает методологическую специфику лингвистики, психологии (конкретнее: сфера анализа памяти) и когнитивистики (моделирование фреймов). Особое значение в русле социокогнитивистики представляет именно структура, которая включает в себя несколько типов знания: личностное, интерсубъективное, культурное и другие.

3) *Дискурсивно-историческое течение Р. Водак*³³⁶. Данный подход предполагает принципиальное фундаментальное отличие, которое за-

³³³ Fairclough N. (2009) A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research //Methods of critical discourse analysis /ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage. pp. 162-187.

³³⁴ Будаев Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 13.

³³⁵ Van Dijk T. (2009) Critical discourse studies: A sociocognitive approach //Methods of critical discourse analysis/ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage. pp. 62-86.

³³⁶ Wodak R. (2001) The discourse-historical approach //Methods of critical discourse analysis. pp. 63-94.

ключается в слиянии двух уровней анализа: текстуального и контекстуального. Контекст в данном случае является комплексным и многоуровневым явлением, состоящим из экстралингвистического, интертекстуального, социально-политического, «ко-текстуального», интердискурсивного и исторического пластов³³⁷. Стоит подчеркнуть, что дискурсивно-исторический подвид критического дискурс-анализа позволяет исследователю проследить порядок, согласно которому истеблишмент или элитные группы применяют в качестве техник закрепления и расширения власти разного рода семиотические структуры.

Таким образом, основная цель КДА — это изучение языка в процессе коммуникации в определенной социальной сфере. При этом важно определенное понимание статуса дискурса: дискурс не только отражает существующие социальные отношения в обществе, но и устанавливает и постоянно обновляет их в процессе коммуникации, а также способствует формированию и воспроизводству неравного распределения власти между социальными группами. Подобное понимание дискурса определяет особенности социального взаимодействия: тот, кто контролирует дискурс, достигает политического, экономического, культурного, этнического и гендерного доминирования.

В качестве центрального метода данного исследования выступает трехмерная модель, предложенная Н. Фэркло, в соответствии с которой критический дискурс-анализ проводится на трех уровнях: текст, дискурсивная практика (процесс производства, восприятия и интерпретации текста), социокультурная практика (социальный и культурный контекст, в котором происходит коммуникативное событие)³³⁸. Следуя традиции системно-функциональной лингвистики М. Халлидея, Н. Фэркло рассматривает текст с точки зрения его многофункцио-

---

³³⁷ Будаев Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 13.

³³⁸ Fairclough N. (1995) *Media discourse*. London: Edward Arnold. P. 59

нальности. Любое предложение текста, выбранное для анализа, играет определенную функциональную роль, а именно:

- репрезентации (т.е. функции передачи содержания, отражения идеологии);
- идентичности (т.е. функции, посредством которой выделяются социальные группы, индивид идентифицируется и утверждается в своем статусе);
- отношений (т.е. выявление отношений между автором и аудиторией, например, формальные или неформальные, близкие или отдаленные)³³⁹.

Кроме того, исследовательская оптика Н. Фэркло предполагает возможность фокусировать внимание не только на структуре текста (область лингвистического анализа), но и на сопровождающих его визуальных образах и звуковых эффектах (область семиотики), что особенно актуально при анализе дискурса виртуальных сообществ. Н. Фэркло подчеркивает принципиальность отношений, существующих между дискурсом в его практическом выражении и социальными феноменами и явлениями, которые представляют собой структуры, подверженные изменениям во временном измерении. Дискурсивные практики являются предикторами различных социальных категорий: идентичности, групповых отношений, институтов социализации, знания, знаков и значений³⁴⁰. В контексте настоящего исследования это особенно важно, так как коммуникационное пространство социальных сетей представляет собой в том числе и поле различных виртуальных действий (практик) по созданию того или иного контента.

Основная цель данного исследования заключается в выявлении политических ценностей и норм, заложенных в дискурсе политизированных виртуальных сообществ. В свою очередь сравнительный ана-

---

³³⁹ Лукьянова Г.В. Дискурс-анализ текстов СМИ//Политический анализ. 2009. № 9. С. 154-165.

³⁴⁰ Пугина Е.И. Применение критического дискурс-анализа в исследованиях новых социальных движений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2011. №4 (24). С. 48-49.

лиз политического дискурса позволяет выделить сообщества по принципам идеологической сегрегации.

Корпус выборки охватывает все посты 115 сообществ, опубликованные в период с 1 февраля по 31 мая 2019 г. В зависимости от транслируемого дискурса все сообщества были разделены на 3 кластера: оппозиционный (антилоялистский) (52%), лоялистский (22%) и нейтральный (26%).

Оппозиционный дискурс политизированных сообществ Коммунистические сообщества

В первую очередь, важно отметить, что все сообщества коммунистической направленности обвиняют действующую власть в распаде СССР. Например, в группе **Революционной Рабочей Партии (РРП)** события 1991 года рассматриваются как «контрреволюция», в результате которой к власти пришла *«буржуазия, класс имеющей частную собственность на средства производства и эксплуатирующей весь пролетариат России»*. В настоящее время своей задачей партия видит дальнейшее повышение организованности пролетариата, пропаганду идей социализма в «передовом классе общества – рабочем классе». Именно поэтому в паблике регулярно публикуются отчеты о проходящих заседаниях марксистских кружков, на которых обсуждаются работы К. Маркса «Критика Готской программы», В. Ленина «Три источника и три составных части марксизма», «Империализм как высшая стадия капитализма», Л. Троцкого «Перманентная революция», Н. Бухарина «Азбука коммунизма», а также публикуются отчеты о раздаче партийной газеты «Рабочая Демократия» возле заводов и фабрик в разных регионах России. Основные лозунги, повторяющиеся в группе, отражают транслируемые ценности: **Вся власть рабочим! Да здравствует коммунистическая революция! Да здравствует пролетарский интернационализм и рабочая демократия! Смерть капитализму! Вся власть рабочим! Власть рабочему классу! Лишь массовой организо-**

ванной силой тысяч и десятков тысяч пролетариев мы сможем сломить власть буржуазии! Национализировать их собственность и заставить всяких государственных управленцев работать на благо трудящихся и под их полным контролем! Солидарности рабочего класса в борьбе против капитализма!

Схожую критическую позицию в отношении оценки распада СССР занимает **Коммунистическая Партия Российской Федерации (КПРФ)**: *«Немногочисленная группировка, пришедшая к власти в результате контрреволюционного переворота в начале 1990-х, завладела богатствами страны, проведя так называемую приватизацию. К этой группе относятся российские олигархи, высокопоставленные политики и чиновники, судьи, руководители различных государственных учреждений, которые финансируются из федерального бюджета. Для них законы не писаны, не действуют Конституция РФ и Уголовный кодекс РФ»*. Основными причинами социальной напряженности в российском обществе видят действия партии «Единая Россия», которая приняла *«самые грязные, самые людоедские законы»*, а также позволила *«внешним силам получить механизмы контроля над российской экономикой»* и превратить Россию в *«сырьевой придаток Запада»*. Анонсируя документальный фильм «Словная Россия», в группе КПРФ напоминают, что революция 1917 года была именно следствием ненависти народа к привилегированным слоям общества.

С антиэлитной риторикой выступает и **Объединённая Коммунистическая Партия (ОКП)**. Среди многочисленных сообщений о стачках, митингах, пикетах, в которых принимают участие активисты партии, обращает на себя внимание интервью первого секретаря ЦК ОКП Владимира Лакеева, в котором он размышляет о причинах протестных настроений в России: *«Нарастающий протест связан в первую очередь с противоречием между тем, что люди слышат от властей, и тем, что они видят. А власти делают совершенно противополож-*

*ное тому, что заявляют, и, похоже, история, даже совсем недавняя, их совершенно ничему не научила. Ведь совсем не плохо люди жили в конце 80-х годов...<...> А наше государство коррумпировано сплошь и рядом. И дети нашей элиты, мажоры, которые все себе позволяют, которые живут и учатся за рубежом, — это тоже ясно говорит о коррупции и не только. Семейственность, кумовство — неотъемлемая часть коррупции. Все пронизано этой коррупцией. И все это видят. И власть даже это не скрывает».*³⁴¹

Подобная система аргументации характерна и для группы **«Союз Красных Групп и всех, верных СССР!»**: *«Чтобы быть успешным в РФ, надо родиться в семье госчиновника или олигарха и умотать жить за границу»*. В дискурсе «Союза Красных Групп» отчетливо прослеживается использование тактики дискредитации своего оппонента – действующей власти, в результате которой происходит внедрение оценок и формируется образ «антинародного» государства, которым управляют преступники и лжецы: *«Социалистическое и социальное государство – естественная альтернатива государству нынешнему – компрадорскому, олигархически-чиновничьему. Нынешнее государство способствовало тому, что 1% граждан обобрало 99% остальных, назвав это единственно верным и истинным выбором народа, совершенной моделью экономики, которая будет вечно и которую будут защищать до последнего», «Обнаглели и власти, и ТВ, и олигархи!»*, *«Путин работает на олигархов, — только их число действительно стабильно растёт, несмотря ни на какие кризисы, — надеяться, что от него станет лучше народу бессмысленно!»*. Помимо характерных для всех групп коммунистической направленности обвинений государственной власти в коррупции и в принятии антинародных законов, в группе **«СССР 2.0»** подвергается критике также демографическая (*«Вова делает всё, чтобы НОАК (Народно-освободительная армия Китая) было проще оккупировать Дальний Вос-*

³⁴¹

https://vk.com/wall-9225_66781

ток») и миграционная («Для Вовы народ России "не тот". Вот он его и замещает на лояльный себе элемент») политика РФ.

Особый исследовательский интерес представляют группы, посвященные личности И. Сталина: «**Правда о Сталине и советской эпохе**» и «**Иосиф Сталин**». В дискурсе данных групп явно проявляется тактика «апологизации» Сталина, которая реализуется не только в высокой частотности упоминания имени данного политика, но и в использовании определенных языковых средств, направленных на дискурсивное конструирование образа эффективного исполнителя и руководителя, при котором «*в стране каждые 6 часов открывалось новое промышленное предприятие*», и «*великого и строгого военачальника*», победившего в Великой Отечественной Войне. Таким образом, создается такая версия истории, согласно которой И. Сталин был в состоянии и готов решить любые проблемы социальной, экономической и политической жизни. Более того конструируя образ идеального прошлого, в пабликах прибегают к использованию тактики контрастного сопоставления с настоящим: «*Сталинская экономика способствовала развитию науки, техники, создала базу для массового индустриального строительства. Сталин создал бескризисную экономику. Сталин – истинный патриот, т.к. не сбежал из Москвы в 1941 г., его дети воевали, отказался менять пленного сына на немецкого генерала Паулюса, работал сутками, не имел зарубежных счетов и недвижимости. Независимость советского рубля от доллара*» или «*Вопрос И. Сталина: «Ну и как вам живется при колониальном феодализме? Социально ответственных чиновников – нет. Качественного образования – нет. Качественной медицины – нет. Снижения цен и тарифов – нет. Промышленности – нет. Социальной защиты – нет. Снижения преступности – нет. Снижения коррупции – нет. Рабочих мест – нет. Науки – нет. Качественных продуктов питания – нет. Бесплатного жилья – нет. Ипотека 1% годовых – нет. Достойной пенсии – нет. Уважения человека труда –*

нет. Правосудия – нет. Суверенной конституции – нет. Уверенности в будущем – нет. А при мне все это было!». Таким образом, ежедневно транслируя подобные сообщения, сообщества создают образ И. Сталина, который в сознании подписчиков ассоциируется с защитой «простого народа», со справедливостью и равенством.

Необходимо подчеркнуть, что абсолютно для всех коммунистических групп (Революционная Рабочая Партия (РРП), За отставку правительства!, СССР 2.0, Союз красных групп и всех, верных СССР!, СССР, Коммунистическая партия РФ (КПРФ), Объединённая коммунистическая партия (ОКП)) характерно сравнение «тогда и сейчас»: ностальгически-идиллические картины прекрасного советского прошлого, былого великой державы СССР, когда «главными героями были именно люди труда — простые токари, комбайнёры, металлурги, шахтёры», было «массовое производство товаров, как для внутреннего потребления, так и на экспорт», торжествовала всеобщая справедливость и равенство, и ужасающая реальность сейчас, когда доминирует «религиозное мракобесие», «почти половине российских семей денег хватает только на еду и одежду», и если «раньше жили с надеждой на лучшее. Сейчас – с надеждой на то, чтобы хуже не стало».

Анархические сообщества

Оппозиционность действующей власти заложена в самой философии анархизма, в рамках которой последователи стремятся к свободе от государства и эксплуатации человека человеком. При этом степень выраженности несогласия разнится во всех сообществах. Например, **оДЕКВАТНАЯ Анархия™** носит скорее развлекательный характер, **Анархия – мать порядка!** в основном делает перепосты других групп, в сообществе «**Панк и политика**» политическая тематика возникает достаточно редко и вся критика власти выражена в стихотворной форме: *«Я верь в бравую идею, Мой путь – анархия судьбы...Но в бой иду я за свободу – Свободу каждого из нас. Я не слуга тому народу. И я*

рожден не на убой. Но я воюю за свободу. И с государством и с собой.» или *«Власть! Власть – это газ, которым нас травят, Власть – это танк, который нас давит, Власть – это сотни кровавых купюр, Власть – это блеф грязных авантюр».*

«Классическая анархия» публикует достаточно нейтральные новости анархического движения в России: посты в стихотворной форме, фотографии с различных митингов и акций, цитаты Прудона, Бакунина, Кропоткина и т.д. Критика государства реализуется через публикацию новостей о задержании сторонников анархизма правоохранительными органами (*«Екатерина – очередная жертва цензуры и репрессивной системы, действующей в нашей стране»*) и блокировках сайтов на территории России. Интерес представляет доверительная форма взаимоотношений администраторов с подписчиками. В группе регулярно публикуются предупреждения и памятки по безопасному поведению в Интернете: *«Мы бы хотели вам рассказать насчёт поведения на нашем ресурсе, так как считаем это важным делом. В связи с репрессиями, допросами и другими подобными делами, которые проводят органы власти в отношении тех, кто является, или интересуется анархизмом. Увы, мы живём при протофашизме и олигархической диктатуре, и большинство людей находятся под колпаком».* Небольшое количество лайков и комментариев в ВК в том числе объясняется призывом к подписчикам быть предельно осторожными в онлайн-пространстве и не поддаваться на возможные провокации. Группа **Мама Анархия!** в конце апреля 2019 года была заблокирована по своему основному адресу и открыла в дальнейшем новую страницу, на которой в рассматриваемый нами период публиковалась теория анархизма и информация о различных анархических течениях. Тем не менее в настоящее время можно зафиксировать более оппозиционный дискурс, в котором государство понимается как «стационарный бандит, который принимает решение закрепиться на определенной территории, единолично контролировать

ее и получать доход от населения (осуществлять грабежи) в долгосрочной перспективе», а основными лозунгами являются «Вместе против этатизма, стагнации, угнетения, цензуры, лжепропаганды, несвободы».

Либертарианские сообщества

Как и в случае с анархизмом, сторонники либертарианства являются оппонентами самой идеи государства и его вмешательства в жизнь граждан.

Пиратская партия России позиционирует себя как «всемирное сообщество свободлюбивых, критично мыслящих, конструктивных людей, которые наблюдая за существующей системой, пришли к выводу, что она в состоянии кризиса»³⁴², и выступают «за управление через сеть групп граждан объединенных вокруг определенных тем, таких как сельское хозяйство, чистый воздух, экология, новые валюты, общественное достояние, или сохранение культурного наследия, изменяя существующую политику снизу вверх, то есть всячески приветствует формирование местных сообществ»³⁴³. В соответствии с отстаиваемыми ей принципами Пиратская партия России освещает и поддерживает жителей Екатеринбурга в борьбе со строительством церкви на месте сквера: *«Четвертый день весь мир, в том числе, члены и сторонники Пиратской партии России, наблюдают за событиями в Екатеринбурге, где жители города ведут неравную борьбу с олигархами и их охранниками-спортсменами за сохранение сквера в центре города... Пиратская партия России последовательно выступает за соблюдение прав и свобод людей, в том числе за соблюдение права на выражение собственного мнения путём референдумов и других форм прямой демократии»*. Большую часть сообщений в группе составляют перепосты информации из сообщества РосКомСвободы, вы-

---

³⁴² <https://pirate-party.ru/about/>

³⁴³ Там же.

ступающего за противодействие цензуре в Интернете, а также пропаганду идей свободы информации и саморегуляции интернет-отрасли.

В сообществе **Либертарианской партии России (ЛПР)**, **основным лозунгом которой является** «Минимум государства — максимум свободы», регулярно публикуются новости о проводимых пикетах и митингах сторонниками партии. Более того подчеркивается необходимость более активного вовлечения участников в протестную деятельность: *«Согласованные митинги нужны, чтобы политизировать людей и доказывать им злонамеренность и недоговороспособность власти. Такие митинги необходимо проводить снова и снова. Чтобы каждое проигнорированное требование гражданского общества — превратилось в состав их преступления»*, *«Государство пытается запретить нам говорить об их провалах – о пенсионной реформе, экономическом кризисе, фальсификациях на выборах. Все инициативы, принимаемые против интернета в Государственной Думе, направлены против нашего счастья и свободы. Мы вышли сегодня показать, что мы не отдадим наш последний рубеж — интернет»*. В дискурсе группы четко прослеживается дихотомия «Мы – люди» и «Они – государство»: *«почему государство хочет запретить иностранные сервисы такси, что ждет Uber и Gett, и почему мы можем вернуться к временам бомбил из 90-х»*, *«почему без политической регионализации номенклатура будет продолжать грабить Россию, а люди — прозябать в нищете»*, *«они сознательно игнорируют предложения по сокращению расходов государства. На том же заседании они увеличили расходы на зарплаты и "парашюты" аппаратчикам и на празднование 25-летия Московской Городской Думы»*.

Либертарианство в схемах и мемах и **Freedom Pride** представляют собой группы, в которых публикуются самоироничные мемы, связанные с либертарианством, в том числе на которых изображен В. Путин, читающий книгу Ф.Хайека «Дорога к рабству» или Х.Х. Хоппе «Демократия – поверженный Бог». В группе **Libertarians & Conservatives**

акцент сделан, в первую очередь, на качество публикуемого материала, поэтому дискурс можно охарактеризовать как рефлексивный. Автор паблика, придерживаясь идей либертарианства, анализирует его основные направления, рецензирует работы известных авторов – приверженцев анархо-капитализма.

Националистические сообщества

Комитет «Нация и свобода»(КНС), являющейся националистическим общественно-политическим объединением, поддерживает русских националистов в мирном общегражданском протестном движении и отстаивании прав русского населения, пытающихся таким образом приблизить установление государства, которое будет руководствоваться принципом «всё для Нации, ничего против Нации». При этом под нацией КНС считает *«лучших людей прошлого и нынешнего времени, великих людей, достойнейших сынов и дочерей народа, это соль, ядро и суть нации. Затем это все те, кто честно выполняет свой долг, кто ответственно делает своё дело, и только в последнюю очередь - все те, кто считает себя русским, и в чьих жилах течёт русская кровь»*. В группе подчеркивается необходимость политизации социальных протестов, так как *«активные и равнодушные граждане, кто выходит на улицы, чтобы отстаивать свои права, могут стать отличными помощниками для общегражданского движения сопротивления. Только отставка Путина и приход к власти новых национально-мыслящих лидеров может привести к положительным переменам в стране – установлению социального, правового и высокотехнологичного государства, способного решить любые проблемы своих граждан»*. КНС в своих сообщениях выступает против: *«отключения РФ от глобального интернета; арестов за критику властей; блокировок информационных площадок, публикующих информацию, противоречащую официальной позиции режима; убийств, пыток, терактов и политических репрессий, совершаемых по приказу*

Кремля», и за: «отставку Путина, его правительства и Парламента; люстрацию всех лиц, причастных к принятию антинародных законов; формирование правительства народного доверия из представителей несистемных протестных политических формаций, проявивших себя в рамках общегражданского движения сопротивления». Необходимо подчеркнуть, что «КНС» как и другие группы разных идеологических направленностей активно включается в протестную экологическую повестку и выступают за закрытие переполненных свалок и внедрение современной системы переработки отходов, называя причиной «мусорного коллапса» – «путинцев со своим очередным мега-распиллом». Данная проблема находит отражение и в дискурсе «**Другой России**»: «на архангельском Шиесе каратели от охранного предприятия жестко преследуют людей, протестующих против строительства гигантского мусорного полигона. Накануне было много избитых, говорится о том, что некоторые госпитализированы. Многие уже говорят, что регион на грани настоящей гражданской войны. Достаточно пролиться первой крови». В дискурсе групп «КНС» и «Другой России» отражено несогласие с демографической и миграционной политикой государства: «процент русских будет существенно снижен, из-за политики замещающей миграции, ростом численности национальных меньшинств и низкой рождаемостью, вызванной тяжёлым социальным положением нашего народа». Особые опасения в сообществе «КНС» и «**Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ**» вызывает КНР, по мнению участников, стремящийся к колонизации русских земель («Путин продал Омск-Китайцам. РУССКИХ СДАЛИ С ПОТРОХАМИ КАК БАРАНОВ!!! Омск заселяют китайцами»), и решение Путина «построить из России большой цифровой концлагерь для продажи Китаю».

В дискурсе группы «**Русский Социализм**» в большей степени отражаются ценности националистические, чем социалистические. Предсказывая будущий крах «современной российской олигархо-бюрократии», участники группы «Русский Социализм» считают, что «русские должны бороться за свои права и интересы, а не за чуждые им интересы олигархов и бюрократов».

тической диктатуры, также известной как путинизм», в группе подчеркивается, что только «национально-ориентированные движения могут пролить свет на настоящие проблемы современной России, и только они могут предложить альтернативу существующему строю. Только они видят, что корень всех проблем современной России лежит в самой капиталистической системе, и только они готовы сражаться с капитализмом, не уничтожая собственной идентичности, фундамента всего, чем живет общество». Особое внимание в группе «Русский социализм» уделяется необходимости увеличения рождаемости среди русских, поскольку именно такая политика «гарантирует сохранение генетических черт нашего народа. Нерусское население будет приобщаться к русской культуре, становиться частью русского сверхэтноса, сохраняя лучшие из национальных особенностей». Представляет интерес и предложенная в публичке классификация граждан РФ: «Первая — это те самые 0,3% населения, кооператив "Озеро" и им подобные ОПГ, владеющие абсолютным большинством страны. Вторая это те, кто думает "ты сдохни сегодня, а я завтра" и "моя хата с краю", они являются порождением советской системы и 90-х, они обслуживают первую категорию за косточку с барского стола или готовы терпеть, пока не придёт их срок сыграть в ящик. Третья категория это мы, те, кто выбирает между сдохнуть сегодня или завтра в том экономическом Дахау, которое построила первая категория; третий путь, путь революции и рулетки с шансом построить нашу новую и великую Россию с властью, чьей задачей является забота об общем благе, а не распродажа Родины оптом и в розницу». В данном примере для достижения цели по дискредитации государства в дискурсе «Русского социализма» применяется тактика гиперболизации, при которой с помощью отрицательно-оценочной лексики с эмоциональной окраской конструируется негативный образ реальной действительности, а именно образ страны, находящейся в состоянии разрухи.

Среди инструментов геноцида русского населения в России в группе **«Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ»** называют: «алкоголь, табак, наркотики, нравственность (развращение молодёжи, уничтожение нравственных устоев), вакцинация (ввод вакцин под видом полезных лекарств), ГМО (распространение ГМО продуктов, в частности, информации, что ГМО продукты безвредны), замещающая миграция (завоз других народов из ближних зарубежных, под видом вымирания родного населения), уничтожение культуры народов, образования, воспитания, а также навязывание религии (замена мировоззрения человека, на мировоззрение раба), повышение налогов и ввод новых налогов на всё что можно». Во всех группах, а особенно ярко в обществах **«Русское Имперское Движение»** и **«Русское государство»**, выделяется коррупция как основная проблема в России и причина низкого уровня жизни населения: «Украли у России 100 ТРЛН Рублей и не стесняются! ГЕНОЦИД !?», «Деньги на российский космический телескоп Т-170М украли», «У очередного полковника ФСБ изъяли 12 миллиардов рублей: Никогда такого не было, и вдруг опять. Что-тут скажешь? Интересную мысль я услышал сегодня утром: может со следующего года бюджет РФ исчислять в полковниках ФСБ?», «Нынешняя же «элита» Российской Федерации, в массе своей ориентированная на Запад и тесно связанная с ним интересами бизнеса, зарубежной недвижимостью, обучающая за рубежом своих «элитных» отпрысков и поселяющая там свои семьи – никаких иллюзий ни у кого не вызывает».

Консервативные сообщества

Близкими по дискурсу к националистам является группа **Консервативная (Р)эволюция**, в которой присутствует упоминание о необходимости упразднения всех национальных республик. Среди причин называются *«паразитирование, убийства, кланы, кражи крупных сумм денег как из бюджета, так и с поставок ресурсов, а также траты кра-*

*денных у налогоплательщиков денег не на какие-то исследования биорегенераторов, артерии = дороги, экофермы-небоскрёбы чтобы не нуждаться к импорте любых фруктов и овощей, аэродоставку и прочие вещи, которые ускорят экономику, а на жалкие дома и повозки». Своеобразным идеалом России будущего для подписчиков служит объединённая Русь, в которой будут традиционные семьи, где воспитание детей должно базироваться на таких ценностях как скромность, целомудрие, совесть. Консервативная (Р)эволюция также была включена в протестную повестку, называя решение о строительстве храма в Екатеринбурге апофеозом псевдорелигиозности, а Патриарха Кирилла – генеральным директором РПЦ. Иное отношение к православию можно зафиксировать в дискурсе сообщества **«Движение «Царский крест»**, в котором транслируется идея «соискупительству» Христу императора Николая II, приверженность Православной Вере, необходимой для прихода «нового православного царя» и воскресения Святой Руси. С позиции православного антиглобализма в сообществе резкой критике подвергаются законы, связанные с развитием цифровой экономики и электронного правительства, способствующие установлению «Электронного Освенцима»: *«Современные документы, выдаваемые антихристианской Системой, такие, как паспорта, ИНН, СНИЛС, УЭК и прочие – являют собой подготовку к принятию печати Антихриста и представляют собой непосредственную духовную опасность для человека».**

Энвайроменталистские сообщества

Тематической направленностью постов **Greenpeace России** являются защита окружающей среды, информирование о проблеме изменения климата, борьба с лесными пожарами, сохранение водохранных зон, сокращение потребления пластика, контроль за качеством воздуха. Имплицитной критикой государства является освещение проблемы чрезмерного использования пластика в России, особен-

но ярко проявляемой при использовании тактики контраста. «GreenPeace» демонстрирует опыт отказа от подобной упаковки иностранными ретейлерами. Например, «Крупный германский ретейлер Edeka использует «естественный брендинг» и не заворачивает в пластиковую упаковку органические фрукты и овощи», «В прошлом году крупный британский ретейлер Morrisons отказался от пластиковых фасовочных пакетов для взвешивания фруктов и овощей», «В прошлом году британский ретейлер Iceland заменил всю пластиковую упаковку для бананов на бумажные стяжки». Как правило, подобные посты заканчиваются призывом к подписчикам: «Подпишите обращение к российским супермаркетам, им тоже пора избавляться от лишней упаковки». Более того используя языковые средства, такие как использование глаголов в активном залоге, «Greenpeace» конструирует дискурсивный образ «борца». Например, «Сочинская активистка Оля Бойко объявила войну светшарам», «Активисты Greenpeace потребовали отпустить незаконно пойманных косаток и белух, которые сейчас содержатся в бухте Средняя в Приморье». «GreenPeace» также выступает с критикой закона, который позволяет сократить площадь лесов вдоль рек и озёр минимум в 5 раз, и таким образом ставит под угрозу будущее 50 млн гектаров лесов вдоль водоемов, где нерестится лосось и другие ценные виды рыб. В группе в том числе обсуждаются нововведения Роспотребнадзора, который ослабил нормы содержания в воздухе вредных веществ. «Новые гигиенические нормы, конечно, улучшают статистику — теперь она показывает, что меньше городов подвержены риску повышенной концентрации канцерогенных веществ. Но в то же время они не только не решат уже существующую проблему, но и позволят предприятиям увеличить объём выбросов». Используя тактику призыва к действию, «GreenPeace» пытается мобилизовать своих подписчиков. Примеры: «Поддержите требование к Роспотребнадзору! Подпишите петицию!», «Приходите на климатиче-

скую акцию в своем городе или примите участие во флешмобе», *«Помогите спасти от вырубки 50 млн гектаров лесов вдоль нерестовых водоёмов!»*.

Характерной особенностью дискурса группы **«Московский мусор в Ярославской области»** является выстраивание оппозиций «мы – простой народ», переживающий за экологию родного края, и «они – власть», неспособная/нежелающая решать вопросы сортировки и утилизации мусора: *«Мы можем быстро перейти на высокие показатели переработки отходов. Общество – готово, бизнес – готов. Дело осталось за самым неповоротливым институтом общества в России – властью»*. В группе обращают внимание на то, что региональные власти пытаются недопустить проведение мирных митингов против ввоза мусора из Москвы в регионы России: *«Неужели власть так боится мирного народа, обеспокоенного уносящими жизнь и здоровье экологическими проблемами?! Может лучше услышать его голос и задуматься?..»*, *«Мы спокойные, мирные, делаем всё в срок, соблюдаем закон. Мы хотим говорить про экологические проблемы и про тарифы, а вы сами загоняете нас в политику и разжигаете протест»*, *«Это показывает, что ситуация в сфере обращения с отходами критическая: разрыв "общество-власть" огромен»*. При этом подписчики подчеркивают низкий уровень доверия к власти: *«Люди не верят никаким заверениям властей и протестуют массово порой даже против неоформленных планов по строительству современного полигона, что, конечно, не может не радовать:)»*. В группе публикуются итоги митингов, проходящих в разных регионах России.

Отличный дискурс транслирует сообщество **«Центра защиты прав животных «ВИТА»**, в котором популяризируется веганство и этичные отношения к животным. Более того, сферу своей деятельности центр оценивает как приоритетную в сфере экологии: *«Заниматься проблемой мусора, не замечая миллиарды уносимых жизней – это всё равно, что убирать пластиковые стаканчики и окурки возле концлагерей»*.

Центр выступает с резкой критикой В. Путина, когда освещает проблемы, связанные с защитой морских и цирковых животных: *«Напомним, что инициатором постройки океанариумов в России – Москвариума на ВДНХ, для которого отловили первых косаток, и Приморского, в котором повально гибли десятки животных, является Путин В.В.»*, *«Владельцы "Москвариума" – ближайшие друзья президента Путина. Запашные – доверенные лица президента Путина. И.о. президента позднее – президент Путин Кто заинтересован в закрытии дел против системной жестокости в России? Кто заинтересован в эскалации жестокости в России? Кто заинтересован в жестокости и беззаконии? Кто заинтересован в тотальной лжи?»*.

Для дискурса данного сообщества характерно использование коротких, но ярких слоганов: *«Животные – не одежда! Запрет меха в мире! Будь веганом – спаси жизнь! Веганство – моральный долг и условие жизни человека на Земле. Спаси животных – закрой жестокий цирк в своей стране! Охота – серийное убийство! Спаси дельфина, пока он живой! Верни дельфину море! исключаящего убийство и эксплуатацию животных»*.

Социалистические сообщества

Дискурс общероссийской общественной кампании **«НАРОД ПРОТИВ повышения пенсионного возраста»**, инициированной объединением профсоюзов Конфедерация труда России (КТР) и поддержанной рядом партий, таких как «Справедливая Россия», КПРФ, «Яблоко» и др., можно назвать резонансным. Группа, созданная как реакция на принятый закон о пенсионной реформе, в дальнейшем начинает поддерживать другие протестные настроения и акции: против мусорных полигонов, против блокировок в Рунете. Наиболее емко отношение подписчиков к государственным органам можно описать цитатой из данного паблика: *«Люди, принявшие закон о повышении пенсионного возраста, теперь требуют к себе какого-то уважения»*.

Схожий дискурс транслируют и две региональные группы «**Трибуна Трудящихся Новости**» из Перми и «**Петербург против**» из Санкт-Петербурга. Пермское сообщество повествует о требованиях врачей о повышении заработной платы, о несогласии жителей с вырубкой сквера ради строительства бизнес-центра и несанкционированном митинге жителей Серова 23 февраля 2019 г. *«Причина, побудившая людей на такие действия все та же: поборы, повышение пенсионного возраста и высокие цены на вывоз мусора. «Мы – пенсионеры, мы не получаем баснословных сумм, как люди из мэрии. Нас довели «до ручки», мы скоро не только на несанкционированные митинги пойдём, но и вилы в руки взять не побоимся»*». Одна из главных претензий к государству, которая регулярно озвучивается в группе — это коррупция. Для подтверждения тезиса о необходимости борьбы с этим явлением приводится цитата М. Горького *«Рабочие! Вам давно пора понять, что источник всего зла и горя, всех несчастий и уродств жизни, источник этот - жадность ничтожного меньшинства людей, которые одичали, обезумели от жажды накопления денег и беззаконно, бессмысленно командуют жизнью трудового большинства, растрачивая его силы, истребляя сокровища земли, которые принадлежат вам»*, рецепт борьбы с коррупцией от Петра I: *«Кто украдёт из казны больше, чем стоит метр верёвки, тот на этой верёвке и повешен будет»* или опыт Китая. Протестная повестка поддерживается и в дискурсе группы «**Петербург против**», представляющей активистскую коалицию в защиту прав и интересов трудящихся. Например, в группе публикуются призывы к тем, кому *«кому осточертели дежурные комплименты, выйти на улицы, чтобы потребовать свободы, равных возможностей, безопасности и уважения для большинства трудящихся»* в Международный женский день. В сообществе размещаются также новости локальных акций протеста, в частности за сохранение наблюдений ГАО РАН и в защиту памятников ЮНЕСКО в Петербурге.

В группах социалистической направленности можно зафиксировать сильную интертекстуальную связь с **Российским социалистическим движением (РСД)**, выступающем за «демонтаж путинского режима» и стремящегося к «демократический социализм, основанный на общественной собственности, политической свободе и самоуправлении». В группе РСД подчеркивается, что в современной России публичная политика подавлена, поэтому *«основной формой борьбы за общественное влияние становятся уличные протесты и акции гражданского неповиновения»*. Объединяясь с несистемными левыми, свободными профсоюзами, феминистскими инициативами, творческими работниками, веганским блоком и другими, РСД ведет кампании за «политические, социальные и трудовые права, против репрессий и антинародных реформ». Для РСД характерен патетико-манипулятивный дискурс, воздействующий на эмоциональную сферу читающего: *«Еще одна жертва капитализма На АВТОВАЗе рабочий снова погиб из-за жары, точнее, из-за жадности начальства, экономящего на условиях труда», «Раны на теле оппозиции в Екатеринбурге Список репрессированных граждан, защищавших сквер в Екатеринбурге. Список возможно не полный и будет дополняться. Екатеринбургцы героически победили и смогли отстоять сквер», «Произвол полиции и ФСБ привел к тому, что город трех революций стал местом, где пытаются антифашистов, избивают стариков и подростков, выносят неправосудные приговоры, подтасовывают выборы, запрещают свободные профсоюзы», «Кто бы ни выиграл от ареста криминального сенатора, это будут не трудящиеся. Сколько бы ни посадили арахуковых, коридоры российской власти не станут чище. а ее связь с воротилами бизнеса - менее тесной. Гидра российского капитализма откусила себе одну голову. но на ее месте вырастут две новых...»*. Опираясь на эмоционально-аффективные и условно-символические образы в своих сообщениях, РСД стремится активизировать своих сторонников.

Партия **«Справедливая Россия»**, призывающая граждан России к борьбе за торжество великих ценностей – Справедливости, Свободы и Солидарности, регулярно повествует о своей борьбе с «Единой Россией». Например:

1. «СР» провела пресс-конференцию по теме «Социальные законопроекты Партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, отклоненные думским большинством»;

2. «В своем Послании Федеральному Собранию 20 февраля Президент РФ особое внимание уделил социальным вопросам и необходимости их решения с помощью национальных проектов. В частности, он затронул проблемы демографии и борьбы с бедностью. Почти всё, о чем говорил Президент в Послании, ранее было предложено в качестве социальных законопроектов фракцией СР в Госдуме. Однако все эти инициативы отклонило думское большинство»;

3. На пленарном заседании Госдумы обсуждался законопроект, предлагающий запретить закупки для чиновников автомобилей, которые стоят более 2 миллионов рублей. Депутат от «Единой России» Александр Максимов идею раскритиковал, сказав, что не стоит идти на поводу у граждан, питающих «традиционную, исконную, лютую ненависть» к состоявшимся и успешным людям, которые, по его мнению, неординарны и заслуживают этих благ. Единая Россия отклонила данный законопроект.

4. «Единая Россия» отклонила, внесенный в мае 2017 года законопроект СР о поддержке больных сахарным диабетом. Документ предлагал гарантировать больным сахарным диабетом предоставление бесплатного минимального объема медико-социальной защиты. В ходе пленарного заседания Госдумы член Комитета по охране здоровья Николай Герасименко сослался на опыт нескольких депутатов Госдумы, которые, по его словам, «имели сахарный диабет и сидели на инсулине, похудели на 30–40 килограммов и перестали принимать инсулин». Представитель «Единой России» также заявил, что те, кто

не хочет болеть сахарным диабетом, должны «заняться собой», а не лечиться фармацевтическими препаратами.

Таким образом в сообществе создается образ оппозиционной партии, готовой отстаивать интересы граждан РФ, но в этом им постоянно мешает «Единая Россия».

Либерализм

В данном контексте либерализм выступает в качестве «зонтичного понятия», включающего различные типы либерализма, которые могут быть **репрезентированы** как в «идеологических» сообществах, так и в «институциональных».

Следует отметить, что **«Медуза»**, **«Новая Газета»**, **«Эхо Москвы»**, **«Дождь»**, **«Republic»** продуцируют очень схожий как по своему содержанию, так и по способу реализации политический дискурс. В основном он представлен информационно-аналитическими текстами (аналитические обзоры, политические комментарии, тексты, выражающие мнение и оценку), в которых акцент изначально смещен с собственно информации на интерпретацию событий. Например, в «Новой Газете»: *«Очевидно, у следствия нет никаких, даже сфальсифицированных, доказательств причастности Азата Мифтахова к делу о несостоявшемся взрыве (как нет и официальных данных о том, что это все действительно происходило не на бумаге и малозаметном сайте)»*, в «Republic»: *«Типичная неделя путинской России. Понедельник: Содом и Гоморра в «Росгеологии». Среда: арест Арашукова в зале Совфеда. Четверг: царь-квартира главы «Газпрома» Миллера и арест полковника из антикоррупционного управления за взятку. Доверие россиян к государственным институтам неуклонно падет. С чего бы это?»*. В целом, можно констатировать, что в соответствии с собственной прагматической целью нескрываемой критики действующей власти в дискурсе данных изданий применяются определенные приемы, воздействующие на эмоциональную сферу человека. Так, к приме-

ру, «Новая Газета» отбирает, интерпретирует факты и фиксирует восприятие на определенных оценочных сигналах с целью дискредитации своих оппонентов – власти («*Вы хотели материнского гнева? Так слушайте: — Я раньше не интересовалась политикой. Смотрела новости, всему верила, голосовала за президента. Но государство заставило меня встать, открыть глаза и придти сюда. Они забрали моего ребенка, издевались над ним. Теперь ему и другим детям грозят ужасные сроки. С ужасом жду весны, весной огласят приговоры. Я точно знаю, что моего сына пытали. И я думаю все время: те, кто пытал, сколько бы они выдержали, если б пытали их? Кто наделил их этими полномочиями? Почему они вправе зарабатывать таким образом себе звездочки и складывать деньги в карман?»*). Те же приемы использует «Медуза»: «*Как поднять рейтинг Путина. Вот способ ВЦИОМа*», «*Согласно уставу, член «Единой России» должен быть скромн и сдержан. Но заявления Андрея Клишаса о том, что у него есть многое из упомянутого в расследовании ФБК и даже «намного больше», в комиссии по этике сочли защитой чести и достоинства*». Для достижения поставленной цели в политическом дискурсе выбранных изданий применяется тактика гиперболизации, при которой конструируется негативной образ действительности, страны, находящейся в состоянии острого кризиса, в которой торжествует коррупция, не работают законы, правоохранительные органы без причины задерживают людей, отсутствует свобода слова: «*За пять лет «черные кредиторы» без суда отобрали у должников в Москве и окрестностях более 500 квартир*» (Медуза), «*Российский проект системы спутникового интернета «Эфир», аналог британской системы OneWeb, подорожал с 299 миллиардов до 533,6 миллиарда рублей. Почему это произошло, в «Роскосмосе» не уточнили*» (Медуза), «*Оказалось, что среди учредителей компании, которая контролирует транспортно-логистический центр, значатся не только несколько частных компаний, но и сенаторы. В этих крайне запутанных схемах разбиралась журна-*

листка» (Дождь) и т.д. Наиболее типичной реакцией подписчиков данных изданий на подобные новости является фраза В. Черномырдина «Никогда такого не было, и вот опять».

Можно заключить, что в дискурсе **«Медузы»**, **«Новой Газеты»**, **«Эха Москвы»**, **«Дождя»**, **«Republic»**, с одной стороны, реализуется доминантная стратегия дискредитации ОНИ-групп, ориентированная на конструирование негативного образа действующей власти, а с другой стороны, поддерживается стратегия положительной репрезентации МЫ-групп, все те, кто сохраняет здравость мысли и противостоит установившимся властным отношениям – несогласным.

Дискурс **«Ведомостей»** нельзя назвать в полной мере оппозиционным. Несмотря на то, что в издании публикуются материалы с критикой действующей власти, их отличает детальная проработанность освещаемых тем и нейтральность выбранных лексических средств. Как правило, наряду с описанием самого информационного события, отдельно поднимается история вопроса, приводятся комментарии разных сторон. Слабая оппозиционность дискурса отличает и группы **«Классический либерал | КЛ»** и **«Экономика, политика, общество, управление»**, ориентированные в первую очередь на просвещение своих подписчиков. В них цитируются работы Л. Мизеса, Дж. Мильтона, И. Канта, Э. Бёрка, Ш.Л. Монтескье или обсуждаются последние экономические и политические новости. Тем не менее в данных сообществах конструируется образ экономически нестабильного государства: *«Идет 10 год после окончания Мирового кризиса. Развивающиеся страны продолжают расти, перестроившись на внутренний рынок. Развитые зафиксировали высоты, и не собираются их сдавать. А мы, к огромному сожалению, зафиксировали свою отсталость. Тут только и остается, что злорадствовать проблемам вечнозагнивающего Запада. И ожидать темпов роста выше среднемировых в следующем году. Вот в следующем году обязательно!»*.

Наиболее критичным в отношении политики государства среди пабликов является сообщество с говорящим названием **«Я выступаю против Путина и Единой России»**, целью которого является «объединение всех противников Путина и Единой России для их (путина и единоРоссов) мирного отстранения от власти». Отличительной особенностью дискурса данной группы является использование слабо завуалированных оскорблений через сеть хэштегов: #сказочные_долобо*бы #путин #вор; #долой_власть_чекистов; #Сказочный_и_обидчивый; #Диктатура_Сказочного; #ФСБ_НКВД; #защити_президента #эту_власть_не_за_что_уважать; #плешивый #уйло; #долой_власть_чекистов; #путин_тебя_всегда_предаст. Основными объектами критики выступают действия Президента, Правительство, а также коррупция и разрыв в заработной плате депутатов/чиновников и остального населения России. Информация о несоответствии декларируемых доходов и фактических трат политической элиты регулярно публикуется и в группе **«Команда Навального»**: *«В последнее время мы всё чаще видим новости о роскошных апартаментах российских чиновников. При этом стоимость купленной недвижимости, как правило, превышает официальный годовой доход владельцев в десятки, а то и в сотни раз», «Роскошные автомобили и зверские убийства, кричащая роскошь чиновников и отчаянная нищета 70% населения — это Северный Кавказ»*. Следует отметить, что в дискурсе «Команды Навального» выстраивается противопоставление прекрасной России будущего и ужасающей действительности.

В дискурсе **«Наблюдатели Петербурга за честные выборы»** и **«Российская ЛГБТ-сеть»** подвергаются критике частные аспекты, ответственность за которые несет власть: особенности электорального процесса на региональном уровне («вы хотите преобразовать имитационные электоральные мероприятия в нашем городе в настоящие демократические выборы») и проявление гомо-би-трансфобии в России. В группе «Российская ЛГБТ-сеть» публикуется посты, целью кото-

рых является защита представителей ЛГБТ сообщества. Например, предупреждение о наличии телефона юридической горячей линии во время проведения акций, о программе экстренной помощи российской ЛГБТ-сети, о помощи проживающим в Чеченской республике: *«Тревожные сообщения Северного Кавказа продолжают поступать: Российская ЛГБТ-сеть по-прежнему помогает в оказании экстренной помощи людям, пострадавшим в результате массовой кампании, организованной властями Чеченской Республики. Важно спасти тех, кого еще можно спасти. Если вы стали жертвой преследования, пишите нам на почту», «В Чечне и других регионах Северного Кавказа до сих пор существует традиция «красть невест» и насильно выдавать замуж. Кроме того, традиция «убийства чести» квир-женщин Кавказа поддерживается властями».*

Публикуя в качестве сообщений обширные цитаты из заявлений В. Жириновского, политический дискурс группы **«ЛДПР»** можно в полной мере признать отражением и «проводником» персонального дискурса политика: *«Я не могу понять: для чего все это делается? То злят народ мусорной реформой, то не дают права защищаться от животных. Выглядит как провокация недовольства, подталкивание к беспорядкам и смутам. Победить Россию в открытой войне невозможно. Чтобы раскачать ситуацию в стране, во всех учреждениях должна сидеть «пятая колонна», агенты Запада. С задачей так довести народ, чтобы миллионы вышли бунтовать на улицу. В это начинаешь верить, когда видишь: во все законы заложены предпосылки к саботажу и ухудшению ситуации».* Как и в дискурсе других парламентских партий объектом критики становятся принятые «Единой Россией» законопроекты, а также действия чиновников «на местах»: *«Из разных регионов России приходят новости об издевательствах чиновников над простыми людьми. Где-то это издевательство принимает форму циничных шуток, где-то звучат прямые оскорбления».* Схожие дискурсивные стратегии, но выраженные в более сдержанной

форме, можно зафиксировать и в группе партии **«Яблоко»**: *«В российских больницах сокращается число коек? Нет ВУЗов мирового уровня? По улицам Хабаровска ходят троллейбусы из 70-х годов прошлого века? За 20 лет в стране не решена ни одна инфраструктурная проблема? В любой непонятной ситуации кричи про золото в подвалах Центробанка»*. Помимо критики принимаемых политических решений, для доказательства истинного масштаба коррупции и дискредитации политических оппонентов в группе публикуются отчеты Центра антикоррупционной политики «Яблока»: *«Реакция генпрокуратуры на заявление ЦАП «Яблока» по поводу тамбовского губернатора и новые красочные подробности из жизни бизнес-империй Пригожина и Жириновского – в нашем еженедельном дайджесте»*, *«За три года после публикации «Панамского досье» российская Прокуратура так и не возбудила ни одного уголовного дела по статье об отмыывании денег, выяснил Центр антикоррупционной политики «Яблока» (ЦАП). Между тем, еще в 2016 году ЦАП нашел имена десятков российских политиков и чиновников в опубликованных документах, в том числе, предполагаемых родственников Владимира Путина»*.

Отдельную группу составляют паблики, относящиеся к жанру инфотейнмента, такие как **«Либерал»**, **«Лентач»**, **«КБ»**, **«Сатира Без Позитива / Новости с овощебазы»**, **«Диванный аналитик»**, для которых характерна сатирическая подача информации в игровой форме. Иллюстрации в данных пабликах представляют собой симбиоз юмора и новостной информации, позволяющие привлечь внимание интернет-пользователей в информационном потоке и ускорить восприятие сообщения. Дискурс данных сообществ отличается большим количеством разного рода шуточных комментариев, саркастических домыслов, фантазийных следствий, описанием общественно-политических событий в виде бытового курьеза. Подобные приемы, как правило, используются для иронической дискредитации, смещения акцента с собственно информации на оценку и эмоциональное восприятие. Более

того именно умение декодировать зашифрованное в комическую форму сообщение позволяет пользователям определять круг «своих» и «чужих». Как правило, наибольший воздействующий эффект оказывают мемы, в которых заложена некоторая чувствительная для пользователей идея, комически обыгрываемая до абсурда. Именно поэтому в данных сообществах критике подвергается решения действующей власти, влияющие на повседневную жизнь россиян здесь и сейчас. Высмеивание, с одной стороны, способствует росту недовольства политическими решениями, а с другой – оказывает своеобразный терапевтический эффект, позволяя пользователю снять напряжение и обратить свои негативные эмоции в смех. Например:

«Росстат: В России зафиксирован рекордный экономический рост. Мы точно живем в той же России, что и Росстат?»;

«Как все было на самом деле. Когда Чайка вышел на трибуну Совета Федерации и объявил, что сейчас будут арестовывать преступника, к выходу рванули все, включая Матвиенко...и только Арашуков остался сидеть – он не знал русского языка. Его и задержали.»; «Будущее есть только у России. Потому что во всех других местах оно уже наступило»,

«1. Власть давит вас при любом удобном случае. 2. Власть разворовывает страну. 3. Власть сама живет вне страны. 4. Вы не можете власть выбирать. 5. Власть отгородилась от вас штыками. Почему вы все время боитесь, что страну кто-то захватит, если это уже случилось?»;

«Пока Путин на международном форуме рассказывает, как власти будут обустривать Арктику, можете посмотреть на фотографию Мурманска.»

«Если сын Генерального прокурора Игорь Чайка поправится еще на 5-6 кг, ему можно будет присвоить кадастровый номер»

Необходимо отметить, что общей темой оппозиционного дискурса является несправедливость.

Лоялистский дискурс политизированных сообществ

Тринадцать аффилированных с государством сообществ являются носителями охранительного дискурса: 5 представителей СМИ (**РТ, Телеканал Звезда, РИА Новости, Российская газета, Первый канал**), 3 министерства (**МЧС, Минобороны России, МИД РФ**), государственная корпорация по космической деятельности **«Роскосмос»**, политическая партия **«Единая Россия»**, **Государственная Дума РФ, ОНФ — Народный фронт, Молодая Гвардия**. Все эти группы являются трансляторами официального политического дискурса, который ориентирован на акцентировании внимания на положительной информации, демонстрации успехов, достигнутых под нынешним руководством. Следует подчеркнуть, что в дискурсе данных групп доминируют сдержанные, простые по звучанию, положительно окрашенные сообщения, настраивающие читателей на позитивное восприятие событий.

Большой исследовательский интерес представляют двенадцать не связанных напрямую с государством групп:

1. Политкач | Политика
2. Страна скакуасов, или новости как они есть
3. ANNA-News|Фронтовые новости|Сирия|ЛНР|ДНР|
4. Мне реально нравится Путин! [Политика, Россия]
5. Мировая Политика
6. Политика сегодня | Новости
7. Курсом Путина. НОД. REFNOD.RU
8. Уставший оптимист – Политика, Юмор, Жизнь!
9. Россия – великая страна!
10. Эту страну не победить!
11. Холодная война 2.0
12. Нетипичная политика™

Дискурс группы **«Эту страну не победить!»** базируется на преподнесении визуальной информации с насыщенными позитивными коннотациями: живописные пейзажи из разных регионов России, портреты российских женщин с подписью «Русские девушки самые красивые» или «Настоящая русская красота», фотографии времен Великой Отечественной войны («Отец вернулся с фронта. Больше, чем фото!»), а также демонстрация успехов государства и лично В. Путина в сфере оборонной промышленности («Сушки, которые неприятелю не по зубам», «Между этими фото 20 лет. Вот так изменилась армия РФ») и внешней политики («Тот момент, когда от одного взгляда Путина подкашиваются ноги у Обамы», фото В. Путина с подписью «За ним Россия как за каменной стеной», «Неважно, что говорят у тебя за спиной. Важно, что когда ты повернешься – все молчат»). Таким образом, героический образ В. Путина встраивается в разделяемый всеми культурный контекст.

Помимо апелляции к общероссийским ценностям, таким как победа в ВОВ, красота родного края, великая история, в дискурсе групп **«Холодная война 2.0»**, **«Политкач»**, **«Нетипичная политика»**, **«Страна скакуасов, или новости как они есть»**, **«Мне реально нравится Путин»**, **«Россия – великая страна!»** отчетливо прослеживается использование тактики диффамации и дискредитации политического оппонента – либеральной общественности в целом и А. Навального в частности:

«Без сердцебиения ты начинаешь бледнеть. Без кислорода ты начинаешь синеть. Без мозга ты начинаешь видеть ЧВК Вагнера повсюду».

«Либеральные СМИ вводят тотальную цензуру и банят неудобных в соцсетях. The Insider: Что мы говорим свободе слова? Дождь: Не сегодня».

«Обожаем либералов: – Власть у нас вся коррумпированная, не сажают чиновников! ...Начали сажать губернаторов, мэров, силови-

ков, депутатов... – Путин, ты устраиваешь 37-й год, тиран! Обожаем либералов».

Как ответ на протестные настроения молодежи в данных сообществах публикуются посты юмористической направленности:

«Три неудобных вопроса Путину: 1) Почему мусор, который я выбрасываю с балкона, лежит под ногами у людей? 2) Я пять раз сходил на митинг, но мой Айфон все еще прошлогодней модели. Кто виноват? 3) Мне 28 лет, институт не закончил. Я блогер и творческая личность. Почему меня не берут на высокооплачиваемую работу?».

«От создателей «Долой свалки», режиссеров «Платон не пройдет», продюсеров «Спасение чеченских геев», сценаристов «Крушение стадионов Сочи» и его сиквела «ЧМ не будет», актеров «Нефть по 20 без хамона» – новая душераздирающая драма «Негде гулять».

Значительное место в дискурсе сообществ занимает построенная на контрасте тема украинского конфликта, взаимоотношений России со странами Запада. Как правило, подобные сообщения комплиментарного характера направлены на дискурсивное конструирование образа В. Путина как мудрого внешнеполитического стратега-победителя: «Русские издревле спасают мир. 14 век от татаро-монгол, 19 век от Наполеона, 20 век от Гитлера, 21 век от ИГИЛ», «26 марта 2000 В.Путин был избран Президентом России на первый срок. Под его руководством наша страна начала долгий путь к возвращению своего авторитета на международной политической арене».

Не считая общих для всех лоялистских пабликов тем, таких как критика политики Украины, США, Великобритании, центральными темами в группах **«Мировая Политика», «Политика сегодня|Новости», «ANNA-News|Фронтовые новости|Сирия|ЛНР|ДНР|»** являются достижения России в области новейшего вооружения и военной техники, геополитические успехи В. Путина. Данная группа пабликов образует кластер милитаристского дискурса.

Отличный от всех дискурс артикулируется в сообществе **«Уставший оптимист – Политика, Юмор, Жизнь!»**. Автор готовит небольшие по продолжительности видеосюжеты, в которых активно использует аргументативные и интерпретативные стратегии. Сообщения в этом паблике отличает то, что они не только передают информацию о событии, но и преподносят ее в наиболее занимательном и доступном виде. Достигается это путем трансформации в более легкую для восприятия форму (достаточно часто при помощи простонародного языка), а также путем отбора из реального события наиболее интересных фрагментов и красочного их описания с добавлением кадров из всем известных российских и советских кинофильмов. Например, типичный анонс к видео: *«Всем доброго времени суток. Сегодня мы продолжим нашу тему и сегодня рассмотрим вопрос коррупция в 90 в России. На самом деле коррупция в России 90 годы была страшная. В целом коррупция при Ельцине была одной из самых высоких за всё время. Оно и понятно, ведь был взят конкретный курс за развал СССР и в дальнейшем на развал России. Тем не менее началось полным ходом противодействие коррупции в России. <...> На сегодня Путин борется с коррупцией весьма активно и что не мало важно успешно. Можно сказать пошло возрождение России Путина. И конечно вы узнаете за что сел Ходорковский. Приятного просмотра»*. В дискурсе **«Уставший оптимист – Политика, Юмор, Жизнь!»** также прослеживается последовательная критика либералов, «у которых всегда серия либерального водевиля «Кранты, кранты, нам всем кранты!»».

Нейтральный политический дискурс

В группу политизированных сообществ, занимающих либо нейтральное отношение к государству, либо не отображающих свою собственную позицию относительно проводимой политики, попали как

«институциональные» сообщества, так и идеологические. Среди них обращают на себя внимание две группы сообществ: экологическое движение «Раздельный сбор», активисты которой выступают за развитие системы цивилизованного обращения с отходами, и группы феминистической направленности.

Особенностью дискурса феминистических групп (**«Школа феминизма»**, **«ФАКТЫ_АНТИсексизм_АНТИшовинизм_ФЕМ»**, **«Подслушано Феминизм»**, **«Чашечку феминизма и печеньку, пожалуйста»**) является ориентация «внутри себя», так называемый «эго-дискурс». Признавая современное государство продуктом патриархальной системы, феминистические группы, в первую очередь, освещают вопросы, связанные с дискриминацией женщин, сексуальной объективацией, женской мизогинией, гендерной социализацией.

Для дискурса **экологического движения «Раздельный сбор»** также характерна явно проявляющаяся себя тактика «информирования». Посты группы направлены на популяризацию идеи сбора вторсырья (*«Наши волонтеры на личном примере показывают, что пользоваться пунктами приёма вторсырья не сложно и не страшно»*), описание преимуществ отдельного сбора перед мусоросжиганием (*«Необходимость мусоросжигания объясняется тем, что существует некая (почему-то в разных странах разная) доля отходов, которые невозможно переработать и нет места захоронить. Почему же товары, произведенные человеком для человека из природных ресурсов с использованием научно-технических знаний невозможно тому же человеку переработать? В большинстве случаев речь не идет о технической невозможности. Наиболее часто встречающийся аргумент — экономически нецелесообразно»*), продвижение концепции zero waste (*«Во время акций в феврале и марте движение "Раздельный Сбор" не просто принимало у вас вторсырье в переработку, но и призывало уменьшить количество образующихся отходов»*). Отличительной особенностью дискурса экологического движения является

ся сдержанность в высказываниях, подчеркнутая открытость к диалогу между властью и гражданским обществом. Среди целей сообщества указывается «содействие налаживанию взаимопонимания между властями, бизнесом и населением при решении вопроса, что и как мы будем делать с отходами в будущем». В соответствии с заявленной целью в группе регулярно публикуются сообщения о встречах представителей организации с органами государственной власти: *«Сегодня Анна Гаркуша в командировке в Москве, присутствует на открытой встрече заместителя Министра природных ресурсов и экологии В.Г. Логинова с послом Финляндии в РФ Микко Хаутала и представителями финских компаний по вопросу обращения с отходами»*. Дискурс «Раздельного Сбора» направлен на формирование содружества, например, через обращение к своим подписчикам «Друзья», учета их мнения в вопросе развития организации и ее акций, выстраиванием скорее совещательной модели взаимоотношений: *«Предложите идеи по улучшению городской среды в своём районе: tvoybudget.spb.ru Например, предложите установку контейнеров для раздельного сбора!»*.

Более того в своих постах «Раздельный сбор» не использует столь присущие экологическим движениям тактики запугивания, воздействующие на эмоциональную сферу человека, и гиперболизации, при которой конструируется негативной образ реальной действительности. Для сравнения дискурсивной особенностью постов группы **«Экология России»** является акцент на визуальной информации. Большая часть публикаций является образцами социальной рекламы, производимой в разных странах мира. Опираясь на эмоционально-аффективные и условно-символические образы, подобные посты без интерпретации со стороны сообщества призваны, с одной стороны, привлечь внимание к освещаемым проблемам, попытаться сформировать новые поведенческие установки подписчиков, а с другой,

сконструировать образ мировой экологической катастрофы, которую никто не решает.

Выводы

Сравнительный анализ дискурса политизированных сообществ во «ВКонтакте» позволяет сделать ряд выводов. В результате исследования было выявлено, что виртуальное политическое пространство различается как по интенсивности выраженности идеологического дискурса, так и по форме его презентации. В выборку исследования попали и сообщества, публикующие аналитические материалы, и развлекательные, предоставляющие информацию в формате инфотейнмента.

Все дискурсивное политическое пространство представляет собой противостояние в борьбе за смыслы и доминирование в общественном сознании. Сравнительный анализ дискурса сообществ выявил ряд дихотомий, отражающих ценностные разломы независимо от идеологической специфики анализируемых ресурсов. В первую очередь это разделение касается восприятия России сегодня и отношения к действующей власти. Виртуальное политическое пространство можно условно разделить на три неравных по объему кластера: оппозиционный, лоялистский, нейтральный, в которые встраиваются уже другие дихотомии такие как: прошлое/настоящее; сталинизм/антисталинизм; гендерное равенство/патриархат; патриотизм/космополитизм; религиозность/секуляризм, что позволяет говорить о взаимопроникновении дискурсов и дискурсивной гетерогенности. Примечательно, что все оппозиционные сообщества имеют весьма размытое видение будущего России, которое строится скорее на контрасте с настоящим («главное, чтобы не так как сейчас»). Образ настоящего сконструирован из тотальной коррупции, разрыва в уровне доходов депутатов/чиновников и остального населения России, принятия антинародных законов (таких как пенсионная реформа), и в целом неэффективности работы органов государственной власти. Таким образом, в дискурсе оппозицион-

ных политизированных сообществ четко прослеживаются антиэлитные настроения через противопоставление «МЫ-ОНИ», направленное в итоге на формирование образа врага, виновного в сложившейся ситуации. При этом в зависимости от занимаемого места в политической системе критикующая сторона с разной степенью интенсивности возлагает ответственность за неудовлетворительное социально-экономическое и политическое состояние страны либо на обобщенную власть, либо на определенную партию, либо на правительство, либо на президента. Необходимо отметить, что практически все оппозиционные группы разных идеологических направленностей активно поддерживают протестные настроения и акции: против строительства храма в Екатеринбурге, против мусорных полигонов в Шиесе, против блокировок в Рунете, а также подчеркивают необходимость политизации социальных протестов.

На общем фоне оппозиционных групп выделяются коммунистические сообщества, для которых идеальным будущим является идеальное прошлое: ностальгически-идиллические картины прекрасного СССР противопоставляются устрашающей действительности. Отдельно необходимо отметить дискурсивное конструирование образа И. Сталина как эффективного управленца, сильного политического лидера, способного решить любые проблемы социальной, экономической и политической жизни. Таким образом, сообщества, ежедневно транслируя подобные сообщения, порождают и закрепляют в сознании подписчиков устойчивый ассоциативный ряд «Сталин – защитник «простого народа», справедливости и равенства». Можно предположить, что подобные паблики являются своеобразным ответом на острый запрос на справедливость, существующий в обществе. Необходимо отметить и разворачивающуюся между коммунистами и лоялистами борьбу за дискурс о Великой Отечественной Войне: благодаря кому была одержана победа – Сталину, СССР? Или это связующий символ, историческое прошлое, объединяющий всю Россию сейчас?

В виртуальном пространстве оппозиционным сообществам противостоят лоялистские, дискурс которых сфокусирован на положительной информации о государстве, демонстрации успехов, достигнутых под нынешним руководством. Как правило, про-властные сообщества апеллируют к общероссийским ценностям, таким как победа в ВОВ, красота родного края, великая история. Значительное место в дискурсе сообществ занимает тема украинского конфликта, взаимоотношений России со странами Запада, в рамках которых конструируется образ В. Путина как мудрого внешнеполитического стратега.

Отдельно необходимо отметить амбивалентность либерализма в России: для групп коммунистической направленности либералы уже находятся во власти и виноваты в катастрофическом положении некогда великой страны, в свою очередь для лоялистов либералы – это все те, кто стремится к власти и выступает с критикой государства.

Подводя итоги, важно еще раз подчеркнуть, с одной стороны, наблюдаемую подвижность границ дискурсов (все дискурсы так или иначе перекликаются между собой), а с другой – разворачивающуюся дискурсивную борьбу за интерпретацию «прошлого-настоящего-будущего».

Глава 7. Третьи пространства и политическая коммуникация

7.1. Третьи места и третьи пространства:

«Интернет вне политики»

Публичная сфера не ограничивается концентрацией на политических вопросах и постепенно преодолевая границы частного, распространяется на значительную часть социального пространства.

Эпоха повсеместного распространения социальных сетей, в том числе и на мобильной платформе, в значительной степени изменила поведение людей во многих аспектах их повседневной жизни. Одним из аспектов этих изменений является то, что пользователи во всем мире регулярно подключаются к Интернету, находясь в общественных местах, таких как кофейни, пабы, клубы и пр. Эти общественные места определяются социологами как «третьи места», которые служат общественной сферой вне рабочего места и дома и предоставляют людям возможность не только общения с близкими, но и для участия в городской гражданской жизни, обсуждения актуальных политических событий и пр.³⁴⁴

Согласно классической трактовке данного понятия, практика посещения «третьих мест» характеризуется личными контактами между людьми, которые облегчают досуг, вносят разнообразие в привычный поток информации, обеспечивают социальную поддержку и создают пространство для интеллектуальных бесед³⁴⁵. В течение последних трех десятилетий область «третьего места» была расширена, так как появлялось большое количество новых типов физических и виртуальных пространств. Однако социальные сети («Facebook», «ВКонтакте» и пр.) и мобильные приложения, которые производят контент (например, «Instagram», «MySpace») превращают общение между людьми из личного общения в онлайн-взаимодействие, что также меняет

³⁴⁴ Oldenburg R. (1989) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlours, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You through the Day*, New York: Paragon House.

³⁴⁵ Rosenbaum M. S. (2007). A cup of coffee with a dash of love: An investigation of commercial social support and third-place attachment. *Journal of Service Research*, 10 (1), pp. 43-59.

восприятие людьми «третьего места», поэтому мы сосредоточимся на рассмотрении того, как политические разговоры и вовлеченность в них возникают в неполитических виртуальных сообществах, то есть в «третьих пространствах».

Такие пространства вовсе не предназначены для политических целей, а скорее, в ходе повседневной беседы (обмена комментариями), становятся политическими через связи, которые люди делают между своей повседневной жизнью и актуальными политическими (и/или социальными) проблемами. Поэтому целью данной главы будет раскрыть понятие «третьего пространства» на примере рассмотрения политического дискурса в неполитических виртуальных сообществах в социальной сети «ВКонтакте».

Родоначальником концепции «третьего пространства» считается американский социолог Рэй Ольденбург. Изначально учёный говорил о «третьем месте», что означало общественное пространство за пределами дома (первое пространство) или рабочего места (второе пространство), где люди могут встречаться и общаться неформально³⁴⁶. Данные пространства названы на основе места, так как они находятся в едином общественном пространстве.

Ольденбург утверждает, что «третьи места» играют решающую роль в развитии обществ, содействуя укреплению гражданства и, таким образом, являются центральными в политических процессах демократии. Они являются привлекательными и притягательными для людей по следующим причинам: во-первых, там они не чувствуют социальной иерархии, а ощущают полное равенство; во-вторых, в этом небольшом обществе все его члены разделяют общие убеждения; в-третьих, регулярное посещение данного места позволяет стать «завсегдаем», где все будут знать твое имя, привычки и пр.

---

³⁴⁶ *Oldenburg R. (1989) The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlours, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You through the Day, New York: Paragon House.*

Разговор является первостепенным, так как люди приходят в это «третье место» для того, чтобы обсудить проблемы дня, поговорить о своих проблемах, высказываться о работе, просто познакомиться друг с другом и «убежать» от реальности. Они воспринимают виртуальный мир как «место», где они могли бы самовыразиться и это подвергает людей к разнообразию в их мировоззрении, что обеспечивает поддержание «психического равновесия» или «перспективы» на жизнь³⁴⁷. Также есть две важные особенности третьего места – это его публичная доступность и то, что оно позволяет людям испытывать чувство свободы и личного контроля³⁴⁸.

На основании вышесказанного, Р. Ольденбург выделил ряд функций «третьего места»: (1) продвижение демократии, (2) единство местного сообщества, (3) множественные дружественные связи, (4) источник жизнерадостности (городское пространство как источник жизнерадостности: кафе, общественные пространства и пр.), (5) создание пространства взаимопомощи (значимые места как точки самоорганизации сообщества в нестандартных ситуациях), (6) создание социального капитала (взаимное влияние людей с разными навыками и интересами с положительными эффектами для производительности сообщества), (7) понижение стоимости жизни (за счет более развитых социальных связей), (8) более качественная жизнь в пенсионном возрасте, (9) личностное развитие, (10) интеллектуальный форум, упорядочивающий обсуждение общественно значимых вопросов³⁴⁹.

С массовизацией Интернета классические «третьи места» реального мира были замещены своими аналогами в виртуальном пространстве, что привлекло внимание исследователей. Кроме того, но-

---

³⁴⁷ Steinkuehler C. A., Williams D. (2006) Where everybody knows your (screen) name: Online games as “third places”. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 11 (4), pp. 885-909.

³⁴⁸ Berger P. (1963). *Invitation to sociology*. New York: Doubleday.

³⁴⁹ Oldenburg R. (1989) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlours, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You through the Day*, New York: Paragon House.

вое «третье место» приняло динамичную форму, которая отчетливо отличается от традиционной, статичной по своей природе.

В 2000-е и начале 2010-х гг. начали выходить теоретические³⁵⁰ и эмпирические исследования³⁵¹ онлайн-дискуссий. При этом сохранялась актуальность вопроса: как концептуализировать третье место в контексте виртуального мира и действительно ли новые медиа облегчают или ослабляют политические разговоры?

В современной трактовке концепции «третьего места», которая в научных публикациях сейчас чаще называется «третьим пространством», акцент сделан именно на неформальных, повседневных политических разговорах, которые происходят в Интернете³⁵². Такие разговоры имеют решающее значение для гражданской жизни и демократического здоровья в целом, так как демократически важные политические и социальные изменения озвучиваются в коммуникации обычных граждан³⁵³.

Так, Ч. Соукп соглашается с концепцией Р. Ольденбурга, но говорит, что термин «виртуальное третье место» более точен, так как онлайн-взаимодействие выходит за пределы пространства и времени и изменяет идентичность и символические аспекты коммуникации³⁵⁴. Кроме того, такие факторы как локализация, доступность и присутствие могут помочь выявить определенные типы онлайн-сообществ.

---

³⁵⁰ *Margolis M., Resnick D.* (2000) *Politics as Usual: The Cyberspace Revolution*. London: Sage; *Wright S.* (2012) "From 'Third Place' to 'Third Space': Everyday Political Talk in Non-Political Online Spaces," *Javnost – The Public*, 19(3), pp. 5–20.

³⁵¹ *Davis R.* (2005) *Politics Online: Blogs, Chatrooms, and Discussion Groups in American Democracy*. London: Routledge; *Steinkuehler C., Williams D.* (2006) *Where Everybody Knows Your (Screen) Name: Online Games as "Third Places"*. *Journal of Computer Mediated Communication* 11, 4; *Forlano L.* (2009). *WiFi geographies: When code meets place*. *The Information Society*, 25(5), 344-352; *Hampton K. N., Livio O., Sessions Goulet L.* (2010) *The social life of wireless urban spaces: Internet use, social networks, and the public realm*. *Journal of communication*, 60(4), pp. 701-722.

³⁵² *Wilhelm A.* (2000) *Democracy in the Digital Age: Challenges to Political Life in Cyberspace*. London: Routledge.

³⁵³ *Kim J., Kim E.J.* (2008) *Theorizing Dialogic Deliberation: Everyday Political Talk as Communicative Action and Dialogue*. *Communication Theory* 18, 1, pp. 51-70.

³⁵⁴ *Soukup Ch.* (2006) *Oldenburg's Great Good Places on the World Wide Web Computer-Mediated Communication as a Virtual Third Place*. *New Media and Society* 8, 3, pp. 421-440.

Стоит сказать, что в «третьих пространствах» всё же есть место для политики. К третьим пространствам можно отнести личные страницы лидеров и государственных служащих. Чтобы стать частью третьих пространств политика должна проникнуть в мир повседневности.

Базис, заложенный работой Р. Ольденбурга, остается и по сей день интересным и важным. В частности, концепция «третьего места» помогает по-другому подойти к вопросам публичной сферы, которая наиболее тесно связана с работами Ю. Хабермаса. Во-первых, эта концепция даёт нам понимание того, какие темы и события считаются политически важными среди граждан, так как онлайн-обсуждения отражают актуальные новости политики. Во-вторых, виртуальные дискуссии имеют более широкую форму коммуникации, так как включают в себя юмор, эмоции (смайлы), определенные фразы-маркеры, которые пользователи идентифицируют по смыслу одинаково (например, фраза «денег нет, но вы держитесь»). Наблюдение за такой формой повседневного разговора может помочь в выявлении значимых трендов в отношении граждан к политике, каких-либо предложений по реформированию политической сферы, начиная от своего муниципального округа или дома и заканчивая политической системой государства и пр.³⁵⁵ В-третьих, посредством повседневных политических разговоров граждане конструируют свою идентичность, спорят по важным вопросам, формируя общественное мнение и создавая правила и ресурсы для совещательной демократии.

Однако Дж. Мэнсбридж отмечает, что повседневный разговор не всегда носит совещательный характер, потому что ему может не хватать, порой, логики и критической рефлексии. Несмотря на это важное замечание, исследователь всё же утверждает, что учёные должны уделять столько же внимания повседневному разговору граждан, сколько формальному обсуждению на общественных аренах, не в последнюю

³⁵⁵ *Graham T.* (2008) *Needles in a Haystack: A New Approach for Identifying and Assessing Political Talk in Nonpolitical Discussion Forums.* *Javnost – The Public* 15, 2, pp. 17-36.

очередь потому, что необходимо понимать о чём люди говорят, чтобы отражать данные вопросы в формальных общественных обсуждениях, которые, при не соблюдении данного условия, в долгосрочной перспективе могут потерпеть неудачу³⁵⁶.

7.2. Политический дискурс «третьих пространств»

Поскольку основная выборка нашего исследования касалась только политизированных сообществ, для улучшения критерия сравнимости исследования мы решили дополнить его небольшим сравнительным анализом политической коммуникации вне политизированных комьюнити, предположив, что политическая коммуникация может иметь определённую специфику в «третьих пространствах».

Для составления дополнительной выборки постов в сообществах, которых мы концептуализировали как третьи пространства, мы воспользовались поисковым сервисом «ВКонтакте». Отбор осуществлялся по предложенным этим сервисом «тематикам», среди которых учитывались (1) самые общие тематики (отдельный поиск по подтематикам не осуществлялся); (2) только тематики, относящиеся к третьим пространствам – связанные прежде всего с отдыхом и не имеющие отношения к первым двум пространствам – работе, профессиональной и образовательной деятельности, домашней сфере, а также содержащие политические подкатегории (в связи с этим были исключены тематики «бытовые услуги», «дом, ремонт», «медицина», «образование», «отношения, семья», «персона», «поиск работы», «профессиональные услуги», «СМИ», «социальные и общественные организации», «товары, магазины», «транспортные услуги», «услуги связи», «финансы и страхование»).

При составлении выборки для сообществ, представляющих третьи пространства, мы просматривали по 100 последних постов в самых

³⁵⁶ Mansbridge J. (1999) Everyday Talk in the Deliberative System. in S. Macedo. Deliberative Politics: Essays on Democracy and Disagreement, Oxford: Oxford University Press. pp. 211-239.

многочисленных 50 сообществах, представляющих предлагаемую классификатором «ВКонтакте» отдельную тематику, относящуюся к темам третьих пространств. В выборку попадало сообщество с наибольшим в категории числом подписчиков, в котором встречались не единичные политические сообщения с возможностью их комментировать.

Таблица 7.1 Количество комментариев в темах постов

Темы постов	Количество комментариев	%
Авто, мото	289	11%
Высокие цены на бензин	98	4%
Место РФ в рейтинге по количеству танков и качеству дорог	55	2%
Наклейка с Яценюком на машине ассенизаторов	36	1%
Цены на топливо в РФ завышены?	100	4%
Города, страны	145	5%
На новых фигурантов «московского дела» давят сокамерники	46	2%
Невыполнение обещаний по высотности зданий мэрией Москвы	72	3%
Передача «На колесах» проекта Сталингулаг	27	1%
Животные	223	8%
Путин о справедливой зп для медработников	38	1%
Путина назвали самым влиятельным иностранным лидером на Бл. Востоке	100	4%
Россия и ОАЭ подписали соглашения на 1.4 млрд	14	1%
РФ обогнала Китай и США по развитию энергетики	71	3%
Интернет	400	15%
Президент Финляндии на концерте жены	100	4%
Путин объявил о списании 20 млрд долларов долгов странам Африки	100	4%
Ранее осужденный за хищение госсобственности единорог будет бороться с коррупцией	100	4%
Финляндия - страна будущего	100	4%
Кулинария, рецепты	146	5%
Перепост CSBSVNNQ	7	0%
Прием Путина в ОАЭ	39	1%
Решение Путина по Сирии. Он лидер на Ближнем Востоке	100	4%
Культура и искусство	23	1%
Видеобзор новостей, в т.ч про повышение зп губернатора иркутской области	5	0%

Темы постов	Количество комментариев	%
Перепост CSBSVNNQ №1	9	0%
Перепост CSBSVNNQ №2	4	0%
Перепост CSBSVNNQ №3	5	0%
Музыка	82	3%
«Исламское государство» использовало TikTok для пропаганды и вербовки подростков	21	1%
Австралийские газеты вышли с «отцензурированной» первой полосой в знак протеста против законов о национальной безопасности.	5	0%
Картинка с Трампом	12	0%
НПФ могут разрешить рисковать пенсионными накоплениями	44	2%
Развлечения	400	15%
В какой стране самый высокий уровень жизни	100	4%
Заявление Орешкина о реализации рос.проектов, направленных на повышение качества жизни в Африке	100	4%
Про доверие к судебной системе и МВД и введение смертной казни	100	4%
Сравнение Греты Турнберг и Веры из блокадного Ленинграда	100	4%
Рестораны	213	8%
Обращение к Путину с просьбой вернуть ГОСТ	100	4%
Пост перепост мальчика с плакатом "Повисить все и всем"	13	0%
Сбор подписей за снижение зарплаты депутатам	100	4%
Туризм и отдых	400	15%
День рождения Путина	100	4%
Отношение к Грете Тунберг	100	4%
Прокурор предложил депутатам питаться на 182 рубля в день, как это делают сироты в детдомах	100	4%
Ястржембский. Это нормально убивать редких животных?	100	4%
Увлечения и хобби	391	14%
14 часов пресс-марафона Владимира Зеленский	100	4%
78 летний президент Ирландии с собакой	100	4%
Одежда Иванки Трамп для выступления в ООН	100	4%
Президент Финляндии на концерте жены	91	3%
Общий итог	2712	100%

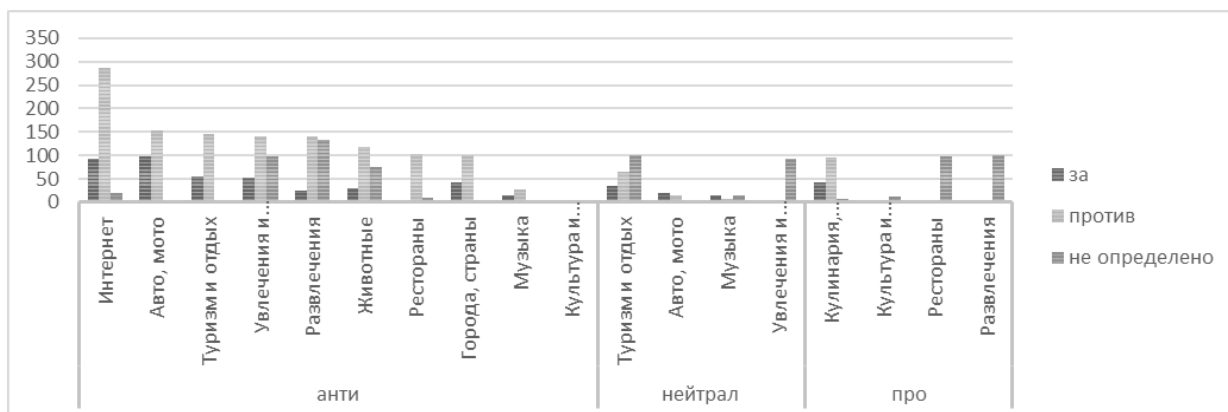
При анализе тематик «Спорт» и «Красота, здоровье» в 50 наиболее популярных сообществах политических постов выявлено не было. В

тематике «Культура и искусство» из рассмотрения исключались исторические паблики в силу их предсказуемой политизированности. В тематике «Спорт» не учитывалось сообщество «Армия», поскольку было очевидно, что оно не относится к третьим пространствам.

В результате для проверки гипотезы о политизации третьих пространств было отобрано 11 разных тематических групп: (1) Авто, мото («ГАРАЖ»); (2) Города, страны («Интересная Москва»); (3) Животные («Mews News | Котоновости»); (4) Интернет («Не поверишь!»); (5) Кулинария, рецепты («МЯСО | Мужская кухня»); (6) Культура и искусство («Guns»); (7) Музыка («Радио Рекорд»); (8) Развлечения («MDK»); (9) Рестораны («Быстрые рецепты»); (10) Туризм и отдых («Интересная планета - путешествия, туризм»); (11) Увлечения и хобби («Знаете ли Вы?»). В каждом сообществе были взяты для анализа по 4 последних поста на политические темы, в которых кодировались не больше 100 первых комментариев по двум параметрам: характер изначального сообщения (поста) в отношении политики государства и его институтов (про, анти, нейтральный) и позиция комментирующего (за – лоялист, против – антилоялист). Таким образом, объем выборки составил 2712 комментариев.

Из диаграммы (рис 7.1) можно заметить, что доминирующий дискурс как самих сообществ, так и комментаторов – это критика действующей власти.

Рис. 7.1. График отношение поста и комментариев к политике государства

Авто, мото: «Гараж». Был проанализирован опрос подписчиков «Кто считает, что цены на топливо в РФ завышены?» (https://vk.com/wall-29196806_4263793). Выявлено соотношение среди комментирующих: 41% – комментариев, выражающих поддержку государству, 59% – против, всего 100 комментариев).

Следует отметить, что тема повышенных цен на бензин является болезненной для подписчиков данного сообщества. Обсуждая их, многочисленные комментаторы апеллируют к собственному опыту, приводя в качестве иллюстрации фотографии из разных городов и стран. Сравнение цен приводит к обсуждению причин подобных различий, при этом комментаторы приводят как социально-политические, так и географические аргументы в защиту своих позиций/гипотез. Пользователи, защищающие цены/политику государства, в данной дискуссии подвергаются осуждению и порицанию.

Также был проанализирован пост «Место РФ в рейтинге по количеству танков и качеству дорог»: (https://vk.com/wall-29196806_4275641). Соотношение среди комментирующих: 58% – комментариев, выражающих поддержку государству, 41% – против, всего 55 комментариев).

Новость о том, что позиции России по качеству дорог и количеству танков значительно различаются: Россия заняла 1 место по количеству танков в мире, при этом находится на 114 месте по качеству дорог. В комментариях преобладают различные вариации шуток на тему *«танки грязи не боятся»*, *«танкам дороги не нужны»* и т.д. В определенный момент обсуждение переходит на тему технических характеристик различных танков, однако в конечном итоге возвращается к качеству дорог: *«Все идет к тому что скоро кроме как на танке по нашим дорогам ни на чём и не проедешь. Заранее запасемся. Одно плохо – заправляться в нашей стране тоже очень дорого»*.

В посте «Высокие цены на бензин. Предложение: «Господин Президент!!! Давай закупать бензин в Саудовской Аравии, у них цена за литр 14 рублей» (https://vk.com/wall-29196806_4300748) было выявлено соотношение среди комментирующих: 27% – комментариев, выражающих поддержку государству, 73% – против, всего 98 комментариев).

Предложение встречено почти единогласной поддержкой среди комментирующих. Робкие попытки указать на непроверяемость фактов, описанных на картинке, были встречены с агрессией. Отдельно стоит отметить дискуссию, посвященную расчету цены на саудовский бензин, если он все же будет доставляться в Россию, в результате которой комментаторы заключают, что цена будет все равно высокой, так как «*Это рашка одним словом*».

Пост «Наклейка с Яценюком на машине ассенизаторов» (https://vk.com/wall-29196806_4300632) выявил такое соотношение среди комментирующих: 53% – комментариев, выражающих поддержку государству, 47% – против, всего 36 комментариев).

В комментариях пользователи активно упражняются в различных пародиях на фамилию Яценюка. Часть комментаторов предлагают поместить на машину «медвепутов».

Города, страны: «Интересная Москва». В этом сообществе был проанализирован пост «Невыполнение обещаний по высотности зданий мэрией Москвы» (https://vk.com/wall-20845272_3981102). Соотношение среди комментирующих: 17% – комментариев, выражающих поддержку государству, 83% – против; всего 72 комментария).

Пост описывает новости, связанные с программой реновации жилья в Москве и перспективах строительства многоэтажных домов вместо снесенных пятиэтажек. В комментариях жители попавших под реновацию районов высказывают свое возмущение сложившейся ситуацией, акцентируя внимание на повышающуюся нагрузку на существующую инфраструктуру в связи с увеличением количества жи-

телей: *«При этом идёт колоссальная нагрузка на старую инфраструктуру районов, они ни школ, ни детских садов ни поликлиник не строят, дороги также остаются прежние».*

Анализ поста «На новых фигурантов «московского дела» давят сокамерники» (https://vk.com/wall-20845272_3981435) выявил такое соотношение среди комментирующих: 52% – комментариев, выражающих поддержку государству, 47% – против, всего 46 комментария).

Пост является репринтом статьи «Новой газеты» о заключенных по московскому делу. Комментаторы разделились на две части: одни возмущаются «несоответствием» темы поста тематике группы (*«зашквар пошёл как только они начали выборы и акции освещать», «так им бабки за это вальнули нормальные. Вот и повторяют этот бред от Новой Газеты», «Почем Навальный купил эту группу?»*), другие возмущаются произволом властей (*«Б*, ну вы видели этих подсудимых? Какое насилие в отношении представителей? Максимум к кому они применяли насилие, это когда ночью гуся своего душили»*).

Анализ поста с лучшими моментами из передачи «На колесах» проекта Сталингулаг, гостем которой стал А. Навальный (https://vk.com/wall-20845272_3983315) выявил следующее соотношение среди комментирующих: 26% – комментариев, выражающих поддержку государству, 74% – против, всего 27 комментария).

Комментарии можно разделить на три тематических направления: а) комментирующие восхищаются мужеством обоих участников (*«Навальный красавчик 🙌 Но тема бордюров не раскрыта 🙌»*), б) сетуют на ситуацию с доступностью среды Москвы для инвалидов (*«Больше всего государство характеризует то, как в нём живут самые незащищённые слои. Россия в этом плане "величайшая" держава»*), в) высказывают свое негативное мнение о А. Навальном (*«А чего это Навальный вспомнил о "доступной среде", когда его пригласили*

покататься только? Что мешало ему помогать инвалидам, когда он был советником губернатора в какой-то области?»).

Животные: «Mews News | Котоновости». Анализ поста «Путин о справедливой заработной плате для медработников» (https://vk.com/wall-153142026_328171) показал следующее распределение комментариев: 16% – комментариев, выражающих поддержку государству, 58% – против, 26% – не определено, всего 38 комментариев).

Необходимо отметить, что посты в данном паблике имеют одну характерную особенность. Если анализировать только текстовую часть сообщения, то можно прийти к выводу о внешней нейтральности поста. Тем не менее именно визуальное подкрепление в виде изображения, как правило, способствует противоположной интерпретации поста. Комментарии под сообщением о справедливой заработной плате можно условно разделить на 2 блока. В рамках первого направления комментаторы обвиняют государство в низком уровне жизни населения, и в частности, медицинских работников (*«ухх! Рашка парашка! Люди помирают миллиардами!»*, *«Медиком тяжело стать, нужно долго и тяжело учиться, вообще это одно из самых тяжелых направлений. Но в итоге зарплата у них фиговая. Хотя чему удивляться, медицина в России фиговая. Да и не только медицина, все системы хреновые. Главное бабло с людей срубить, остальные не важно»*), вторые отстаивают точку зрения о соответствующей заработной плате (*«у всех медиков из разных регионов нашей страны, кого я знаю, общая зарплата составляет от 60 до 120 тысяч. Это фигово???»*).

Анализ поста «Путина назвали самым влиятельным иностранным лидером на Ближнем Востоке» (https://vk.com/wall-153142026_369382) показал такое соотношение среди комментирующих: 9% – коммента-

риев, выражающих поддержку государству, 58% – против, 36% – не определено, всего 100 комментариев).

Большая часть комментариев сводится к коротким ремаркам, выражающим несогласие с постом: *«А назвал его так Киселёв», «Ясно», «Зато Россия в г**не», «Заметно», «Смешно»* и т.д.

В посте «РФ обогнала Китай и США по развитию энергетики» (https://vk.com/wall-153142026_326134) было выявлено такое соотношение комментариев: 18% – комментариев, выражающих поддержку государству, 54% – против, 28% – не определено, всего 71 комментарий).

Доминирующим мнением среди комментаторов является критика действующей власти: *«В Китае и США это по крайней мере делают для людей и заметно везде а в рашке чёт не чувствуется», «Нищание население, сдавание позиций в большинстве социальных направлений, закрытие школ наряду с повсеместной милитаризацией и навязыванием религии, жестокое подавление инакомыслия, ухудшение международных отношений, накаливание внутренних разногласий. С текущей властью будущего, по крайней мере хорошего, нет», «А толку то? как жили в г***е, так и живем!»*.

В посте «Россия и ОАЭ подписали соглашения на 1.4 млрд» (https://vk.com/wall-153142026_352275) соотношение среди комментариев составило: 7% – комментариев, выражающих поддержку государству, 21% – против, 71% – не определено, всего 14 комментариев).

Данная новость не вызвала оживленной дискуссии среди подписчиков сообщества. Можно отметить небольшую ветку, в которой инициатор указывает и отстаивает точку зрения, что *«1;0 в пользу АЕ. Народ РФ в минусе на 1,4 ярда»*.

Интернет: «Не поверишь!». Пост на тему «Президент Финляндии на концерте жены» (https://vk.com/wall-28477986_420586) показал такое распределение комментариев: 35% – комментариев, выражающих

поддержку государству, 60% – против, 5% – не определено, всего 100 комментариев).

Анализ поста «Финляндия – страна будущего» (https://vk.com/wall-28477986_408701) выявил следующее распределение: 30% – комментариев, выражающих поддержку государству, 58% – против, 12% - не определено, всего 100 комментариев).

Дискуссии, разворачивающиеся под этими двумя постами, представляют собой типичное противостояние провластных и оппозиционных точек зрения. Финляндия в данном случае используется как образ лучшей жизни, недоступной для «простого» россиянина. Авторы постов в сообществе, используя тактику контрастного сопоставления, инициируют у подписчиков рефлексии в категориях «мы vs они», «у нас vs у них», таким образом раскалывая комментаторов на два блока. Противники образа Финляндии как идеала либо используют в качестве аргументации такие конструкции как «национальная идея», «тоска по родине», либо довод «там нельзя ребенка по попе шлепнуть – заберут органы опеки», либо своеобразный вариант оправдания «У нас просто страна большая и сложная!». Комментаторы дискутируют о жизни в Финляндии и России, сравнивая налоги, бензин, плату за коммунальные услуги. Зачастую участники с обеих сторон утрируют, оппоненты пытаются доказать их неправоту, отстаивают правильность своей позиции.

Необходимо отметить, что в целом в комментариях участников преобладают гиперболизированные пессимистические настроения относительно России и ее будущего. Один из постоянных комментаторов высказал точку зрения, что Путин как президент неэффективен, но «народ его заслуживает». Примечательное место в дискуссии занимает и попытка комментаторов найти решение, как изменить жизнь в стране, и определить, какая у россиян культура (часть винит власти, часть народ).

Одна из объемных веток разворачивается вокруг поведения Президента Финляндии и выявления наиболее успешного главы государства. Сторонники Путина убеждены, что сидение на ступеньках не гарантирует эффективного управления, а сама Финляндия и ее Президент *«никому не нужны, никто о них не знает»*. Достаточно часто встречаются комментарии *«а у нас бы все оцепили»*, *«Вот, нормальный человек, а у нас бы, только охраны, был бы полный зал.....а остальных,, нахрен!!!!?»*, недовольство чрезмерной охраной Путина: *«Потому что такие президенты не боятся собственный народ! Президент знает что не ворует, знает что делает все для своих граждан, знает что если будет среди простых людей, его не заплюют, и не затопчут! К президенту РФ это не относится! Он лжец, убийца, и вор – поэтому он никогда в жизни не выйдет нормально к простым людям без охраны или подставных людей из массовки!»*.

Пост «Путин объявил о списании 20 млрд долларов долгов странам Африки» (https://vk.com/wall-28477986_424592) показал следующее соотношение среди комментирующих: 19% – комментариев, выражающих поддержку государству, 78% – против, 3% – не определено, всего 100 комментариев).

Новость вызвала достаточно сильный эмоциональный отклик у подписчиков, при этом преобладает негативная оценка описываемого в посте поступка. Основные тезисы комментирующих, критикующих данное решение Президента: рядовые граждане страны оплачивают списание долга (*«Он всем долги прощает а мы отработываем»*), списание долгов – это схема незаконного обогащения (*«ага ..понял ...это такая схема - выводить нал за бугор ...а затем его прощать ...проверить все равно никто не сможет , куда и кому в действительности ушли деньги»*), *«списываются за откат. Оплати вместо 20ти млрд всего 2 млрд на вот этот счёт и я вам спишу весь долг, я могу, я же президент»*, в целом недовольство экономиче-

ской ситуацией в стране. Сторонники Президента в качестве аргументов приводят следующие утверждения: списание долгов является своеобразной «покупкой», «задабриванием» будущих союзников.

Анализ поста «Ранее осужденный за хищение госсобственности единорог будет бороться с коррупцией» (https://vk.com/wall-28477986_424039) выявил следующее соотношение комментирующих: 9% – комментариев, выражающих поддержку государству, 91% – против, всего 100 комментариев).

Среди комментариев преобладает негативная реакция на данную новость, но при этом при обсуждении пользователи задействуют иронию, издевку, эмоджи для подчеркивания абсурдности сложившейся ситуации.

Кулинария, рецепты: «МЯСО | Мужская кухня». Перепост видео CSBSVNNQ (https://vk.com/wall-68988957_3051269) показал такое соотношение среди комментирующих: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 14% – против, 86% – не определено, всего 7 комментариев). Содержательно пост представляет собой репост новостного подкаста, в котором в юмористической форме сравниваются русские и американцы. Большинство комментаторов выражают нежелание видеть подобный контент в паблике с рецептами (*«Ладно, уж слишком давно ничего путного тут нет. Админ, продолжай опускать паблик»*).

Анализ поста «Прием Путина в ОАЭ» (https://vk.com/wall-68988957_3051373) показал такое соотношение среди комментирующих: 26% – комментариев, выражающих поддержку государству, 72% – против, 2% – не определено, всего 39 комментариев).

В комментариях преобладает негативное и оскорбительное отношение в адрес президента В.В. Путина. Более того подписчики возмущены, что подобные посты публикуются в кулинарном паблике (*«Спрашивается, а причем здесь Мясо?»*, *«Любая пропаганда пьины,*

отпуска автоматически», «Админ скоро отпуски пойдут, если так продолжится», «Как же вы достали со своей политотой. Отпуска нахрен»).

Анализ поста «Решение Путина по Сирии. Он лидер на Ближнем Востоке» (https://vk.com/wall-68988957_3056185) выявил следующее соотношение среди комментирующих: 33% – комментариев, выражающих поддержку государству, 66% – против, 1% – не определено, всего 100 комментариев).

В комментариях возмущение рекламой и отсутствием тематического материала в посте (*«Причем здесь мясо? Или перефразирую, сколько вам заплатили? Просто не могу, воротит, хотя бы написали что это рекламный пост, лично у меня бы вопросов не было. А так приподносится как личное мнение группы (ее администраторов», «Я понимаю что русский солдат связан с мясом, но что бы так откровенно»).* Большая часть дискуссии представляет собой оскорбления и обвинения в адрес властей, спор со взаимными оскорблениями между украинцами и россиянами. Примечательно, что на конец ноября 2019 данный пост был уже удален.

Культура и искусство: «Guns». Анализ поста с «Видеобзор новостей, в т.ч про повышение заработной платы губернатора Иркутской области» (https://vk.com/wall-74641828_1733984) показал такое соотношение среди комментирующих: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 80% – против, 20% – не определено, всего 5 комментариев).

Анализ перепоста CSBSVNNQ №1 (https://vk.com/wall-74641828_1734932) выявил следующее распределение комментариев: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 0% – против, 100% – не определено, всего 9 комментариев).

Анализ перепоста CSBSVNNQ №2 (https://vk.com/wall-74641828_1735966) выявил следующее распределение комментариев:

0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 25% – против, 75% - не определено, всего 4 комментария).

Анализ перепоста CSBSVNNQ №3 (https://vk.com/wall-74641828_1737621) показал следующее распределение комментариев: 20% – комментариев, выражающих поддержку государству, 60% – против, 20% – не определено, всего 5 комментариев).

В немногочисленных комментариях подписчики указывают администратору на необходимость проверять публикуемые материалы на предмет фактических и стилистических ошибок. Более того высказывается мнение, что подобного контента в паблике про оружие быть не должно (*«Да какого хрена, паблик про оружие, а вы тут со своей пропагандой»*).

Музыка: «Радио Рекорд». Анализ поста «Исламское государство» использовало TikTok для пропаганды и вербовки подростков» (https://vk.com/wall-1959_7343341) выявил следующее распределение комментариев: 62% – комментариев, выражающих поддержку государству, 33% – против, 5% – не определено, всего 21 комментарий).

В комментариях подписчики в основном шутят на эту тему и иронизируют над молодым поколением (*«Стикеры со звёздами, сердцами и цветами каким-то образом могут сгладить впечатление от созерцания трупов? Или нынешняя молодежь настолько "отбита" и цинична?»*).

Анализ поста «Австралийские газеты вышли с «отцензурированной» первой полосой в знак протеста против законов о национальной безопасности» (https://vk.com/wall-1959_7342525) показал следующее распределение комментариев: 60% – комментариев, выражающих поддержку государству, 0% – против, 40% – не определено, всего 5 комментариев). В комментариях пользователи оставляли юмористические картинки.

Анализ поста «Картинка с Трампом» (https://vk.com/wall-1959_7342871) выявил такое распределение комментариев: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 0% – против, 100% – не определено, всего 12 комментариев. Пост с картинкой – мемом по поводу ситуации с неудачной фразой, сказанной Трампом и переводчиком на итальянский. Подавляющее большинство комментаторов высказались против наличия политического контента в музыкальном паблике (*«Мало хорошей музыки, много "смешных" картинок. рекорд в топку»*).

Анализ поста «НПФ могут разрешить рисковать пенсионными накоплениями» (https://vk.com/wall-1959_7340087) выявил следующее распределение комментариев: 34% – комментариев, выражающих поддержку государству, 64% – против, 2% – не определено, всего 44 комментариев. Пост о вероятном разрешении российским негосударственным пенсионным фондам (НПФ) вкладывать в рискованные, но прибыльные инструменты.

В комментариях наблюдается преобладание возмущения подобной практикой, оскорбления в адрес власть имущих. На вопрос пользователя: *«А можно вообще отказаться от отчислений в пенсионный фонд?? Я сам буду откладывать себе на пенсию??»*, другой участник отвечает, что *«нет нельзя! По закону нужно отдавать часть своих денег более состоятельным людям, в том числе и под видом пенсионных накоплений»*.

Развлечения: «MDK». Анализ поста «В какой стране самый высокий уровень жизни» (https://vk.com/wall-57846937_33012415) выявил следующее распределение комментариев: 21% – комментариев, выражающих поддержку государству, 40% – против, 39% – не определено, всего 100 комментариев.

В комментариях либо разворачивается спор между участниками вокруг какого-либо государства, уровень жизни в котором, по мнению

участников, выше, либо подписчики, используя односложные конструкции, выражают собственную точку зрения без приведения дополнительных аргументов (например, «Швеция», «Норвегия»). При этом необходимо отметить, что часть комментаторов намеренно демонстрируют свое пренебрежительное отношение к России, преобразуя название в уничижительное «росие», «раисЯ» со строчной буквы, или заключая, что уровень жизни выше «*Везде, кроме России*», «*Не в России*».

Анализ поста «Заявление Орешкина о реализации российских проектов, направленных на повышение качества жизни в Африке» (https://vk.com/wall-57846937_33020383) выявил такое распределение комментариев: 4% – комментариев, выражающих поддержку государству, 64% – против, 32% – не определено, всего 100 комментариев.

Сам текст поста и подкрепляющее изображение задают вектор оценки данного информационного сообщения пользователями («*Ну а где еще качество жизни повышать, не в России же. Ну а мы как всегда идем на ...*»). Как следствие, в комментариях преобладает негативная реакция на принятое политическое решение, выражающаяся в использовании иронических и саркастических замечаний («просто русским нравится платить дань то кадырову то неграм то всем небелым прощают долги»). Комментаторы в подобных проектах видят только коррупционную составляющую («бюджет пилят они»).

Анализ поста «Про доверие к судебной системе и МВД и введение смертной казни: У людей спрашивают: вы доверяете полиции? Нет! Вы доверяете судебной системе? Нет. Хотите вернуть смертную казнь? Да! .... Совсем что-ли народ...» (https://vk.com/wall-57846937_32999568) выявил следующее распределение комментариев: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 37% – против, 63% – не определено, всего 100 комментариев.

Несмотря на то, что по своей природе пост ироничный и направлен на высмеивание непоследовательности мышления россиян, в нем доминируют комментарии, отражающие рефлексию участников относительно последствий введения смертной казни в России. Среди пользователей поднимается вопрос коррупции и наказания за нее: заслуживают ли коррупционеры смерти и подвергнутся ли они наказанию? (*«Задумайся. Для высокопоставленных коррупционеров стоимость откупа просто увеличится», «про коррупционеров вообще никто не думает, они никуда не денутся»*).

Анализ поста «Сравнение Греты и Веры из блокадного Ленинграда» (https://vk.com/wall-57846937_32983547) выявил следующее распределение комментариев: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 0% – против, 100% – не определено, всего 100 комментариев.

В дискуссии, как правило, участвуют представители двух противоположных точек зрения: противники Греты, видящие в ней чей-то проект, и защитники – экоактивисты. Примечательно, что комментариев, в которых было бы выражено отношение к представителям органов власти, не выявлено. Данную дискуссию можно охарактеризовать как узко тематическую для специфической аудитории, в которой участники обмениваются взаимными оскорблениями в попытке доказать свою точку зрения.

Рестораны («Быстрые рецепты»). Анализ поста «Обращение к Путину с просьбой вернуть ГОСТ» (https://vk.com/wall-165062392_256674) выявил такое соотношение комментариев: 2% – комментариев, выражающих поддержку государству, 0% – против, 98% – не определено, всего 100 комментариев.

Своеобразной формой протеста и бойкота подписчиков сообщества против публикации политического контента в паблике с рецептами выглядит публикация комментариев, несвязанных с темой поста и

со всеми предыдущими сообщениями. Например, последовательность комментариев: *«на уроки помагает», «музыка г***о , такая х... может нравиться только конченным дегенератам с раком мозга», «После первого дня в спортзале?», «Крабик??», «Инстаааа», «мне нравится».*

Анализ поста «Перепост фотографии мальчика с плакатом «Повысить все и всем» (https://vk.com/wall-165062392_236692) выявил следующее распределение комментариев: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 100% – против, 0% – не определено, всего 13 комментариев. Большинство пользователей разделяют точку зрения, высказанную одним из участников, что *«вот поставишь лайк, и прямо всё изменится.... надоели уже просящие лайки».*

Анализ поста «Сбор подписей за снижение зарплаты депутатам, так как на заседаниях они спят» (https://vk.com/wall-165062392_296500) выявил следующее распределение комментариев: 1% – комментариев, выражающих поддержку государству, 90% – против, 9% – не определено, всего 100 комментариев.

Подавляющее большинство комментаторов поддержали инициативу в посте, т.к. депутаты *«притомились народ обдирать, может во сне еще гаденькое в голову придет», «Да хрен с их сном другое дело что с просони они какие то дикие и тупые законы выдумывают», «Вы не правы. Это у них тихий час, как в детском садике. устали от забот, притомились, надо и отдохнуть. У них у всех запенсионный возраст, пора и на покой».* Некоторые пользователи либо намеренно публикуют комментарии, не относящиеся к теме поста, демонстрируя таким образом несогласие с выбором в группе контента, либо заявляли об этом предельно открыто (*«Где с*** рецепты, рецептов мало всякой *ерни навалом»*).

Туризм и отдых: «Интересная планета – путешествия, туризм».
Анализ поста «Отношение к Грете Тунберг» (<https://vk.com/wall->

14897324_3030884) выявил следующее распределение комментариев: 0% – комментариев, выражающих поддержку государству, 0% – против, 100% – не определено, всего 100 комментариев.

В комментариях в первую очередь обращает на себя внимание серьезное противостояние сторонников идей Греты Тунберг («Смысл в том что эта девочка известна на весь мир, и своими поступками она вдохновляет тысячи людей. Или проще говоря, "хочешь изменить мир – начни с себя"») и тех, кто не одобряет методы, которые использует активистка для привлечения внимания к проблеме изменения климата («Это какой-то экологический эгоизм, а не активизм. Сама то что сделала, кроме плакатов и призывов? Люди вон экологические экспедиции устраивают, мусор тоннами в мешках вывозят и не трубят на весь мир об этом», «Агрессия вызывает лишь агрессию. Если уж хочет, чтобы меньше было грязи, то пускай идёт к директорам корпораций и требует у них ЛИЧНО, чтобы они прекратили выпуск продукции, которая и является причиной переполненных свалок. А лучше сесть и хорошенько подумать, например, как делают на производстве самолетов (недавно смотрела передачу), где для уменьшения использования топлива хотят вернуться к дополнительному использованию вентиляторов. Или как какой-то молодой учёный придумал делать из водорослей разлагающийся материал для тех же бутылок. Вот это решение! А это все, аж тошно становится»).

Анализ поста «С. Ястржембский. Это нормально убивать редких животных?» (https://vk.com/wall-14897324_3036975) выявил следующее распределение комментариев: 31% – комментариев, выражающих поддержку государству, 69% – против, 0% – не определено, всего 100 комментариев.

Новость о С. Ястржембском, бывшем пресс-секретаре Б. Ельцина, который известен как охотник на экзотических животных. В коммента-

риях преобладает возмущение пользователей убийством животных («*Это большой грех – убивать животных не для пропитания, а для удовольствия. За это придется держать ответ*», «*Не считаю убийство животного из ружья с прицелом охотой. Чисто убийство. Вот если ты идёшь убивать чтобы накормить себя и свое потомство с копьем и луком, при этом подвергаясь опасности то это да, это охота. А так, какой кайф?»»). Более того в сознании комментаторов существует связка таких понятий как политик, и охотник («*У нас многие люди во властных структурах охотятся, и относятся к этому, как к развлечению*»). Незначительные попытки оправдать С. Ястржембского встречают осуждение со стороны других участников.*

Анализ поста «День рождения В. В. Путина» (https://vk.com/wall-14897324_3037876) выявил следующее распределение комментариев: 36% – комментариев, выражающих поддержку государству, 64% – против, 0% – не определено, всего 100 комментариев.

В комментариях одна треть пользователей поздравляет Президента («*С Днём рождения, ВВ! Будьте здоровы и счастливы!!!!*»), другая возмущается выбором места для празднования, так как тайга подверглась серьезным лесным пожарам летом 2019 («*А чо по ней гулять то? Она ж сгоревшая! ☹️ ☹️ ☹️*»), «*сгоревшая тайга теперь китаю принадлежит, а вова визу просрочил*», «*а что не гуляет по сгоревшей тайге?»*).

Анализ поста «Прокурор предложил депутатам питаться на 182 рубля в день, как это делают сироты в детдомах» (https://vk.com/wall-14897324_3050508) выявил такое распределение комментариев: 23% – комментариев, выражающих поддержку государству, 77% – против, 0% – не определено, всего 100 комментариев.

В комментариях доминирует поддержка инициативы («*Обоими руками и ногами ЗА!!!!!!!*»), «*Хоть от кого то умная идея! Даже наш супер президент не додумается до такого*»), подшучивание над ма-

териальным положением депутатов («Они же ж похудеют, бедненькие наши!!!! Всё в трудах, да заботах, акт пчелки!!!! Как же ж они могут-то на такие копейки питаться, мозгу ж нужна подпитка, кто ж за страну-то болеть будет!!!! Отожрала брюхи и морды, смотреть тошно и противно, блин!», «Да они сдохнут с голода через неделю»), обсуждение советской практики депутатства («депутат должен как при СССР быть-работает на заводе или д/с, школа, врач практикующий и тд и на сессии выезжает оплачивают как командировку и всё! Никаких этих всяких яких, и они ехали уже с депутатским наказом от коллективов»).

Увлечения и хобби: «Знаете ли Вы?». Анализ поста «Одежда Иванки Трамп для выступления в ООН» (https://vk.com/wall-6136139_1385861) выявил следующее распределение комментариев: 3% – комментариев, выражающих поддержку государству, 3% – против, 94% – не определено, всего 100 комментариев.

Пост про появление Иванки Трамп на заседании Генассамблеи ООН в облегающей блузке, через которую просвечивала грудь. В комментариях мужчины в основном поддерживают и расточают комплименты в адрес Иванки, женщины комментируют сочувственно-осторожно.

Анализ поста «14 часов пресс-марафона Владимира Зеленского» (https://vk.com/wall-6136139_1418999) выявил следующее распределение комментариев: 39% – комментариев, выражающих поддержку государству, 61% – против, 0% – не определено, всего 100 комментариев.

В комментариях можно наблюдать украинско-российское противостояние, а также разделение на либералов и прогосударственников. Типичной характеристикой подобных дискуссий являются вербальная агрессия и взаимные оскорбления.

Анализ поста «78 летний президент Ирландии с собакой» (https://vk.com/wall-6136139_1430453) выявил следующее распределение комментариев: 1% – комментариев, выражающих поддержку государству, 5% – против, 94% – не определено, всего 100 комментариев.

Пост о питомце президента Ирландии, который сопровождает его на различных мероприятиях и в деловых поездках. Необходимо подчеркнуть, что политической направленности в обсуждении нет за исключением единичных комментариев, в которых президент Ирландии со своей собакой сравнивается с Путиным и Медведевым («*Путин без Медведева тоже ни куда....*», «*Путин тоже не расстанется с Медведевым*»).

Анализ поста «Президент Финляндии на концерте жены» (https://vk.com/wall-6136139_1435682) выявил следующее распределение комментариев: 8% – комментариев, выражающих поддержку государству, 84% – против, 8% – не определено, всего 91 комментарий.

В посте сообщается о том, что президент Финляндии на выступлении своей супруги, известной в Финляндии поэтессы, сидел на ступеньках в концертном зале вместе с обычными зрителями. Большинство комментаторов поддерживают такую «близость к народу» и «простоту человека». Участники дискуссии сопоставляют поведение российского и финского президента, отмечая, что «*у нас бы в зале одна охрана с президентом сидели, а остальные под сценой, за сценой, над сценой, но только не перед ней. Респект президенту Финляндии*», «*У нас бы не нашлось места слушателям*».

Выводы

Можно заметить, что 73 % всех комментариев были оставлены под постами, в содержании или иллюстрации которых была либо заложена негативная оценка российского государства как в случае репрезентации Финляндии как страны «лучшей жизни», недоступной для россиян,

либо была поднята остросоциальная проблема, затрагивающая повседневную жизнь пользователей «ВКонтакте» (как в случае ценами на топливо и качеством дорожного покрытия в группе «Гараж»). Важно подчеркнуть, что гораздо меньше внимания привлекают (13 % и 14 % всех комментариев), а соответственно обладают меньшей дискуссионностью посты, в которых нет драматизма, конфликтного взаимодействия, как например те, в которых сообщается об успехах России на Ближнем Востоке. Пользователей в большей степени волнуют повседневные проблемы в социально-экономической сфере: высокий уровень жизни, доступность и качество предоставления медицинских услуг, качество продуктов питания, уровень заработной платы. Основные ожидания от политической сферы – это прозрачность принятия политических решений, отсутствие коррупции, эффективность государственного управления. При этом необходимо отметить своеобразную идиосинкразию к исполнительной и законодательной власти, которую можно наблюдать в комментариях участников дискуссии. В сознании пользователей сформирован устойчивый образ депутата, который получая высокую заработную плату, спит на заседаниях парламента и не делает ничего полезного. Более того для многих пользователей чиновник и депутат являются синонимичными понятиями, олицетворяющими мифическую «власть». В комментариях в третьих пространствах в большей степени, чем в комментариях в группах на политическую тематику, просматривается противопоставление «МЫ/ОНИ» как власть и простой народ.

В интернет-пространстве существует устоявшийся, являющийся отражением ценностей аудитории, негативистский дискурс, и если комментатор высказывает отличную точку зрения, то он подвергается нападкам со стороны других подписчиков. Таким образом, можно наблюдать порождение символической среды, в которой принято негативно высказываться в адрес государства и его институтов, критико-

вать принятые политические решения, сопоставлять Россию и другие страны (оппозиция «а у них» – «а у нас»). Формирование рассредоточенного негативного сообщества в третьих пространствах представляется серьезной проблемой.

Таблица 7.2. Лоялизм и антилоялизм в третьих пространствах

Темы постов	За (% по строке)	Против (% по строке)	Не определено (% по строке)	Всего	% от всех комментариев
анти	21%	62%	17%	1974	73%
Интернет	23%	72%	5%	400	15%
Авто, мото	39%	61%	0%	253	9%
Туризм и отдых	27%	73%	0%	200	7%
Увлечения и хобби	18%	49%	33%	291	11%
Развлечения	8%	47%	45%	300	11%
Животные	13%	53%	34%	223	8%
Рестораны	1%	91%	8%	113	4%
Города, страны	30%	70%	1%	145	5%
Музыка	34%	64%	2%	44	2%
Культура и искусство	0%	80%	20%	5	0%
про	13%	27%	60%	364	13%
Кулинария, рецепты	29%	65%	5%	146	5%
Культура и искусство	6%	22%	72%	18	1%
Рестораны	2%	0%	98%	100	4%
Развлечения	0%	0%	100%	100	4%
нейтрал	20%	24%	57%	374	14%
Туризм и отдых	18%	32%	50%	200	7%
Авто, мото	53%	39%	8%	36	1%
Музыка	42%	18%	39%	38	1%
Увлечения и хобби	3%	3%	94%	100	4%
Общий итог	20%	52%	28%	2712	100%

Еще одной интересной характеристикой третьих пространств является неготовность пользователей кулинарных пабликов или групп, посвященных какой-либо узкой тематике, сталкиваться с «позитивной» политической повесткой. Участники данных сообществ остро реагируют на появление прогосударственных сообщений, считая их пропагандой и указывая администрации на несоответствие подобных постов новостным ценностям группы. Более того подписчики бойкотируют

публикации политического контента, оставляя комментарии, несвязанные с темой поста и со всеми предыдущими сообщениями. Примечательно, что при этом пост о сборе подписей за снижение зарплаты депутатам участники группы «Быстрые рецепты» поддержали почти единогласно. Таким образом, можно наблюдать существование определенного социокультурного сценария, в рамках которого пользователи интерпретируют сообщения: лоялистский дискурс, как правило, отвергается.

Глава 8. Управляемость и модерация

8.1. Управляемость и селективная модерация в виртуальных сообществах

Роль Интернета в современном мире неоспорима. В условиях снижения популярности традиционных медиа, заката телевизионной эры, всё более значимым становится влияние Интернета как фактора социально-политической коммуникации. Интернет играет важную роль в контексте политической пропаганды, работы средств массовой коммуникации, мобилизации групп, организации политических сетевых сообществ. Обратной стороной политизации киберпространства является то, что и сам Интернет становится всё более регламентированным. Регулирование публичной сферы современного Интернета осуществляется на нескольких уровнях. Хотя обычно, когда говорят об управлении Интернетом³⁵⁷, речь идет об организации ICANN, государственных институтах, администрациях крупнейших сайтов, социальных сетей, не меньшее влияние на дискурс интернет-коммуникации оказывает администрирование относительно малых площадок коммуникации – модерация пабликов и сообществ ресурсов Веб 2.0, форумов, гостевых книг и других площадок, предназначенных для группового общения в сети.

Развитие групповой коммуникации в Интернете происходит в социальных сетях и виртуальных сообществах. Если последние представляют собой требующий более детального изучения лиминальный феномен, находящийся как бы между публичным и приватным, то социальные сети зачастую воспринимаются именно как публичная сфера. В связи с этим возникает вопрос: кто и на каком основании должен регулировать коммуникацию в публичной сфере?

---

³⁵⁷ Быков И. А. Управление Интернетом как одна из проблем современных международных отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, Т. 4, № 2, 2008, С. 164-174.; Курбалия Й. Управление Интернетом. Координационный центр национального домена сети Интернет. М., 2010.

«Дилемма модератора»: приватное над публичным

Несмотря на то, что в последние годы в сети Интернет всё более заметным становится правовое регулирование³⁵⁸, центральной фигурой, определяющей, что можно, а что нельзя говорить в сети, остаётся модератор. Именно модератор воспринимается как легитимный интернет-полицейский, имеющий право исключать из коммуникации участников, нарушающих правила ресурсов.

Такой статус модератора не является незыблемым. К. Лангвардт говорит о «дилемме модератора» как важном вопросе перспектив регулирования интернет-контента. Дилемма заключается в следующем. С одной стороны, модераторы, как правило, представляющие частные структуры (от коммерческих фирм, являющихся владельцами сайтов, до неформальных групп), регулируют свободу высказываний в пространствах, открытых для неограниченного числа пользователей, и по сути являющихся публичной сферой, не имея на это, казалось бы, никаких легальных оснований. С другой – обществу необходима система мер для регулирования контента (включающего как спам, «мусорные» сообщения, так и попросту нелегальные комментарии). Таким образом, модератор иллюстрирует неформальный институт, который возник и был легитимирован в «вакууме» формальных институтов.

Управляемость в виртуальных сообществах

Как уже было отмечено, роль модератора различается в зависимости от типа сообщества. В главе 3.2 подробно изложена специфика управляемости и классификация подходов к ее пониманию. На основании проведённого в июне-июле 2019 года наблюдения и традиционного анализа содержания сообществ, мы сделали сравнительный анализ и можем представить типы управляемости применительно к попавшим в выборку виртуальным сообществам в Таблице 8.1.

³⁵⁸ Балашов А. Н. Правовое регулирование Интернет-отношений: основные проблемы и практика реализации в России // Среднерусский вестник общественных наук, 2016. № 11 (2). С. 113-118.

Таблица 8.1. Виды управляемости виртуальных сообществ

Основание классификации	Вид управляемости	Вид управляемости
Роль субъекта и объекта	Субъект-объектная	Субъект-субъектная (коммуникативная)
По отношению к саморегуляции	Противоречит самоорганизации	Самоорганизация (предпосылка самоорганизации)
Тип сообществ	Сообщества с лидирующей организацией, сообщества административного управления	Самоорганизующиеся
Стратегия	Координационная	Кооперационная
Идеология сообществ	Феминизм, национализм, социализм, коммунизм, патриотизм, «зеленые»	СМИ, партии, государство, либерализм, анархизм, хобби
Примеры сообществ	«Новая газета», «Чашечку феминизма и печеньку, пожалуйста», «ФАКТЫ_АНТИсексизм_АНТИшовинизм_ФЕМ», «Подслушано Феминизм», «ВЕЛИКАЯ РУСЬ! Русские не сдаются!», «Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ», «Русское Государство», «Армия России Обзор новостей», «Политкач Политика», Экологическое движение «РазДельный Сбор», «Экология России», Движение «Царский крест» и пр.	«Классическая анархия», «Анархия — мать порядка», «Либерал», «Российская газета», «Один твой друг», «Молодая гвардия», «Классический либерал КЛ», «Сатира Без Позитива / Новости с овощебазы», «Либертарианство в схемах и мемах», «Политика», «Холодная война 2.0», «Справедливая Россия», «Единая Россия», «Монархическая партия России», Политическая партия «Гражданская Платформа», «Коммунистическая партия РФ (КПРФ)», «Роскосмос» и пр.

Согласно данной таблице, к субъект-субъектным сообществам относятся те, которые мы обозначили как «СМИ», «партии», «государство», «либерализм», «анархизм», «хобби». В целом они отличаются весьма свободной организацией взаимодействия подписчиков, в котором модератор либо пассивен, либо следит только за соблюдением формальных правил, либо выступает как один из участников коммуникации без претензии на лидерство и особое влияние. Кроме того, в таких сообществах довольно трудно или невозможно угодить в черный список. В качестве примера классических «субъект-субъектных модераторов» можно привести администрацию групп лоялистского медиа «Российская газета» или типичного «безопасного пространства» ЛГБТ «Один твой друг». Хотя нарушающие правила сообщества комментарии довольно быстро удалялись в этих сообществах (то есть было очевидно активное присутствие модератора), блокировок поль-

зователей даже в случае эмоциональных и оскорбительных комментариев замечено не было – попавшие под санкции пользователи продолжали коммуникацию, хотя дискуссии с постоянными участниками сообщества они, как правило, и не удаивались.

Таблица 8.2. Таблица сопряженности. «Идеология» * «Возможность размещения новостей участниками сообщества»

Идеологический курс, обсуждаемый в сообществе	Нет возможности	Есть возможность	Есть опция в «обсуждениях»	Нет данных
анархистский	1	3	1	0
«зелёный»	4	0	1	0
коммунистический	8	2	0	0
консервативный	3	2	0	0
либеральный	2	3	0	0
либертарианский	2	3	0	0
националистический	4	0	1	0
нейтральный	4	0	1	0
«патриотичный»	9	0	0	1
социалистический	4	1	0	0
феминистский	1	3	1	0

Таблица 8.3. Таблица сопряженности «Категория институционального ресурса» * «Возможность размещения новостей участниками сообщества»

Тип ресурса по категориям	Нет возможности	Есть возможность	Есть опция в «обсуждениях»	Нет данных
Вконтакте				
государство	2	3	0	0
общественная организация	3	2	0	0
партии	2	6	0	0
сми	8	12	0	0
хобби	4	8	0	0

Возможно, это связано со стратегией «привлечения сторонников»: сообщество не имеет цели обособиться против «чужих», а наоборот стремится приобщить как можно больше участников, в том числе своей открытостью, лояльностью, демократичностью и толерантностью. Нужно сказать, что такая стратегия организации коммуникации в сообществах «Вконтакте» распространена очень широко. Сообщество «Один твой друг», являющееся по своему функционалу классическим

«безопасным пространством», демонстрирует черты «публичной сферы» в большей степени, чем «эхо-камеры».

Предполагалось, что одним из важных показателей принадлежности сообщества к субъект-субъектным является возможность самостоятельно, будучи подписчиком, но не модератором, предлагать новости/посты для публикации в сообществах (см. табл. 8.2 и 8.3). И действительно, многие предоставляют такую возможность, однако проведенный анализ показал, что нельзя считать это автоматически признаком субъект-субъектного сообщества.

Показателен в этом отношении пример феминистских сообществ, таких как: «Чашечку феминизма и печеньку, пожалуйста», «ФАКТЫ_АНТИсексизм_АНТИшовинизм_ФЕМ», «Подслушано Феминизм». В каждом из них любой подписчик, в том числе мужчина (т. е. потенциальный «чужой» в сообществе) может предложить новость, однако малейшие критические замечания, что было подтверждено экспериментом, удостоивались добавления в черный список сообществ. Это говорит о нетерпимости к мнениям, сколько-нибудь противоречащим политике сообщества, но при этом – и о высокой степени самоорганизации, в котором все участники – полноправные субъекты управления.

Также можно отметить среднюю степень солидарности со стороны подписчиков, проявляющуюся обычно в одобрении высказываний подписчиков / администрации комментариями, лайками, репостами; словами поддержки, благодарности. Солидарность в данном случае предполагает не объединение против «чужих», но поддержку схожих мнений («Один твой друг»).

Что касается субъект-объектных пабликов, то, как видно из таблицы 8.1, к ним можно отнести те группы сообществ, которые были отобраны по ключевым словам, имевшим отношение к феминистской, националистической, социалистической, коммунистической, патриоти-

ческой, зеленой идеологиям. К субъект-объектным сообществам можно отнести и единичных представителей из группы «СМИ», ранее охарактеризованной нами как группа с субъект-субъектной управляемостью. Весьма интересен в этом отношении пример такого сообщества как «Новая газета». Модератор сообщества заблокировал аккаунта-критика на раннем этапе эксперимента, в то время как сторонникам позволялась любая эмоциональная (включая оскорбительную) критика «чужих», что является признаком «эхо-камеры». Это говорит о том, модераторы таких сообществ готовы блокировать любые, даже безобидные и не нарушающие правила комментарики противников политики сообщества, и в это же время готовы «закрывать глаза» на аналогичные высказывания своих адептов. Такое управление коммуникации характерно для классических эхо-камер, что крайне нетипично для пабликов из группы «СМИ».

Все описанные нами в третьей главе признаки субъект-объектных сообществ (высокая активность администрации, строгий контроль, четко заявленная цель, сравнительно высокая степень солидарности и агрессии) можно было выявить при анализе без особых затруднений.

Так, солидарность среди участников сообщества наиболее заметна в группах с феминистской идеологией (4 из 5 групп с таким дискурсом), националистических группах (все 5), коммунистических (9 из 10) и «патриотических» (8 из 10) сообществах. Интересно, что в попавших в выборку онлайн-медиа солидарность участников групп «ВКонтакте» также достаточно заметна – 9 из 20 от групп этой направленности в выборке. При этом солидаризация администраторов сообщества с его участниками распространена гораздо меньше. Однако в лидерах такой солидаризации оказались снова феминистские (2 из 5 групп) и националистические (2 из 5 групп) группы. Особо солидаризация администрации и участников заметна в группах либеральной направленности (3 из 5 групп).

Агрессия в отношении лиц, высказывающих чуждое сообществу мнение, со стороны участников сообщества заметна в «патриотических» (9 из 10), феминистских (4 из 5), националистических (4 из 5), анархистских (4 из 5). Чрезвычайно высокой она оказалась и для онлайн-медиа (14 из 20), что косвенно свидетельствует о том, что российское онлайн-медиапространство далеко от идеалов рациональной публичной сферы с аргументативной моделью сообществ. Заметная агрессия со стороны администрации была выявлена в националистических группах (3 из 5). «Видимая» активность администрации в дискуссиях сообщества, заключающаяся в общении с другими участниками и одобрении или порицании их высказываний заметна в феминистских группах (4 из 5), консервативных группах (4 из 5), группах общественных организаций (4 из 5). Также такая активность, что стало определенным сюрпризом, характерна и для онлайн-медиа (5 из 20). Активность критиков принятого в сообществе дискурса заметна в онлайн-медиа (9 из 20), общественных организациях (4 из 5), консервативных и либеральных группах (4 из 5).

Показательная провокативная деятельность со стороны администрации групп в целом весьма нехарактерна для сообществ «ВКонтакте», попавших в нашу выборку. Единственным исключением являются феминистские группы (2 из 5). Чуть выше провокативная деятельность среди участников этих сообществ (3 из 5). Такие же показатели продемонстрировали анархистские группы. Также представляет интерес, что провокативные посты очень часто встречаются среди онлайн-медиа (12 из 20). Провокации со стороны критиков доминирующего в сообществе дискурса характерны для феминистских (4 из 5), националистических (4 из 5), социалистических (4 из 5), консервативных (4 из 5), либеральных (4 из 5) и коммунистических (7 из 10) сообществ. Реакция администрации сообщества (включая баны и предупреждения), как показало наблюдение, наиболее характерна для

феминистских и националистических сообществ (100% групп в выборке), консервативных, либеральных и «зелёных» групп (4 из 5) и онлайн-медиа (14 из 20). Реакция на провокации со стороны участников сообщества наиболее заметна в националистических группах (4 из 5), коммунистических (5 из 10), онлайн-медиа (10 из 20).

Также проведенный анализ сообществ в виртуальном политическом пространстве сети «ВКонтакте» выявил ряд интересных фактов. Среди идеологических групп наиболее заметно выбиваются из общей массы группы националистов и феминисток, демонстрирующие схожие стратегии в плане управления сообществами. Для групп этих направлений характерны как активная деятельность администраторов сообщества, так и активная, в том числе агрессивная, защита групповых ценностей со стороны участников группы. Следует предположить, что именно эти группы ближе остальных к типу «эхо-камер» и в достаточно жесткой форме отвергают принципы модели аргументативных сообществ. Среди институциональных групп признаки управляемости наиболее заметны онлайн-медиа. Управляемость этих сообществ, как показал предварительный анализ, оказалась выше, чем у политических партий, органов государственной власти, общественных организаций, а также многих идеологических сообществ. В связи с этим следует предположить, что онлайн-медиа не лишены черт идеологизированных сообществ, и часть из них обладает признаками эхо-камер.

В целом необходимо отметить, что для российских виртуальных сообществ характерна субъект-объектная модель управляемости. Как правило, солидаризация подписчиков достигается там, где последовательно демонстрируется активное управление сообществом со стороны администрации группы. Таким образом, управляемость в условиях Веб 2.0 отчасти противоречит классическим принципам формирования виртуальных сообществ, когда основная коммуникативная деятель-

ность исходила от самих участников. Это заставляет сделать предположение о том, что Веб 2.0 в гораздо меньшей степени, чем «рейнгольдский» Интернет способствует формированию субъект-субъектной модели управляемости. Уэллмановская модель «личного» виртуального сообщества более актуальна в эпоху Веб 2.0, чем классическая рейнгольдская. Парадокс эпохи Веб 2.0 занимателен тем, что эхо-камеры, являющиеся последним воплощением «тесных» виртуальных сообществ – побочный продукт проекта публичной сферы. Не находя возможности выразить себя в субъект-субъектном публичном пространстве, носители политических идей (зачастую радикальных) вынуждены участвовать в субъект-объектной модели коммуникации.

8.2. Результаты эксперимента

Если модерация в социальных сетях, даже если она касается блокировки персональных страниц пользователей, предполагает по сути макроуровневое явление, то модерация в виртуальных сообществах с несколькими сотнями или даже тысячами участников, осуществляется в условиях сравнительно автономной и более сплоченной группы, в которой помимо формальных и заявленных правил действуют и неформальные правила, основывающиеся на ценностях сообщества или доминирующих в нём групп, групповые поведенческие практики, нормах и специфике дискурса.

Модерация в автономных сообществах может существенно отличаться от модерации в публичной сфере. Э. Гибсон на основании проведенного эмпирического исследования отмечает, что в «безопасных пространствах» отличается большей скоростью как удаление постов модераторами, так и самоудаление постов под групповым давлением³⁵⁹. В «безопасных пространствах» им также

---

³⁵⁹ Gibson A. (2019) Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces. Social Media + Society.

была выявлена тенденция к использованию менее грубой лексики, чем в пространствах «публичной сферы».

**Таблица 8.4. Таблица сопряженности
«Идеология» * «Блокировка в сообществе»**

Идеологический дискурс, обсуждаемый в сообществе	Блокировки аккаунтов на первом этапе (количество сообществ)	Блокировки аккаунтов на втором этапе (количество сообществ)	Общее количество сообществ, осуществивших блокировки	Общее количество сообществ в выборке
анархистский	0	1	1	5
«зелёный»	1	1	2	5
коммунистический	2	1	3	10
консервативный	1	0	1	5
либеральный	1	0	1	5
либертарианский	0	1	1	5
националистический	0	2	2	5
нейтральный	0	0	0	5
«патриотичный»	0	2	2	10
социалистический	0	1	1	5
феминистский	2	2	4	5

В целях получения более понятной картины с модерацией контента в виртуальных сообществах мы провели эксперимент, включавший публикацию контента с точкой зрения адептов сообщества и его критиков³⁶⁰.

³⁶⁰ Участники полевого эксперимента должны были вступать в дискуссии в 115 виртуальных сообществах и, следуя инструкции, общаться на политические темы с другими пользователями. На выполнение двух этапов уходила неделя (7 дней) в каждом из сообществ. Все аккаунты должны были активно участвовать в интернет-дискуссиях в исследуемых виртуальных сообществах в двух основных ролях: «адепт» и «критик». Аккаунт-адепт должен активно поддерживать декларируемые сообществом ценности, тогда как аккаунт-критик – высказывать сомнения, а также скептические, критические замечания. В каждом сообществе было задействовано два аккаунта-адепта и два аккаунта-критика разного пола. Использование роли адепта было необходимо не только для повышения сравнимости полученных данных, но и как маркер реакции на нового участника дискуссии. Дело в том, что виртуальные сообщества даже в условиях динамичных и персонализированных социальных сетей могут представлять пространства, близкие тённисовскому «gemeinschaft» – сообществу, в котором люди знают друг друга в лицо. Таким образом, мы постарались учесть фактор реакции сообщества и его модераторов на аккаунт критика как нового участника сообщества, сопоставив в аналогичными данными по аккаунту адепта. Разница в отношении к аккаунтам критика и адепта позволила бы охарактеризовать сообщество либо как плюралистическое, в котором допускается выражение любой политической позиции, а включение новых участников происходит легко, либо гомогенное, в котором представление определённых политических взглядов является затруднительным, а в отношении пользователей, выражающих критическую позицию, механизм включения в сообщества затруднён. Различия в стратегии для аккаунта-критика выражались в следующем: Этап 1. Критик выражал сомнения с позиции «критической объективности». Критик должен был активно дискутировать, побуждать других участников дискуссии к взаимодействию с ним, например, к пояснению их позиции. Этап 2. «Рациональная критика». Критик осуществлял критику идеологической системы, поддерживаемой сообществом в рамках правил данного сообщества. Критика реализовывалась как в форме отдельных высказываний в ветке дискуссии, так и в комменти-

Как мы и предполагали, аккаунты адептов не были заблокированы. Исключение составил один аккаунт, который был внесён в черный список одного из СМИ, возможно, по технической причине. Ситуация с аккаунтами критиков выглядит обратной. Приведем эти данные.

В основном блокировки аккаунтов-критиков не превышали 30% от числа сообществ, включенных в выборку по каждой из идеологических групп.

Была выявлена только одна «отклоняющаяся» группа идеологических виртуальных сообществ, в которых блокировки случались либо за выражение сомнений, либо за критические высказывания почти повсеместно – феминистские группы. Одно сообщество, которое попало в выборку, т. к. осуществляло обсуждение феминистской проблематики в политическом ключе, но при этом не являлось настоящим феминистским сообществом – «Гордые лица русского феминизма» (антифеминистский ресурс), оказалось единственной группой в этом кластере, которая не осуществляла блокировку пользователей.

**Таблица 8.5. Таблица сопряженности
«Категория институционального ресурса» * «Блокировка в сообществе»**

Тип ресурса по категориям Вконтакте	Блокировки аккаунтов на первом этапе (число сообществ)	Блокировки аккаунтов на втором этапе (число сообществ)	Общее количество сообществ, осуществивших блокировки	Общее количество сообществ в выборке
государство	0	1	1	5
общественная организация	0	1	1	5
партии	1	1	2	8
сми	0	1	1	20
хобби	0	1	1	12

ровании самых популярных ответов лояльных сообществу комментаторов, «лидеров мнений». Стратегия аккаунта-адепта выражалась в следующем: Этап 1. Короткие конструктивные реплики, выражающие общее согласие с дискурсом сообщества. Этап 2. Развернутые рациональные сообщения в поддержку, с защитой доминирующего в сообществе дискурса по отношению к любому, высказывающемуся против принятой в сообществе точки зрения. Всего участниками эксперимента было сделано 1570 комментариев в 115 сообществах на первом этапе и 2036 комментариев на втором этапе. После завершения полевого этапа полученные данные подверглись кодировке и обработке.

В «институциональных» сообществах блокировки за «сомнения» встретились только в одном сообществе – сообществе партии «Яблоко». Рациональная критика также не является распространенной причиной блокировок в «институциональных» сообществах (единственной группой органов власти, которая блокировала пользователей, оказалось Министерство обороны РФ).

Дополнительно по результатам дискурс-анализа мы классифицировали попавшие в выборку сообщества на основании отношения сообщества к политическому режиму в России и разделили сообщества на три группы: лоялистские, антилоялистские (оппозиционные) и нейтральные (также одно сообщество не было классифицировано в связи с его закрытием до завершения дискурс-анализа).

**Таблица 8.6. Таблица сопряженности
«Лоялизм сообщества» * «Блокировка в сообществе»**

Тип сообщества по отношению доминирующего дискурса к политическому режиму	Блокировки аккаунтов на первом этапе (количество сообществ)	Блокировки аккаунтов на втором этапе (количество сообществ)	Общее количество сообществ, осуществивших блокировки	Общее количество сообществ в выборке
лоялистские	0	4	4	25
антилоялистские	5	9	14	61
нейтральные	3	3	6	28

**Таблица 8.7. Таблица сопряженности
«Лоялизм сообщества» * «Наличие модерации»**

Тип сообщества по отношению доминирующего дискурса к политическому режиму	Общее количество сообществ, осуществивших блокировки	Общее количество сообществ в выборке
лоялистские	15	25
антилоялистские	47	61
нейтральные	21	28

Результаты исследования показали, что лоялистские ресурсы не только крайне редко блокируют пользователей за рациональную критику, но также и не блокируют их за выражение сомнений.

После этого цифры, полученные по результатам первого и второго этапа эксперимента, мы дополнили цифрами, полученными в результате проведённого наблюдения, и выявили сообщества, в которых производилась замеченная наблюдателем модерация, включавшая предупреждения и блокировки, а также сообщества, в которых таких мер модераторов замечено не было.

Таблица 8.8. Таблица сопряженности. «Идеология» * «Наличие модерации»

Идеологический дискурс, обсуждаемый в сообществе	Общее количество сообществ, осуществивших блокировки	Общее количество сообществ в выборке
анархистский	4	5
«зелёный»	5	5
коммунистический	8	10
консервативный	4	5
либеральный	5	5
либертарианский	4	5
националистический	3	5
нейтральный	4	5
«патриотичный»	8	10
социалистический	5	5
феминистский	4	5

В отношении лоялистских и нелоялистских сообществ серьёзных расхождений выявлено не было. Большая часть сообществ независимо от отношения к политическому режиму модерируется.

Таблица 8.9 Таблица сопряженности «Категория институционального ресурса» * «Наличие модерации»

Тип ресурса по категориям Вконтакте	Общее количество сообществ, осуществивших блокировки	Общее количество сообществ в выборке
государство	3	5
общественная организация	4	5
партии	6	8
сми	11	20
хобби	6	12

Также нет существенных различий и в осуществлении модерации в разных по идеологическому дискурсу сообществах. Практически везде процент модерлируемости является очень высоким.

Среди «институциональных» сообществ процент заметной модерации хотя и выше 50% от общего числа сообществ в категории, но ниже, чем в идеологических сообществах. Особенно это касается СМИ, где лишь 55% модераторов заметны пользователям. Единственным исключением являются общественные организации, где процент заметных блокировок достаточно высок.

Выводы

Модерация играет очень значимую роль в политической коммуникации в российских социальных сетях и её осуществление заметно в большинстве исследованных сообществ. В то же время можно говорить как о реализации модели «публичной сферы», предполагающей конфронтационную рациональную коммуникацию, так и о модели эхо-камер, которые имеют высокий процент исключения критически настроенных пользователей.

Исследование не выявило существенных «перекосов» в сторону одной из моделей, что свидетельствовало бы либо о неуправляемости коммуникативным пространством, либо его подконтрольности.

Наиболее последовательно модель публичной сферы реализуется в институциональных сообществах, которые представляют органы власти, средства массовой информации и политические партии – т. е. институты, которые ориентируются на общественное мнение.

Наиболее показательным случаем эхо-камер (или «безопасных мест») в российских политизированных сообществах являются феминистские группы. Это подтверждает выводы Э. Гибсона о более интенсивной модерации в автономных группах.

Заключение

В работе представлен критический анализ феномена постправды. Постправда рассматривается в настоящем исследовании не как объективный феномен политической реальности, а как эпистемологический и политический инструмент для маркирования антагонистических сил, возникших в результате обострения ценностного противостояния и поляризации современной политики. Понятие «эмоправда» фиксирует наметившиеся сдвиги в доминирующих моделях политической коммуникации. Очевиден кризис эффективности рациональных моделей, характерных для концепции публичной сферы, и усиление аффективной коммуникации, которая имеют успех в эхо-камерах и т. н. «безопасных пространствах».

В связи с этим постправда указывает на заметную в политике (прежде всего, политике США) коммуникативную неуправляемость в связи с крахом идеалистической модели публичной сферы, которая является нормативной в западных странах. На основании этих фактов делается предположение о деактуализации концепции политики Х. Арендт и возрождении понимания политики К. Шмитта.

Концептуализация постправды позволила выявить два идеальных типа коммуникативных сообществ – «публичную сферу» и «эхо-камеру», которые и легли в основу дальнейшего анализа виртуальных сообществ.

В целях выявления динамики концептуализации феномена виртуального сообщества в условиях постправды рассмотрена эволюция и основные подходы к понятию «сообщество». Выявлено наслаивание двух подходов – антропологического и экологического, которое в дальнейшем позволило легитимировать реконцептуализацию понятия «виртуальное сообщество». Анализ содержательных изменений термина «виртуальное сообщество» на основе концепций Г. Рейнгольда и

Б. Уэллмана выявил смещение в понимании этого термина от «сплочённой группы» до «персональной сети».

Произведена авторская концептуализация феномена виртуального сообщества и выделены следующие его базовые характеристики: объединяющий интерес, компьютерно-опосредованная коммуникация как соучастие и общие ценности.

Отмечена тенденция смешения феноменов аудитории и сообщества в современных концепциях, посвященных анализу сообщества.

Рассмотрены категории «публичные сферикюлы», «эпистемологические пузыри», «пузыри фильтров», «эхо-камеры», «безопасные пространства», «негативные сообщества», «периферийные сообщества». Отмечены, с одной стороны, частые характерные для многих исследований ошибки, связанные со смешением терминов «пузырь фильтров» и «эхо-камера», и идеологизация таких концептов как «безопасные пространства» и «эхо-камеры».

На основании концепции «негативных сообществ» выявлена угроза радикализации онлайн-групп, не объединённых конструктивными ценностями.

В связи с ужесточением регулирования социальных сетей и других интернет-ресурсов актуальность приобрел феномен «периферийных сообществ» – групп и сетей пользователей, которые были исключены из мейнстримных ресурсов в связи с нарушением правил. Периферийные сообщества менее регулируемы и имеют серьёзный потенциал к росту радикализма, который отмечается исследователями в связи с этим.

Актуализация негативных и периферийных сообществ ставит вопрос о необходимости повышения коммуникативной управляемости в условиях политики постправды.

Проанализирована концептуализация феномена управляемости в киберпространстве. Определены отличия в терминах *governability*,

manageability, controllability. Выявлены подходы к пониманию феномена управляемости в различных отраслях знания, на основании чего представлена иерархия подходов к пониманию управляемости. Произведен анализ традиционного противостояния субъект-субъектного и субъект-объектного подходов, выявлена их специфика применительно к виртуальным сообществам. Представлен вывод о том, что на современном этапе Интернет и социальные сети стали инструментом обеспечения субъект-объектной управляемости.

Данные четырёх исследований – сетевого анализа, конверсационного и дискурсивного анализа, а также эксперимента выявили как оптимистические (в России достаточно динамично развивается публичная сфера коммуникации), так и тревожные аспекты.

В то же время эта работа – пускай и не первый шаг, но всё же предварительный анализ проблем, связанных с поляризацией интернет-коммуникации в России. За рамками исследования осталось ещё довольно много факторов, которые оказывают существенное влияние на трансформацию политической коммуникации и изменения в коммуникативной управляемости общества.

1. Абрамова Е.В. Публичная сфера, городское пространство и новые медиа // *Философский журнал*. 2012. №2 (9). С. 79-86.
2. Агамбен Дж. *Грядущее сообщество* / пер. с ит. Дм. Новикова. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
3. Акофф, Р. *О целеустремленных системах* / Р. Акофф, Ф. Эмери. М.: Наука, 1974. 368 с.
4. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества = Imagined communities: размышления об истоках и распространении национализма*. Москва : Кучково поле, 2016. 413 с.
5. Ачкасова В. А., Трохинова О. И. Сетевые средства этнической мобилизации: исследование роли призывов в межэтнических конфликтах // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 5-11.
6. Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. *Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики*. М.:Фонд ИНДЕМ, 2004.
7. Бахтин М.М. Проблема текста // *Собрание сочинений в 7 тт. М., 1997 Т.5 С.318-320*
8. Бахтин М.М. Слово в романе // *Собрание сочинений в 7 тт. М.: Яз. Слав. Культур*, 2012. Т.3 С.101.
9. Бауман З. *Текущая современность*. СПб, Питер. 2008. 240 с.
10. Бауман, З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2005. 390 с.
11. Белоус А.Б. *Методология управляемости и институциональная нестабильность* // *Российский экономический интернет-журнал*. М.: АТиСО, 2007 // URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2007/Belous1.pdf>
12. Белоус А.Б. *Управляемость как одна из основ экономической науки и практики управления* // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки (экономика, право, социология): научный журнал*. СПб., 2007. № 9. С.85–96.
13. Белоус А.Б. *Управляемость фирмы (экономики) и ее характеристики* // *Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 19. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С. 30-40.*
14. Блакар Р.М. *Язык как инструмент социальной власти* // *Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 88–125.*
15. Бланшо М. *Неописуемое сообщество* // <http://lib.ru/INPROZ/BLANSHO/soobshestwo.txt>
16. Бодрунова С.С. *Делиберативная демократия «сверху вниз»: концепции Европейской публичной сферы и проблема демократического дефицита ЕС*. // *Политика и Общество*. 2014. № 1. С. 88-99.
17. Бодрунова С.С. *Концепция публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. XIV. № 1(54). С. 110-132.
18. Бороноев А.О., Смирнов П.И. *О понятиях "общество" и "социальное"* // *Социологические исследования*. 2003. № 8. С. 3-11.
19. Ботнарюк М.В., Тимченко Н.Ю. *Управление на основе ценностей: метод анализа иерархий. Вопросы управления*. 2018. №2 (32). С. 153-161.
20. Боттон Ален де. *Новости. Инструкция для пользователя* / пер. с англ. В. А. Вебера. М.: Эксмо, 2016. 352 с.

21. Будаев Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 12-15.
22. Быков И. А. Управление Интернетом как одна из проблем современных международных отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4. № 2. С. 164-174.
23. Вахштайн В. С., Вайзер Т. В. Сообщества и Коммуникация: Трансформация Социальных Механизмов Формирования Солидарности. М. 2016. // <https://ssrn.-com/abstract=2807018>
24. Волкова А. В. Управляемость государства в условиях глобализации: проблема формирования публичных ценностей // ПОЛИТЭКС. 2013. Том 9. № 4. С.70-82.
25. Волкова А. В., Кожевникова М. С. Управляемость и институты посредничества в современной России // ПОЛИТЭКС. 2014. Том 10. № 3. С. 101-113.
26. Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. 244 с.
27. Головацкая О. Е. Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. 2019. Том 7. №2. С. 139-152.
28. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции / Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7-79.
29. Дебор Г. Общество спектакля. М.:Логос, 2000.
30. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М.: Изд. дом Гос. Ун-т Высшая Школа Экономики, 2010.
31. Диденко М. Концептуализация публичности: основные подходы // Соціальні виміри суспільства: Зб. наук. пр. К.: ІС НАН України, 2008. Вип. 11. С. 52-62. / <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/28785/05-Didenko.pdf?sequence=1>
32. Дмитриченкова Е.О. Управляемость обществом и организациями как актуальная проблема социологии управления // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. Выпуск № 3 – 4 (июль – декабрь). С.613-619.
33. Добринская Д.Е. Сообщества в эпоху интернета // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. №24(4). С. 59-79.
34. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Социология / Перевод А.Б. Гофмана. М: Канон. 1995. С. 265-286.
35. Ерзнкян Б.А. Теоретико-методологические аспекты управляемости и целостности экономических систем: комментарии ad hoc // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 19. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С.53-64.
36. Зарубин В.Г., Начкин А.И. Управляемость: опыт конструирования социального феномена // Казанский педагогический журнал. 2015.С.186-190.
37. Засурский Я.Н. Техника дезинформации и обмана. М.:Мысль, 1978.
38. Зильберман Н. Н., Мишанкина Н. А. «Советское» в рефлексии пользователей интернет-сообществ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 39-56.
39. Иванов А. Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2. С. 32-40.
40. Ильченко С. Н. Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2237>

41. Ильченко С. Н. Фейк как антиисточник информации: риск для профессиональных стандартов журналистики // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 70-75.
42. Карнаухова О. С. Вспоминая "воображаемые сообщества" Бенедикта Андерсона / Новое прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 160-162.
43. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У - Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
44. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
45. Конец журнализма. Version 2.0. Индустрия, технология и политика: пер. с англ. / под ред. А. Чарльза. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 308 с.
46. Коноплицкий С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. Вып. 3. 2004. 170 с.
47. Кончаковский Р.В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.06; [Место защиты: Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького]. Екатеринбург, 2010. 176 с.
48. Куликов В.Г. Развитие управляемости организации // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2011. № 1. С.276-285.
49. Куликов В.Г., Рыбалкина З.М. Методика оценки управляемости организации // Технология текстильной промышленности. 2014. № 6 (354) С. 12-15.
50. Курбалийя Й. Управление Интернетом / Й. Курбалийя; Координационный центр национального домена сети Интернет. М., 2010. 208 с.
51. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: Strike Press, 2015.
52. Лукьянова Г.В. Дискурс-анализ текстов СМИ//Политический анализ. 2009. № 9. С. 154-165.
53. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. 388 с.
54. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты Западной части Тихого океана / Пер. с англ. М.: "Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 552 с.
55. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 277 с.
56. Мартьянов Д. С., Быков И. А. Идеологическая сегрегация и цифровое неравенство в российском Интернет-сообществе // Социодинамика. 2018. № 4. С. 43-55.
57. Мартьянов Д. С., Мартьянова Н.А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // Журнал политических исследований. 2019. Том 3 № 3. С. 79-93.
58. Мартьянов Д. С. Политический бот как профессия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12, № 1. С. 74–89.
59. Мартьянов Д. С. Сравнительный анализ постматериалистических партий (на примере "зеленых" и пиратов) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 2 (22). С. 20-31.
60. Милюкова О.В Психологическая управляемость как характеристика процесса управления коллективом научно-исследовательской организации // В мире научных открытий / Под науч. ред. И.А. Рудаковой. Материалы XVI Международной научно-практической конференции: сборник научных трудов. М.: Издательство "Перо", 2015. С. 97-100.

61. Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А., Ячменник К. В. «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 1. С. 150-163.
62. А. Мовчан «Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума»
63. Негров Е. О. Фейк как системообразующий признак политического дискурса // Политика постправды и популизм в современном мире. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 151-154.
64. Нигматуллина К.Р., Бодрунова С.С. Методика качественного анализа дискуссий в Twitter // Медиаскоп. 2017. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2293>
65. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей: незавершенный трактат // М.: Культурная революция. 2005.
66. Новиков Д.А. Кибернетика: Навигатор. История кибернетики, современное состояние, перспективы развития. М.: Ленанд, 2016. 160 с.
67. Новый политехнический словарь – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 672 с.
68. Овшиева Н.Л. К вопросу о различиях в понимании термина «дискурс» // Вестник ОГУ. 2004. №11. С. 165-169.
69. Павлюткин И., Юдин Г. Сообщество как данность и сообщество как процесс: стратегии изучения малых городов. Laboratorium: Журнал социальных исследований, 2015. №3. С. 88-105.
70. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? Пер. с англ. А. Ширикова. М.: «Альпина Бизнес Букс». 2012. 304 с.
71. Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. 2006, Т. 5. № 1. С. 11–18.
72. Парк Р.Э. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 13–18.
73. Парсонс Т. Некоторые проблемы общей теории в социологии // Современная западная теоретическая социология: сборник научных статей. М.: Академический проект, 1994. Вып. 2. С. 79-103.
74. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965.
75. Парсонс Т. О социальных системах // Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
76. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.
77. Попова О. В. Политическая самоидентификация жителей Санкт-Петербурга: по данным эмпирического исследования 2015 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. № 2. С. 30-41.
78. Почебут Л. Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса. СПб, Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. 284 с.
79. Пригожин А. И. Методы развития организаций. – М.: МЦФЭР, 2003. 864 с.
80. Пригожин А. И. Управляемость организацией // Прикладная социология и менеджмент М.: Изд-во МГУ, 1998. С.840.
81. Пригожин А. И. Управляемость // Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. С.840.
82. Публичная сфера: теория, методология, кейс стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. 360 с.

83. Пугина Е.И. Применение критического дискурс-анализа в исследованиях новых социальных движений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: «Социальные науки». 2011. №4 (24). С. 48-52.
84. Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: природа происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 11 (407). Филологические науки. Вып. 109. С. 48-53.
85. Рубцова М.В. Проблема обеспечения управляемости в современных организациях и пути ее решения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №84. С.211-217.
86. Рубцова М.В. Социологическая теория управляемости: монография. СПб.: Книжный дом, 2010. 182 с.
87. Рубцова М.В. Управляемость во взаимодействии субъектов: традиционные и новые практики // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 46-53.
88. Рубцова М.В. Управляемость как основополагающая социолого-управленческая категория // Вестник Томского государственного университета, 2009. №320. С.53-57.
89. Рубцова М.В. Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. 2007. № 12 (декабрь). С. 32-38.
90. Рубцова М.В. Характеристика управляемого субъекта в современном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Социология. 2008. №4. С.139-146.
91. Русакова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С.5-34.
92. Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса. – Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 26-43.
93. Сазонов Б. В., Богомолова Е. А. Виртуальные самоуправляющиеся сообщества // Труды института системного анализа РАН, Т.26, 2006. С. 56-75.
94. Семенов Е. Е. Транснациональная публичная сфера: эффекты глобализации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 166-173.
95. Сечкин Г.И. Педагогическая технология синтеза знаний // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 110-112.
96. Серио П. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. – М.:ОАО ИГ «Прогресс», 1999.
97. Сморгун Л.В. В поисках управляемости: трансформация теории публичного управления в XXI веке // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С.85-96.
98. Сморгун Л. В. Государство и управляемость в странах БРИКС: постановка проблемы // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 3. С. 90-97.
99. Сморгун Л.В. Партисипаторная управляемость и цифровизация // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2019) [Электронный ресурс] : материалы Двенадцатой междунар. конфер, 1–3 окт. 2019 г., Москва / под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна ; Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова Рос. акад. наук . – Электрон. текстовые дан. (26,1 Мб). – М.: ИПУ РАН, 2019.
100. Сморгун Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть, 2016. №6. С. 5-14.
101. Сморгун Л.В. Партисипаторная управляемость и публичная политика // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. проф. Л.В. Сморгунова. - СПб.: изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2018. С.18-21.

102. Соловьев А.И. Сообщественное управление: столкновение повесток как политический процесс // Сотрудничество в публичной политике и управлении / Под ред. проф. Л.В. Сморгунова. - СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. С.52-64.
103. Сообщества как политический феномен / Под редакцией П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 248 с.
104. Сорокин П. А. «Предисловие» к первому американскому изданию сочинения Ф. Тённиса «Общность и общество» / Пер. с англ., примечания и комментарии Н. А. Головина // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 1. С. 150–156. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6284
105. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с.
106. Суслов С. И. Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «Вконтакте» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 69-87.
107. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2017. С. 93-112.
108. Сыров В. Н. Концепт сообщества и современные философские стратегии // Фундаментальные стратегии социогуманитарного знания в контексте развития современной науки и философии: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции, проведенной философским факультетом Томского государственного университета 25-26 мая 1999 г. Томск, 1999. С. 38-41. // URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:00031477>
109. Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента: монография. Выпуск 1. Серия: «Классики менеджмента». М.: Контроллинг, 2011. 144 с.
110. Тённис Ф. Общность и общество / Пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал, 1998. № 3-4. С. 206-229.
111. Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. – СПб.: Изд-во С.-Пб ун-та, 2000. 472 с.
112. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е.. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр». 2009. 356 с.
113. Управление организацией: Энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. 822 с.
114. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильностей для XXI столетия / пер. с англ. Д. Крачелкина. - М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
115. Усик Н.И. Об управляемости глобальной экономикой в условиях неопределенности // Экономика и экологический менеджмент. 2010. №1. С.15–18.
116. Федорченко С. Н. Хэштеги в формировании политической повестки и методологический потенциал Big Data // Журнал политических исследований. 2019. № 1. С. 14-26.
117. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI. М.: Весь мир, 2012. 160 с.
118. Хабермас Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 40–49.
119. Черепанова Т. В. «Неспособность к разговору», или Статус публичной сферы в информационном обществе: Х. Арендт и Ю. Хабермас // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. 2011. №2 (91). С. 41-49.

120. Чубукова Е.И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта// Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. СПб, 2001. № 8.
121. Чуйкина, С. А. Жизненные траектории дворян в советском обществе : Ленинград 1920 - 1930-х годов : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04.- Санкт-Петербург, 2000.179 с.
122. Чураева Н. С. Социально-психологические механизмы формирования виртуальных сообществ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Наталья Сергеевна Чураева. – Москва, 2009. 21 с.
123. Шевченко И.С. Теория Юргена Хабермаса и критический анализ дискурса// Вестник ХНУ. М., 2007. №773. С. 12-15.
124. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. –М.: Гнозис, 2004. 324 с.
125. Шерстобитов А. С., Кусик О. А. Криптовалюты как вызов управляемости: публичная политика современных государств в различных сетевых и политико-административных контекстах // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 2. С. 88–99.
126. Шерстобитов А.С. Трансформации механизмов взаимодействия государственных и негосударственных акторов в процессе перехода к координационному государству // Вестник СПбГУ. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 97-103.
127. Шуклина Е.А. Партиципаторные исследования: методология, методика, опыт применения // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 18-34.
128. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
129. Щекотин Е. В., Гойко В. Л., Барышев А. А., Кашпур В. В. Влияние парламентских выборов в России на мобилизацию сторонников непарламентской оппозиции // Вестник науки Сибири. 2017. № 3(26). С. 90-107.
130. Bell C., Newby H. (1973) Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community. New York: Praeger Publishers.
131. Berger P. (1963) Invitation to sociology. New York: Doubleday.
132. Boutyline, A., Willer, R. (2015) The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. Stanford University. URL: <https://www.ocf.berkeley.edu/~andrei/downloads/echo.pdf>
133. Brants K. (1996) Policing Democracy: Communication Freedom in the Age of the Internet. Javnost. The Public 3, 1. P. 57-70.
134. Brundidge J. (2010) Encountering "difference" in the contemporary public sphere: The contribution of the internet to the heterogeneity of political discussion networks. Journal of Communication, 60(4) P. 680-700.
135. Bryan C. (1996) Democratic Implications of an Economic Initiative. Javnost. Manchester: The Public 3, 1.
136. Bykov I., Balakhonskaya L., Gladchenko I., Balakhonsky V. V. Verbal aggression as a communication strategy in digital society // Proceedings of the 2018 IEEE Communication Strategies in Digital Society Workshop. ComSDS 2018. P. 12-14.
137. Campbell M. A. (2005) Cyber bullying: An old problem in a new guise? Australian Journal of Guidance and Counselling, 15(1), 68-76.
138. Castoriadis C. (1987), The Imaginary Institution of Society (trans. Kathleen Blarney). Cambridge, MA: Polity/MIT Press.
139. Chilton P.A. (2004) Analysing Political Discourse: Theory and Practice. Routledge.
140. Cohen A.P. (1985) The symbolic construction of community. L.

141. Collinson S. (2017) An amazing moment in history: Donald Trump's press conference CNN, 16.02.2017. // URL: <http://edition.cnn.com/2017/02/16/politics/donald-trump-press-conference-amazing-day-in-history/>
142. "Communitarianism" Encyclopedia of Community: From Village to the Virtual World, Vol, A-D, Karen Christensen and David Levinson, eds. (Sage Publication, 2003).
143. Communities: A Survey of Theories and Methods of Research. by Dennis E. Poplin
144. Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community. by Colin Bell, Howard Newby Review author[s]: Charles M. Bonjean he American Journal of Sociology, Vol. 79, No. 3 (Nov., 1973).
145. Darling J. (2016) Networks of protest in Latin America.// Information politics, protests, and human rights in the digital age. Cambridge University Press.
146. Davenport C. (2017) December 4, 2011 As climate-change science moves in one direction, Republicans in Congress are moving in another. Why? The Atlantic. Available at <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2011/12/heads-sand/334776/>
147. Davis R. (2005) Politics Online: Blogs, Chatrooms, and Discussion Groups in American Democracy. London: Routledge.
148. Debatin B. From Public/Private to Public Privacy: A Critical Perspective on the Infosphere <https://www.publicsphereproject.org/node/448>
149. Dubois E. The Myth Of The Echo Chamber // <https://www.oii.ox.ac.uk/blog/the-myth-of-the-echo-chamber>
150. Duncan M., Pelled A., Wise D., Ghosh S., Shan Y., Zheng M., McLeod D. (2020) Staying silent and speaking out in online comment sections: The influence of spiral of silence and corrective action in reaction to news. Computers in Human Behavior, 102, 192-205.
151. Dutton, W. H., Reisdorf, B., Dubois, E., & Blank, G. (2017) Search and Politics: The Uses and Impacts of Search in Britain, France, Germany, Italy, Poland, Spain, and the United States (Working Paper No. 5-1-17) P.9 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2960697>
152. Eady G., Nagler J., Guess A., Zilinsky J., Tucker J. A. (2019) How many people live in political bubbles on social media? evidence from linked survey and twitter data. SAGE Open, 9(1)
153. Elias N. (1974) "Foreword—Towards a Theory of Communities." Pp. ix-xliii in The Sociology of Communities: A Selection of Readings, edited by Colin Bell and Howard Newby. London: Frank Cass & Co. Ltd.
154. Fairclough N. (2009) A dialectical-relational approach to critical discourse analysis in social research //Methods of critical discourse analysis /ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009. P. 162-187.
155. Fairclough N. (1995) Media discourse. London: Edward Arnold.
156. Fairclough N., Wodak R (1997) Critical Discourse Analysis. – Dijk T.A. van. (ed.) Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2: Discourse as Social Interaction. L.
157. Fenton N. Downey, J. (2003) New Media, Counter Publicity and the Public Sphere. New Media & Society. Vol. 5(2): 185-202.
158. Fletcher R., Cornia A., Graves L., Nielsen R.K. (2018) Measuring the reach of "fake news" and online disinformation in Europe // Reuters Institute. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/measuring-reach-fake-news-and-online-disinformation-europe>
159. Fletcher R. (2018) Misinformation and Disinformation Unpacked // Reuters Institute. URL: <http://www.digitalnewsreport.org/survey/2018/misinformation-and-disinformation-unpacked/>

160. Forlano L. (2009) WiFi geographies: When code meets place. *The Information Society*, 25(5), 344-352.
161. Foucault M. (2006) *Seguridad, Territorio, Poblacion: Curso en el College de France: 1977-1978*. Buenos Aires: Fondo de Cultura Economica. 488 p.
162. Foucault M. (1988) *The Ethic of Care for the Self as a Practice of Freedom* // Bernauer J., Rasmussen D. (eds.) *The Final Foucault*. Cambridge, Mass.: MIT Press. P. 1–20.
163. Fraser N. (1990) *Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy* // *Social Text*. No. 25/26. P. 56-80.
164. Garimella K., De Francisci Morales G., Gionis A., Mathioudakis M. (2018) *Political Discourse on Social Media: Echo Chambers, Gatekeepers, and the Price of Bipartisanship*. In *Proceedings of the 2018 World Wide Web Conference: WWW '18* (pp. 913-922). Geneva: International World Wide Web Conferences Steering Committee. P. 913.
165. Georgiadou, E. (1995) *Marshall McLuhan's 'global village' and the Internet* https://www.researchgate.net/publication/274383916_Marshall_McLuhan's_'global_village'_and_the_Internet
166. Gibson, A. (2019) *Free Speech and Safe Spaces: How Moderation Policies Shape Online Discussion Spaces*. *Social Media + Society*.
167. Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Palo Alto: Stanford UP.
168. Giddens A., Sutton P.W. (1985) *Essential concepts in sociology*. Cambridge, 2017; Williams R. *Keywords: a vocabulary of culture and society*. N.Y.
169. Gitlin T. (1998) *Public sphere or public sphericules?*, in Tamar Liebes and James Curran (eds) *Media, Ritual and Identity*, London and New York: Routledge, pp. 175–202.
170. Goel L., Johnson N. A., Jungla, I., & Ives B. (2011) *From space to place: predicting users' intentions to return to virtual worlds*. *MIS Quarterly*, 35(3), P. 749-772.
171. Graham T. (2008) *Needles in a Haystack: A New Approach for Identifying and Assessing Political Talk in Nonpolitical Discussion Forums*. *Javnost – The Public* 15, 2, 17-36.
172. Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press.
173. Hacker K.L., Todino M. (1996) *Virtual Democracy at the Clinton White House: An Experiment in Electronic Democracy*. *Javnost.he Public* 3, 1. P. 71-86.
174. Halliday M., Hasan R. (1989) *Language, context and text: Aspects of language in a social semiotic perspective*. Oxford: Oxford University Press.
175. Hampton K. N., Livio O., & Sessions Goulet L. (2010) *The social life of wireless urban spaces: Internet use, social networks, and the public realm*. *Journal of communication*, 60(4), 701-722.
176. Hansson Th. (2012) "Social self in a virtual world," Working Papers 2012/08, Blekinge Institute of Technology, Department of Industrial Economics.
177. Harsin J. (2017) *Trump l'Œil: Is Trump's Post-truth Communication Translatable?* *Contemporary French and Francophone Studies*, 21(5). P. 512–522.
178. Held D. (1995) *Democracy and the Global Order*. Oxford: Polity Press. Held, David. 1996. *Models of Democracy*. Oxford: Polity Press.
179. Herring S. (2004) *Computer-mediated discourse analysis: an approach to researching online communities*. *Designing for Virtual Communities in the Service of Learning*.
180. Hill K. A., Hughes J. E. (1998) *Cyberpolitics: Citizen activism in the age of the internet*. Lanham: Rowman, Littlefield Publishers. 207 p.
181. Himma-Kadakas M. (2017) *Alternative facts and fake news entering journalistic content production cycle* // *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*. Vol. 9. № 2. P. 25-41.

182. Hoppmann T. K. Revisiting different concepts of social relations in the network society <https://pdfs.semanticscholar.org/b3c6/c3f076148845c83ab01f64e062454a77eca0.pdf>
183. Huber G.A., Malhotra N. (2017) Political homophily in social relationships: Evidence from online dating behavior. *J Polit.* №79. P. 269–283.
184. Humphreys L. (2007) Mobile social networks and social practice: A case study of Dodgeball. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13(1). P. 341-360.
185. Hussain M.M., Howard P.N. (2013) State power 2.0: Authoritarian entrenchment and political engagement worldwide.
186. Iyengar S., Massey D. S. (2019) Scientific communication in a post-truth society. *Proc Natl Acad Sci U S A.* 2019 Apr 16; 116(16): 7656–7661. Published online 2018 Nov 26.
187. Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. (2012) Affect, not ideology: A social identity perspective on polarization. *Public Opin Q.* 76. P. 405–431.
188. Jankowski N.W. (1988) Community Television in Amsterdam. Access to, Participation in and Use of the Lokale Omroep Bijlmermeer. Amsterdam: University of Amsterdam.
189. Jankowski, N., Prehn O., Stappers J. (1992) *The People's Voice. Local Radio and Television in Europe.* London: John Libbey Media.
190. Jaques C., Islar M., Lord G. (2019) Post-Truth: Hegemony on Social Media and Implications for Sustainability Communication. *Sustainability.* №11, 2120.
191. Jenkins S. (2017) Post-truth Politics Will Be Debunked by Online Facts. *The Guardian.* <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/26/post-truth-politics-online-facts-donald-trump-lies>. Accessed 7 Feb 2018: 201–203.
192. Johnson F. (1996) Cyberpunks in the White House. In J. Dovey (ed.), *Fractal Dreams*, London. P. 78-108.
193. Johnson, N.F., Leahy, R., Restrepo, N.J. et al. (2019) Hidden resilience and adaptive dynamics of the global online hate ecology. *Nature* 573, 261–265.
194. Jooan K. and Eun J. Kim (2008) Theorizing Dialogic Deliberation: Everyday Political Talk as Communicative Action and Dialogue. *Communication Theory* 18, 1, 51-70.
195. Kalpokas I. (2018) *A Political Theory of Post-Truth.* Springer. 135 p.
196. Kant R., Titifanue J., Tarai J., Finau G. (2018) Internet under threat?: The politics of online censorship in the pacific islands // *Pacific Journalism Review*, 24(2), 64-82.
197. Kelly J., Barash V., Alexanyan K., Etling B., Faris R., Urs G., Palfrey J. G. (2012) Mapping Russian Twitter // *The Berkman Center Research Publication.* Vol. 760. P. 1-60.
198. Kitzberger P. (2017) Against the current: The emergence of a media democratization policy agenda in Latin America. *Global Media and Communication.*
199. Keyes R. (2004) *The Post-truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life.* New York: St. Martin's Press.
200. Kobayashi. T., Ikeda, K. (2009) Selective Exposure in Political Web Browsing, Information, Communication & Society, 12:6, P. 929-953.
201. Krieger, J. M. (2012) Virtual community // Kosut, M. *Encyclopedia of Gender in Media.* Thousand Oaks, Calif: SAGE Publications, Inc. P. 421-425.
202. Lee P.S.N., So C.Y.K., Lee F., Leung L., Chan M. (2018) Social media and political partisanship – A subaltern public sphere's role in democracy, *Telematics and Informatics*, Volume 35, Issue 7. P. 1949-1957.
203. Livingstone S. (2013) The participation paradigm in audience research. *Communication Review.* 16: 1-2, 21-30. <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=17&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjK0O-ql3bLjAhXp8KYKHUdNBsc4ChAWMAZ6BAGDEAI&url=https%3A%2F%2Fcore.ac.uk%2Fdownload%2Fpdf%2F9695513.pdf&usg=AOvVaw0JdtKbyld5tC4XUySXBVIY>

204. Longhurst B., Bagnall G., Savage M. (2004) Audiences, museums and the English middle class. In: *Museum and society*, Jul №2 (2) 104-124. https://www.researchgate.net/publication/255669376_Audiences_museums_and_the_English_middle_class/fulltext/547d84110cf285ad5b08a00d/255669376_Audiences_museums_and_the_English_middle_class.pdf?origin=publication_detail
205. López-Cepeda A.-M., Lopez-Golan M., Rodríguez-Castro M. (2019) Participatory audiences in the European public service media: Content production and copyright. *Comunicar* // https://www.researchgate.net/publication/332903070_Participatory_audiences_in_the_European_public_service_media_Content_production_and_copyright
206. MacIntyre A. (1998) *Whose Justice? Which Rationality?* Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press.
207. Mansbridge J. (1999) Everyday Talk in the Deliberative System. In S. Macedo (ed.) *Deliberative Politics: Essays on Democracy and Disagreement*. P. 211-239. Oxford: Oxford University Press.
208. Margolis M., Resnick D. (2000) *Politics as Usual: The Cyberspace Revolution*. London: Sage.
209. Martyanov D., Bykov I. (2017) Ideological Segregation in the Russian Cyberspace: Evidences from St. Petersburg // *Digital Transformation and Global Society 2017*. St Petersburg: Springer, 2017. P. 259-269.
210. McLuhan M. (1967) *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*. London: Penguin Press.
211. Mejia R., Beckermann K., Sullivan C. (2018) White lies: a racial history of the (post)truth, *Communication and Critical/Cultural Studies*, 15:2. P. 109-126.
212. Melonashi E. (2017) Social media and identity: Understanding identity communication and creation through social media. *Research paradigms and contemporary perspectives on human-technology interaction*. P. 62-83.
213. Mercea, D. (2016) Civic participation in contentious politics: The digital foreshadowing of protest. *Civic participation in contentious politics: The digital foreshadowing of protest*. 2016. 234 p.
214. Monshipouri M. (2016) Information politics, protests, and human rights in the digital age.
215. Mouffe C. (2005) *On The Political*. London.
216. Negt O., Kluge A. (1993) *Public sphere and experience: toward an analysis of the bourgeois and proletarian public sphere*. Minneapolis. University of Minnesota Press.
217. Nelson J. L., Webster J. G. (2017) The Myth of Partisan Selective Exposure: A Portrait of the Online Political News Audience. *Social Media + Society*, July–September: 1–13.
218. Newman M., Girvan M. (2004) Finding and evaluating community structure in networks // *Physical Review*. 2004. Vol. 69. P. 26-113.
219. Nguyen C. (n.d.). Echo Chambers And Epistemic Bubbles. *Episteme*, 1-21.
220. Norris P., Jones D. (1998) Virtual Democracy. *The Harvard International Journal of Press/Politics*. Vol 3(1) Spring.
221. Odasz F. (1995) Issues in the Development of Community Cooperative Networks. In B. Kahin and J. Keller (eds.), *Public Access to the Internet*, Cambridge: MIT Press. P. 115-136.
222. Odou P., Roberts G.H., Roux D. (2018) Co-producing cyber protest: Mesomobilitization in the digital age. *Consumption Markets and Culture*, 21(1), 42-64.
223. Oldenburg R. (1989) *The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlours, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You through the Day*, New York: Paragon House.
224. Oxford Dictionary // URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>

225. Lee P.S.N., So C.Y.K., Lee F., Leung L., Chan M. (2018) Social media and political partisanship – A subaltern public sphere's role in democracy, *Telematics and Informatics*, Volume 35, Issue 7. P. 1949-1957.
226. Picciotto R. (2019) Is evaluation obsolete in a post-truth world? *Evaluation and Program Planning*, Volume 73. P. 88-96.
227. Pogner K.H. (2005) Discourse Communities and Communities of Practice On the social context of text and knowledge production in the workplace. Paper presented at the 21st EGOS Colloquium. June 30 – July 2. Freie Universität Berlin.
228. Provan K., Kenis P. (2007) Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness. – *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 18, № 4. P. 229-252.
229. Rehg W. (2009) *Cogent Science in Context: The Science Wars, Argumentation Theory, and Habermas*, MIT Press. 345 p.
230. Rehg W. (1994) *Insight and Solidarity. A Study in the Discourse Ethics of Jurgen Habermas*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
231. Review author[s]: Kenneth J. Pollinger // *Contemporary Sociology*, Vol. 2, No. 6 (Nov., 1973). P. 616-618.
232. Rheingold H. (2000) *The Virtual Community*. MIT Press. 447 p.
233. Rimmer P.J., Morris-Suzuki T. (1997) *The Japanese Internet: visionaries and virtual democracy* // *E(asterisk) Space III Workshop SINGAPORE, SINGAPORE publ.: MAY 11-16, 1997*.
234. Rosenbaum M. S. (2007) A cup of coffee with a dash of love: An investigation of commercial social support and third-place attachment. *Journal of Service Research*, 10 (1), P. 43-59.
235. Rubtcova M., Martyanov D., Martianova N.(2019) El discurso como medio para establecer y mantener la capacidad de gestión en Internet: marco teórico. *Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores*. Año VI, Edición Especial Publ., Agosto.
236. Salinas A. L.A. (2019) Vivienda social en la periferia de la Ciudad de México como mecanismo de acumulación de capital y control social. *Revista de Urbanismo*, 40, 1-13.
237. Shao X., Ni X. (2019) Online Public Communication with a Moderation of Self-control: Anonymity and Self-concept Clarity. *Third World Conference on Smart Trends in Systems Security and Sustainability (WorldS4)*, London, United Kingdom. pp. 293-296.
238. Sirrianni J., Liu X., Rahman M. M., Adams D. (2019) An opinion diversity enhanced social connection recommendation re-ranking method based on opinion distance in cyber argumentation with social networking. Paper presented at the *Proceedings - 2019 IEEE International Conference on Cognitive Computing, ICC3 2019 - Part of the 2019 IEEE World Congress on Services*, 106-113.
239. *Society, Cyberspace And The Future: How Can New Interactive Communication Technology Enhance Harmonious and Functional Communities at all Scales Worldwide?* Report of an Exploratory Aspen Workshop. Prepared by: B. Murray <http://www.ub.edu/prometheus21/articulos/obsciberprome/aspen.pdf>
240. Soll J. (2016) The Long and Brutal History of Fake News [Электронный ресурс] // *POLITICO Magazine*. December 18. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/12/fake-news-history-long-violent-214535>
241. Soukup Ch. (2006) Oldenburg's Great Good Places on the World Wide Web Computer-Mediated Communication as a Virtual Third Place. *New Media and Society* 8, 3, P. 421-440.
242. Steinkuehler C. A., Williams, D. (2006) Where everybody knows your (screen) name: Online games as "third places". *Journal of Computer-Mediated Communication*, 11 (4). P. 885-909.

243. Stukal D., Sanovich S., Bonneau R., Tucker J. (2019) The Use of Twitter Bots in Russian Political Communication // PONARIS Eurasia Policy Memo. No. 564. 10 p.
244. Sunstein C.R. (2009) Going to Extremes: How Like Minds Unite and Divide. By Cass R. Sunstein. Oxford: Oxford University Press. 208 pp.
245. Sunstein C. R. (2009) Republic.com 2.0. Princeton: Princeton University Press. 272 p.
246. Sunstein, C. R. (2001) Republic.com. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
247. Tambini D. (2017) Fake News: Public Policy Responses. London: Media Policy Project, London School of Economics and Political Science // <http://eprints.lse.ac.uk/73015/>
248. Teixeira L. (2013) Virtual Democracy and Models of Political Democracy: Reflections on the Case of the First Conference on Virtual Transparency and Social Control. // Conference: 13th European Conference on e-Government (ECEG). Univ Insubria, Dept Theoret & Appl Sci, Como, ITALY JUN 13-14. P. 526-534
249. Tesich S. (1992) A Government of Lies, The Nation, January 6/13. P. 12–14.
250. Tintarev N., Sullivan E., Guldin D., Qiu S., Odjik D. (2018) Same, same, but different: Algorithmic diversification of viewpoints in news. Paper presented at the UMAP 2018 - Adjunct Publication of the 26th Conference on User Modeling, Adaptation and Personalization, 7-13.
251. Toepfl F., Litvinenko A. (2018) Transferring Control from the Backend to the Frontend: A Comparison of the Discourse Architectures of Comment Sections on News Websites Across the Post-Soviet World // New Media and Society. Vol. 20(8). P. 2844-2861.
252. Van Dijk J.A.G.M. The Network Society: Social Aspects of New Media. Second edition. SAGE Publications London Thousand Oaks New Delhi. 292 p.
253. Van Dijk T. A. (2008) Critical discourse studies: A sociocognitive approach //Methods of critical discourse analysis/ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London: Sage, 2009.
254. Vosoughi S., Roy D., Aral S. (2018) The spread of true and false news online // Science. Vol. 359. № 6380. P. 1146-1151.
255. Wall M. A. (2007) Social Movements and Email: Expressions of Online Identity in the Globalization Prothesis. New Media and Society. 9 (2). P. 258-277.
256. Wallis, J. and L. M. Given. (2016) "#digitalactivism: New Media and Political Protest." First Monday 21 (2).
257. Wang M., Chi P. (2019) Blurring political leanings of messages on social networks using deniable steganography. IEEE Access, 7, 87692-87703.
258. Weintraub J. (1995) Varieties and Vicissitudes of Public Space // Metropolis: Center and Symbol of Our Times, Philip Kasinitz, Ed. P. 280–319.
259. Wellman B. (2001) Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking. International Journal of Urban and Regional Research. I. 25. P. 227-252.
260. Wieringa M., van Geenen D., Schäfer M.T., Gorzeman L. (2018) Political topic-communities and their framing practices in the Dutch Twittersphere. Internet Policy Review 7 (2).
261. Wilhelm A. (2000) Democracy in the Digital Age: Challenges to Political Life in Cyberspace. London: Routledge.
262. Williams C. B., Gulati G. J. J. (2013). Social networks in political campaigns: Facebook and the congressional elections of 2006 and 2008. New Media and Society, 15(1), 52-71.
263. Williams F., Pavlik J. (1995) The People's Right to Know: Media, Democracy, and the Information Highway. Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
264. Wodak R. (2001) The discourse-historical approach //Methods of critical discourse analysis. P. 63-94.
265. Wright S. (2012) "From 'Third Place' to 'Third Space': Everyday Political Talk in Non-Political Online Spaces," Javnost – The Public, 19(3), P. 5–20.

266. Zannettou S., Bradlyn B., De Cristofaro E., Kwak H., Sirivianos M., Stringini G., Blackburn J. (2018) What is Gab: A Bastion of Free Speech or an Alt-Right Echo Chamber, Companion Proceedings of the The Web Conference 2018, April 23-27. Lyon, France.

267. Zherebtsov M., Goussev S. (2017) Kremlin tweets: the politics of social media in Russia // 113th American political science association conference. 30 p.

Приложение 1. Выборка политизированных виртуальных сообществ России в социальной сети «ВКонтакте» (июнь, 2019 г.)³⁶¹

url	sample	key	name
https://vk.com/club116802581	a	анархисты	Панк и политика Punk Дикобраз Дикобраз
https://vk.com/anarchynameste	a	анархисты	Мама анархия!
https://vk.com/odekvat_anarchy	a	анархисты	оДЕКВАТНАя Анархия™
https://vk.com/cl_an	a	анархисты	Классическая анархия
https://vk.com/anarchyrevolution	a	анархисты	Анархия - мать порядка!
https://vk.com/club49023139	a	коммунисты	РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ (РРП)
https://vk.com/club107172091	a	коммунисты	Иосиф Сталин
https://vk.com/club51973690	a	коммунисты	Совхоз имени Ленина Московская Область
https://vk.com/club111939169	a	коммунисты	Здоровый народ
https://vk.com/club50578270	a	коммунисты	За отставку правительства!
https://vk.com/club32738224	a	коммунисты	СССР 2.0
https://vk.com/club57478050	a	коммунисты	?Правда о Сталине и советской эпохе?
https://vk.com/club167377881	a	коммунисты	Дневник Депутата
https://vk.com/club15175514	a	коммунисты	Союз Красных Групп и всех верных СССР!
https://vk.com/club7033	a	коммунисты	СССР Официальная группа
https://vk.com/club146469497	a	либерализм	Классический либерал КЛ
https://vk.com/club21758	a	либерализм	ЭКОНОМИКА ПОЛИТИКА ОБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ
https://vk.com/club23017477	a	либерализм	Я выступаю против Путина и Единой России.
https://vk.com/club54628558	a	либерализм	Либерал
https://vk.com/club151436549	a	либерализм	Политик Никита Исаев: Честно и правдиво о России
https://vk.com/club10354961	a	либертарианство	Пиратская партия России
https://vk.com/dontreadome	a	либертарианство	Либертарианство в схемах и мемах
https://vk.com/lpr_vk	a	либертарианство	Либертарианская партия России (ЛПР)
https://vk.com/libertarian_public	a	либертарианство	Freedom Pride Либертарианство
https://vk.com/libertarians_conservatives	a	либертарианство	Libertarians & Conservatives
https://vk.com/club130202814	a	консерватизм	ДВИЖЕНИЕ «ЦАРСКИЙ КРЕСТ»
https://vk.com/club164893161	a	консерватизм	Мужской путь: патриархат разумный.
https://vk.com/club88816211	a	консерватизм	Анклав Россия. История. Культура.
https://vk.com/kp_rus	a	консерватизм	КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ РОССИИ
https://vk.com/conservativerelovelution	a	консерватизм	Консервативная (P)эволюция
https://vk.com/club63352300	a	национализм	ВЕЛИКАЯ РУСЬ! Русские не сдаются!
https://vk.com/club38004717	a	национализм	Остановим геноцид Русов и Коренных Народов РФ

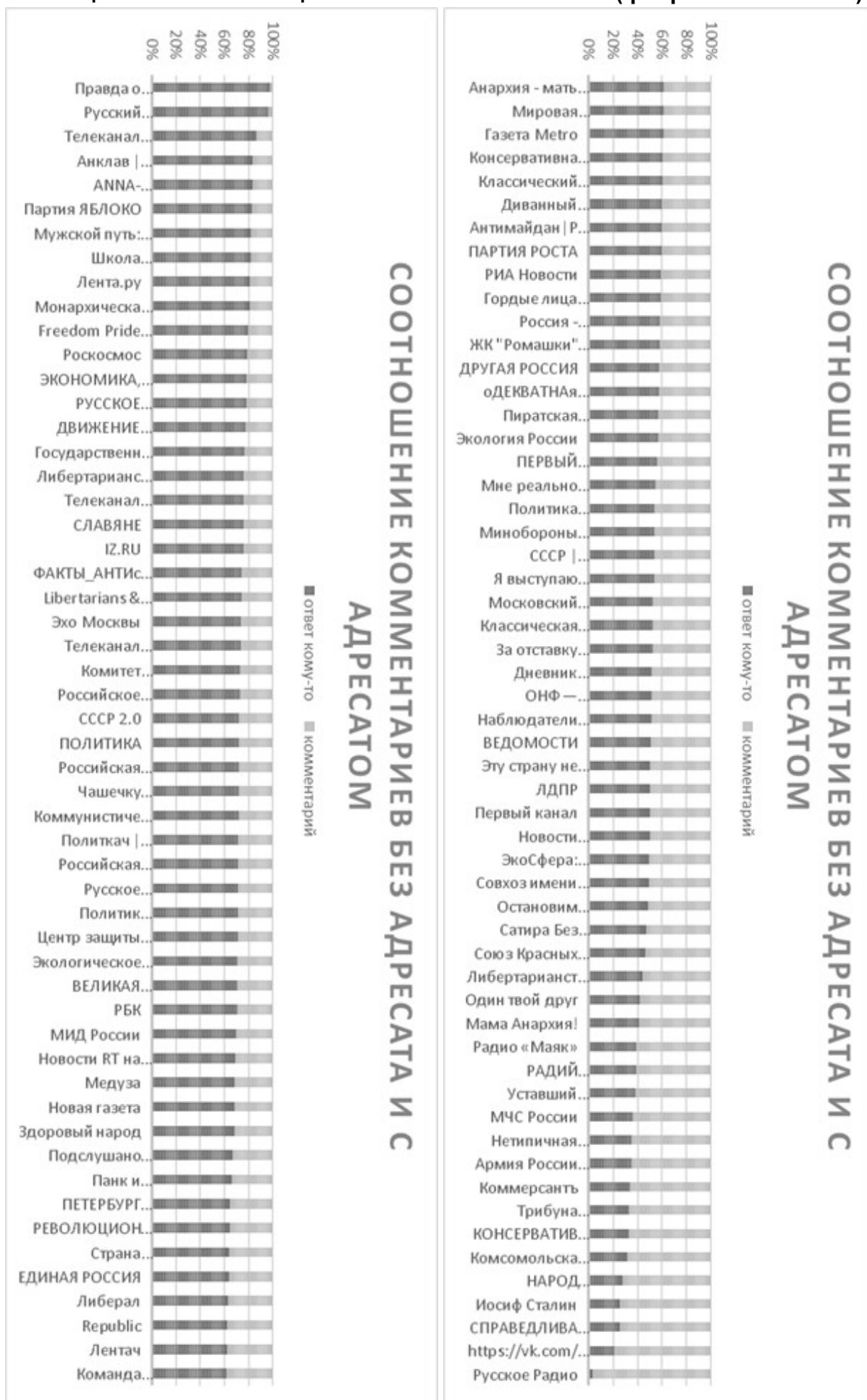
³⁶¹ В связи с тем, что некоторые сообщества не были доступны весь период исследования, после проведения сетевого анализа часть из них замещалась на аналогичные сообщества. В связи с этим на разных этапах выборка дополнялась следующими сообществами: <https://vk.com/vmgere> ; <https://vk.com/onfront> ; https://vk.com/okp_rf ; <https://vk.com/lgbtrussia> ; <https://vk.com/faktionas>

url	sample	key	name
https://vk.com/club44874984	a	национализм	Русское Государство
https://vk.com/slaviane	a	национализм	СЛАВЯНЕ
https://vk.com/club17736722	a	национализм	Комитет "Нация и Свобода"
https://vk.com/club135648876	a	социализм	Трибуна Трудящихся Новости
https://vk.com/club60940385	a	социализм	Русский социализм
https://vk.com/club167980775	a	социализм	ПЕТЕРБУРГ ПРОТИВ
https://vk.com/club6579654	a	социализм	Российское социалистическое движение (РСД)
https://vk.com/club167559060	a	социализм	НАРОД ПРОТИВ повышения пенсионного возраста
https://vk.com/od_fem	a	феминизм	Чашечку феминизма и печеньку, пожалуйста
https://vk.com/club36043735	a	феминизм	ФАКТЫ_АНТИсексизм_АНТИшовинизм_ФЕМ
https://vk.com/overhear_feminism	a	феминизм	Подслушано Феминизм
https://vk.com/fem_school	a	феминизм	Школа феминизма
https://vk.com/rusfemfaces	a	феминизм	Гордые лица русского феминизма
https://vk.com/club3349701	a	зеленые	Центр защиты прав животных «ВИТА»
https://vk.com/club164736298	a	зеленые	Московский мусор в Ярославской области
https://vk.com/rsbor	a	зеленые	Экологическое движение «РазДельный Сбор»
https://vk.com/rus_eco	a	зеленые	Экология России
https://vk.com/eco_sfera	a	зеленые	ЭкоСфера
https://vk.com/club87024604	a	патриотизм	Антимайдан Россия Официальное сообщество
https://vk.com/club19746278	a	патриотизм	Армия России Обзор новостей
https://vk.com/club9957744	a	патриотизм	Политкач Политика
https://vk.com/club120463229	a	патриотизм	Страна скауасовили новости как они есть
https://vk.com/club35276355	a	патриотизм	ANNA-News Фронтовые новости Сирия ЛНР ДНР
https://vk.com/club23469754	a	патриотизм	Мне реально нравится Путин! [Политика Россия]
https://vk.com/club50377583	a	патриотизм	Мировая Политика
https://vk.com/club62675857	a	патриотизм	Политика сегодня Новости
https://vk.com/club66408189	a	патриотизм	РАДИЙ ХАБИРОВ-(группа граждан)
https://vk.com/club121394179	a	патриотизм	Курсом Путина. НОД. REFNOD.RU
https://vk.com/club167883239	a	нейтрал	Уставший оптимист - Политика Юмор Жизнь!
https://vk.com/club19003088	a	нейтрал	Новости Горного Алтая
https://vk.com/club54365484	a	нейтрал	ЖК "Ромашки" Пайцки ЖК "Силы природы" Девяткино
https://vk.com/club133386151	a	нейтрал	Россия - великая страна!
https://vk.com/club32803139	a	нейтрал	Наблюдатели Петербурга за честные выборы
https://vk.com/spravo_ross	b	партии	СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ
https://vk.com/yabloko_ru	b	партии	Партия ЯБЛОКО
https://vk.com/er_ru	b	партии	ЕДИНАЯ РОССИЯ
https://vk.com/monpartyamos	b	партии	Монархическая партия России
https://vk.com/partrost	b	партии	ПАРТИЯ РОСТА

url	sample	key	name
https://vk.com/civilplatform	b	партии	Политическая партия «Гражданская Платформа»
https://vk.com/rus_imperia	b	партии	РУССКОЕ ИМПЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ
https://vk.com/drugoross	b	партии	ДРУГАЯ РОССИЯ
https://vk.com/kprf	b	хобби	Коммунистическая партия РФ (КПРФ)
https://vk.com/liberal_democratic_party	b	хобби	ЛДПР
https://vk.com/rt_russian	b	сми	Новости RT на русском
https://vk.com/mayakfm	b	сми	Радио «Маяк»
https://vk.com/lentaru	b	сми	Лента.ру
https://vk.com/kommersant_ru	b	сми	Коммерсантъ
https://vk.com/metro_online	b	сми	Газета Metro
https://vk.com/meduzaproject	b	сми	«Медуза»
https://vk.com/novgaz	b	сми	Новая газета
https://vk.com/izvestia	b	сми	IZ.RU
https://vk.com/spastv	b	сми	Телеканал «СПАС»
https://vk.com/tvzvezda	b	сми	Телеканал «ЗВЕЗДА»
https://vk.com/rbc	b	сми	РБК
https://vk.com/echomsk	b	сми	Эхо Москвы
https://vk.com/tvrain	b	сми	Телеканал Дождь
https://vk.com/ria	b	сми	РИА Новости
https://vk.com/vedomosti	b	сми	ВЕДОМОСТИ
https://vk.com/rusradio	b	сми	Русское Радио
https://vk.com/oldlentach	b	сми	Лентач
https://vk.com/kpru	b	сми	Комсомольская правда - KP.RU
https://vk.com/rgru	b	сми	Российская Газета
https://vk.com/1tv	b	сми	Первый канал
https://vk.com/roscosmos	b	государство	Роскосмос
https://vk.com/mid	b	государство	МИД России
https://vk.com/mil	b	государство	Минобороны России
https://vk.com/duma	b	государство	Государственная Дума
https://vk.com/mchs__russia	b	государство	МЧС России
https://vk.com/countryballs_re	b	хобби	КБ
https://vk.com/strana_rus	b	хобби	Эту страну не победить!
https://vk.com/satyrazbezsortyra	b	хобби	Сатира Без Позитива / Новости с овощебазы
https://vk.com/divan_analitik	b	хобби	Диванный аналитик
https://vk.com/politicsclub1	b	хобби	ПОЛИТИКА
https://vk.com/coldwar20	b	хобби	Холодная война 2.0
https://vk.com/teamnavalny	b	хобби	Команда Навального
https://vk.com/republicmag	b	хобби	Republic
https://vk.com/ntpolitika	b	хобби	Нетипичная политика™

url	sample	key	name
https://vk.com/russia24na7	b	хобби	ПЕРВЫЙ РУССКИЙ
https://vk.com/belgay	b	общественная организация	Один твой друг
https://vk.com/greenpeace_ru	b	общественная организация	Greenpeace России
https://vk.com/lgbtrussia	b	общественная организация	Российская ЛГБТ-сеть
https://vk.com/vmgere	b	общественная организация	Молодая Гвардия
https://vk.com/onfront	b	общественная организация	ОНФ – Народный фронт

Приложение 2. Описательная статистика политизированных виртуальных сообществ России в социальной сети «ВКонтакте» (февраль-май 2019 г.)

Введение	3
Глава 1. Феномен постправды и его критика	5
1.1. Постправда как состояние неуправляемости.....	5
1.2. Постправда сквозь призму публичного и политического.....	19
1.3. Актуализация дискурса в эпоху постправды.....	30
1.4 «Fake news» в системе современной политической коммуникации.	38
Глава 2. Виртуальные сообщества в эпоху постправды.....	46
2.1. Эволюция термина «сообщество»: сплоченность воображаемая и реальная.....	46
2.2. Виртуальные сообщества: критика классической интерпретации.....	56
2.3. Сеть и «индивидуализированные сообщества».....	61
2.4. Эхо-камеры: виртуальные сообщества и постправда.....	82
Глава 3. Управляемость и Интернет.	102
3.1. Концептуализация феномена управляемости: governability, manageability, controllability.....	102
3.2. Классификация подходов к пониманию феномена управляемости.....	115
3.3. Эволюция моделей управляемости в Интернете.....	126
Глава 4. Политизированные виртуальные сообщества России в социальной сети «ВКонтакте»: сетевой анализ	138
Глава 5. Конверсационный анализ виртуальных сообществ.....	168
5.1. Общие положения конверсационного анализа.....	168
5.2. Сентимент-анализ текстов виртуальных сообществ.....	173
5.3. Описание исследования.	176
5.4. Особенности поведения комментаторов политизированных сообществ.....	180
Глава 6. Политический дискурс виртуальных сообществ.....	205
Глава 7. Третьи пространства и политическая коммуникация.....	245
7.1. Третьи места и третьи пространства: «Интернет вне политики»	245
7.2. Политический дискурс «третьих пространств».....	250
Глава 8. Управляемость и модерация.....	275
8.1. Управляемость и селективная модерация в виртуальных сообществах.....	275
8.2. Результаты эксперимента.....	283
Заключение.....	289
Библиография.....	292
Приложения.....	306

Подписано в печать 16.12.2019
Формат 60x84 1/16. Тираж 50 экз.
Отпечатано методом оперативной полиграфии в ООО «ЭлекСис», Россия,
195112, Санкт-Петербург, Новочеркасский пр., д. 1